Дж. Р. Р. Толкин

ХОББИТ, или Туда и Обратно



Иллюстрации М. Беломлинского

Хоббит, или Туда и Обратно
Джон Рональд Руэл Толкин

Аннотация
Джон Рональд Руэл Толкин. Хоббит, или Туда и Обратно
1. Нежданные гости
2. Баранье жаркое
3. Передышка
4. Через гору и под горой
5. Загадки в темноте
6. Из огня да в полымя
7. Небывалое пристанище
8. Пауки и мухи
9. В бочках — на волю
10. Радушный приём
11. На пороге
12. Что ждало их внутри
13. Пока хозяина не было дома
14. Огонь и вода
15. Тучи собираются
16. Ночной вор
17. Гроза разразилась
18. Обратный путь
19. Последняя глава

Аннотация

Перед вами — самая любимая волшебная сказка для детей в самом любимом оформлении Михаила Беломлинского и в прекрасном переводе Натальи Рахмановой, знакомом каждому. Именно с неё начинается знакомство с чудесным миром Средиземья. Но величественная трилогия о Кольце Всевластья случится чуть позже, а сейчас в уютную норку хоббита Бильбо вот-вот постучится Приключения, и он в компании гномов и волшебника Гэндальфа отправится в дальнее путешествие на поиски пропавших сокровищ…

Джон Рональд Руэл Толкин
Хоббит, или Туда и Обратно

John R. R. Tolkien
The Hobbit
or There and Back again

Originally published in the English language by HarperCollins Publishers Ltd.

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers Limited и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© The J. R. R. Tolkien, Copyright Trust, 1937, 1951, 1966, 1978
© Н. Рахманова, перевод на русский язык
© М. Беломлинский, иллюстрации
© Перевод стихов. И. Комарова, Г. Усова
© ООО «Издательство АСТ»

* * *


Железные холмы
Эсгарот
Одинокая гора
Долгое озеро
Дейл
Р. Быстротечная
Дворец короля эльфов
Чёрный лес
Скала Каррок
Дом Беорна
Туманные горы
Последний домашний приют
Дикий край
Хоббитон
Ривенделл
С
З
В
Ю

Дж. Р. Р. Толкин

ХОББИТ, или Туда и Обратно



1. Нежданные гости



Жил-был в норе под землёй хоббит. Не в какой-то там мерзкой грязной сырой норе, где со всех сторон торчат хвосты червей и противно пахнет плесенью, но и не в сухой песчаной голой норе, где не на что сесть и нечего съесть. Нет, нора была хоббичья, а значит — благоустроенная.

Она начиналась идеально круглой, как иллюминатор, дверью, выкрашенной зелёной краской, с сияющей медной ручкой точно посередине. Дверь отворялась внутрь, в длинный коридор,

похожий на железнодорожный туннель, но туннель без гари и без дыма и тоже очень благоустроенный: стены там были обшиты панелями, пол выложен плитками и устлан ковром, вдоль стен стояли полированные стулья, и всюду были прибиты крючочки для шляп и пальто, так как хоббит любил гостей. Туннель вился всё дальше и дальше и заходил довольно глубоко, но не в самую глубину Холма, как его именовали жители на много миль в окружности. По обеим сторонам туннеля шли двери — много-много круглых дверей. Хоббит не признавал восхождений по лестницам: спальни, ванные, погреба, кладовые (целая куча кладовых), гардеробные (хоббит отвёл несколько комнат под хранение одежды), кухни, столовые располагались в одном этаже и, более того, в одном и том же коридоре. Лучшие комнаты находились по левую руку, и только в них имелись окна — глубоко сидящие круглые окошечки с видом на сад и на дальние луга, спускавшиеся к реке.

Наш хоббит был весьма состоятельным хоббитом по фамилии Бэггинс. Бэггинсы проживали в окрестностях Холма с незапамятных времён и считались очень почтенным семейством не только потому, что были богаты, но и потому, что

с ними никогда и ничего не приключалось и они не позволяли себе ничего неожиданного: всегда можно было угадать заранее, не спрашивая, что именно скажет тот или иной Бэггинс по тому или иному поводу. Но мы вам поведаем историю о том, как одного из Бэггинсов втянули-таки в приключения и, к собственному удивлению, он начал говорить самые неожиданные вещи и совершать самые неожиданные поступки. Может быть, он и потерял уважение соседей, но зато приобрёл… впрочем, увидите сами, приобрёл он в конце концов или нет.

Матушка нашего хоббита… кстати, кто такой хоббит? Пожалуй, стоит рассказать о хоббитах подробнее, так как в наше время они стали редкостью и сторонятся Высокого Народа, как они называют нас, людей. Сами они низкорослый народец, примерно в половину нашего роста и пониже бородатых гномов. Бороды у хоббитов нет. Волшебного в них тоже, в общем-то, ничего нет, если не считать волшебным умение быстро и бесшумно исчезать в тех случаях, когда всякие бестолковые, неуклюжие верзилы, вроде нас с вами, с шумом и треском ломятся, как слоны. У хоббитов толстенькое брюшко; одеваются они ярко, преимущественно в зелёное и жёлтое;

башмаков не носят, потому что на ногах у них от природы жёсткие кожаные подошвы и густой тёплый бурый мех, как и на голове. Только на голове он курчавится. У хоббитов длинные ловкие тёмные пальцы на руках, добродушные лица; смеются они густым утробным смехом (особенно после обеда, а обедают они, как правило, дважды в день, если получится).

Теперь вы знаете достаточно, и можно продолжать.

Как я уже сказал, матушка нашего хоббита, то есть Бильбо Бэггинса, была легендарная Белладонна Тук, одна из трёх достопамятных дочерей Старого Тука, главы хоббитов, живших По Ту Сторону Реки, то есть речушки, протекавшей у подножия Холма. Поговаривали, будто давным-давно кто-то из Туков взял себе жену из эльфов. Глупости, конечно, но и до сих пор во всех Туках и в самом деле проскальзывало что-то не совсем хоббитовское: время от времени кто-нибудь из клана Туков пускался на поиски приключений. Он исчезал вполне деликатно, и семья старалась замять это дело. Но факт остаётся фактом: Туки считались не столь почтенным родом, как Бэггинсы, хотя, вне всякого сомнения, были богаче.

Нельзя, правда, сказать, что после того как

Белладонна Тук вышла замуж за мистера Банго Бэггинса, она когда-нибудь пускалась на поиски приключений. Банго, отец героя нашей повести, выстроил для неё (и отчасти на её деньги) роскошную хоббичью нору, роскошней которой не было ни Под Холмом, ни За Холмом, ни По Ту Сторону Реки, и жили они там до конца своих дней. И всё же вполне вероятно, что Бильбо, её единственный сын, по виду и всем повадкам точная копия своего солидного благопристойного папаши, получил от Туков в наследство какую-то странность, которая только ждала случая себя проявить. Такой случай не подворачивался долго, так что Бильбо Бэггинс успел стать взрослым хоббитом, лет этак около пятидесяти; он жил-поживал в прекрасной хоббичьей норе, построенной отцом, в той самой, которую я так подробно описал в начале главы, и казалось, он никуда уже не двинется с места.

Но случилось так, что однажды в тиши утра, в те далёкие времена, когда в мире было гораздо меньше шума и больше зелени, а хоббиты были многочисленны и благоденствовали, Бильбо Бэггинс стоял после завтрака в дверях и курил свою деревянную трубку, такую длинную, что она почти касалась его мохнатых ног (кстати, аккуратно причёсанных щёткой). И как раз в это

время мимо проходил Гэндальф.

Гэндальф! Если вы слыхали хотя бы четверть того, что слыхал про него я, а я слыхал лишь малую толику того, что о нём рассказывают, то вы были бы подготовлены к любой самой невероятной истории. Истории и приключения вырастали как грибы всюду, где бы он ни появлялся. Он не бывал в этих краях уже давным-давно, собственно говоря, с того дня, как умер его друг Старый Тук, и хоббиты уже успели забыть, каков Гэндальф с виду. Он отсутствовал по своим делам с той поры, когда все они были ещё хоббитятами.

Так что в то утро ничего не подозревавший Бильбо просто увидел какого-то старика с посохом. На старике была высокая островерхая синяя шляпа, длинный серый плащ, серебристый шарф, громадные чёрные сапоги, и ещё у него была длинная, ниже пояса, белая борода.

— Доброе утро! — произнёс Бильбо, желая сказать именно то, что утро доброе: солнце ярко сияло и трава зеленела. Но Гэндальф метнул на него острый взгляд из-под густых косматых бровей.

— Что вы хотите этим сказать? — спросил он. — Просто желаете мне доброго утра? Или утверждаете, что утро сегодня доброе — неважно,

что я о нём думаю? Или имеете в виду, что нынешним утром все должны быть добрыми?

— И то, и другое, и третье, — ответил Бильбо. — И ещё — что в такое дивное утро отлично выкурить трубочку на воздухе. Если у вас есть трубка, присаживайтесь, отведайте моего табачку! Торопиться некуда, целый день впереди!

И Бильбо уселся на скамеечку возле двери, скрестил ноги и выпустил красивое серое колечко дыма; оно поднялось вверх и поплыло вдаль над Холмом.

— Прелестно! — сказал Гэндальф. — Но мне сегодня некогда пускать колечки. Я ищу участника приключения, которое я нынче устраиваю, но не так-то легко его найти.

— Ещё бы, в наших-то краях! Мы простой мирный народ, приключений не жалуем. Бр-р, от них одно беспокойство и неприятности! Ещё, чего доброго, пообедать из-за них опоздаешь! Не понимаю, что в них находят хорошего, — сказал наш мистер Бэггинс и, заложив большой палец за подтяжку, опять выпустил колечко, ещё более роскошное. Затем достал из ящика утреннюю почту и начал читать, притворяясь, будто забыл о старике. Он решил, что тот не внушает доверия, и надеялся, что старик пойдёт своей дорогой. Но

тот и не думал уходить. Он стоял, опершись на посох, и, не говоря ни слова, глядел на хоббита так долго, что Бильбо совсем смутился и даже немного рассердился.

— Доброго утра вам! — произнёс он наконец. — Мы тут в приключениях не нуждаемся, благодарствуйте! Поищите компаньонов За Холмом или По Ту Сторону Реки.



Он хотел дать понять, что разговор окончен.

— Для чего только не служит вам «доброе утро», — сказал Гэндальф. — Вот теперь оно означает, что мне пора убираться.

— Что вы, что вы, милейший сэр! Позвольте… кажется, я не имею чести знать ваше имя…

— Имеете, имеете, милейший сэр, а я знаю ваше, мистер Бильбо Бэггинс, и вы моё, хотя и не помните, что это я и есть. Я — Гэндальф, а Гэндальф — это я! Подумать, до чего я дожил: сын Белладонны Тук отделывается от меня своим «добрым утром», как будто я пуговицами вразнос торгую!

— Гэндальф! Боже милостивый, Гэндальф! Неужели вы тот самый странствующий волшебник, который подарил Старому Туку пару волшебных бриллиантовых запонок, — они ещё застёгивались сами, а расстёгивались только по приказу? Тот, кто рассказывал на дружеских пирушках такие дивные истории про драконов и гоблинов[1], про великанов и спасённых принцесс и везучих сыновей бедных вдов? Тот самый, который устраивал такие неподражаемые фейерверки? Я их помню! Старый Тук любил затевать их в канун

[1] Примечания: 1

В английском фольклоре — существа, похожие на людей, но безобразные, злобные, живут в пещерах, подземных туннелях.

Иванова дня[2]. Какое великолепие! Они взлетали кверху, точно гигантские огненные лилии, и львиный зев, и золотой дождь, и держались весь вечер в сумеречном небе!

Вы, вероятно, уже заметили, что мистер Бэггинс был вовсе не так уж прозаичен, как ему хотелось, а также, что он был большим любителем цветов.

— Бог мой! — продолжал он. — Неужели вы тот самый Гэндальф, по чьей милости столько тихих юношей и девушек пропали невесть куда, отправившись на поиски приключений? Любых — от лазанья по деревьям до визитов к эльфам. Они даже уплывали на кораблях к чужим берегам! Бог ты мой, до чего тогда было инте… я хочу сказать, умели вы тогда перевернуть всё вверх дном в наших краях! Прошу прощения, я никак не думал, что вы ещё… трудитесь.

— А что же мне делать? — спросил волшебник. — Ну вот, всё-таки приятно, что вы кое-что обо мне помните. Во всяком случае, вспоминаете мои фейерверки. Значит, вы не совсем безнадёжны. Поэтому ради вашего дедушки и ради бедной Белладонны я дарую вам то, что вы у меня просили.

---

[2] Примечания: 2
Как и в старой России, праздник середины лета, 24 июня.

— Прошу прощения, я ничего у вас не просил!

— Нет, просили. И вот сейчас уже второй раз — моего прощения. Я его даю. И пойду ещё дальше: я пошлю вас участвовать в моём приключении. Меня это развлечёт, а вам будет полезно, а возможно, и выгодно, если доберётесь до конца.

— Извините! Мне что-то не хочется, спасибо, как-нибудь в другой раз. Всего хорошего! Пожалуйста, заходите ко мне на чашку чая в любой день! Скажем, завтра? Приходите завтра! До свиданья!

И с этими словами хоббит повернулся, юркнул в круглую зелёную дверку и поскорее захлопнул её за собой, стараясь в то же время хлопнуть не слишком громко, чтобы не вышло грубо, — всё-таки волшебник есть волшебник.

— Чего ради я пригласил его на чай? — спросил он себя, направляясь в кладовку. Бильбо, правда, совсем недавно позавтракал, но после такого волнующего разговора не мешало подкрепиться парочкой кексов и глоточком чего-нибудь этакого.

А Гэндальф долго ещё стоял за дверью и тихонько покатывался со смеху. Потом подошёл поближе и остриём посоха нацарапал на красивой зелёной двери некий странный знак. Затем

он зашагал прочь, а в это время Бильбо как раз доедал второй кекс и размышлял о том, как ловко он увернулся от приключений.

На другой день он, в общем-то, забыл про Гэндальфа. У него была неважная память, и ему приходилось делать заметки в особой гостевой книжечке, например: «Гэндальф, чай, среда». Но накануне он так разволновался, что ничего не записал.

Как раз когда он собирался пить чай, кто-то с силой дёрнул дверной колокольчик, и тут Бильбо всё вспомнил! Он сначала бросился в кухню, поставил на огонь чайник, достал ещё одну чашку с блюдечком, положил на блюдо ещё пару кексов и тогда уж побежал к двери.

Только он хотел сказать: «Извините, что заставил вас ждать!», как вдруг увидел, что перед ним вовсе не Гэндальф, а какой-то гном с синей бородой, заткнутой за золотой кушак; блестящие глаза его так и сверкали из-под тёмно-зелёного капюшона. Едва дверь отворилась, он шмыгнул внутрь, как будто его только и ждали. Потом повесил плащ с капюшоном на ближайший крючок и с низким поклоном произнёс:

— Двалин, к вашим услугам.

— Бильбо Бэггинс — к вашим! — ответил хоб-

бит, который от удивления даже не нашёлся что спросить. Когда молчать дольше стало уже неловко, он добавил: — Я как раз собирался пить чай, не присоединитесь ли вы ко мне?

Прозвучало это, быть может, несколько натянуто, но он старался проявить радушие. А как бы поступили вы, если бы незнакомый гном явился к вам домой и безо всяких объяснений повесил у вас в прихожей плащ, будто так и надо?

За столом они просидели недолго. Собственно, они только успели добраться до третьего кекса, как снова раздался звонок в дверь, ещё более громкий, чем раньше.

— Извините! — сказал хоббит и побежал открывать.

«Вот наконец и вы!» — так собирался он встретить Гэндальфа на сей раз. Но это опять оказался не Гэндальф. За дверью стоял старый-престарый гном с белой бородой и в красном капюшоне. Он тоже прошмыгнул внутрь, едва отворилась дверь, как будто его кто-то приглашал.

— Я вижу, наши собираются, — сказал он, заметив на вешалке зелёный капюшон Двалина. Он повесил рядышком свой красный капюшон и, прижав руку к груди, сказал:

— Балин, к вашим услугам.

— Благодарю вас! — ответил Бильбо в совершеннейшем изумлении.

Ответил он, конечно, невпопад, но уж очень его выбили из колеи слова «наши собираются». Гостей он любил, но он любил *знакомых* гостей и предпочитал приглашать их *сам*. У него мелькнула страшная мысль, что кексов может не хватить — и тогда ему самому (а он знал свой долг хозяина и собирался выполнить его, чего бы ему это ни стоило) придётся обойтись без кексов.

— Заходите, выпейте чаю! — ухитрился он выдавить наконец, набрав воздуху в лёгкие.

— Меня больше бы устроил стаканчик пивца, милостивый сэр, если это не слишком затруднит вас, — сказал белобородый Балин. — Но не откажусь и от кекса с изюмом, если он у вас найдётся.

— Сколько угодно! — к собственному удивлению ответил Бильбо и, опять-таки к своему удивлению, побежал бегом в погреб, нацедил пинту[3] пива, оттуда — в кладовую, прихватил там два превосходных круглых кекса с изюмом, которые испёк для себя «на после ужина», и примчался назад.

---

[3] Примечания: 3
Английская мера ёмкости; равна 0,57 литра.

В столовой Балин и Двалин сидели за столом и беседовали, как старые друзья (они на самом деле были братья). Бильбо только успел поставить на стол кувшин с пивом и кексы, как тут же прогремел колокольчик — раз и ещё раз!

«Ну, уж теперь наверняка Гэндальф», — подумал Бильбо, с пыхтением спеша по коридору. Как бы не так! Явились ещё два гнома, оба в синих капюшонах, серебряных кушаках и с жёлтыми бородами. Оба несли по мешку с рабочими инструментами и по лопате. Они тоже проворно шмыгнули в приотворённую дверь — и Бильбо больше не удивлялся.

— Чем могу служить, любезнейшие гномы? — спросил он.

— Кили, к вашим услугам! — сказал один.

— И Фили тоже! — добавил другой.

И оба они сорвали с головы свои синие капюшоны и низко поклонились.

— К вашим услугам и к услугам ваших родственников! — ответил Бильбо, вспомнив на этот раз о хороших манерах.

— Я вижу, Двалин и Балин уже тут, — сказал Кили. — Присоединимся к честной компании!

«Компания! — подумал мистер Бильбо. — Что-то не нравится мне это слово. Присяду-ка я на

минутку, соберусь с мыслями и глотну чайку».

Едва он успел примоститься в уголке и отпить один глоток — а четверо гномов между тем расселись вокруг стола и вели разговор про рудники и золото, про злобных гоблинов и про безобразия драконов и много ещё про что, чего он не понял, да и не хотел понимать, так как всё это отдавало приключениями, — как вдруг — дзинь-дзинь-дзинь-дзинь! — колокольчик зазвонил снова, да так громко, будто какой-то шалун-хоббитёнок пытался оторвать его.

— Ещё кто-то! — сказал Бильбо, моргая.

— Ещё много кто, судя по звонку, — заметил Фили. — Да мы их видели — за нами следом шли четверо.

Бедняга хоббит рухнул на стул в прихожей, обхватил голову руками и принялся размышлять: что произошло, что ещё произойдёт и неужели они все останутся ужинать?! Тут звонок дёрнули пуще прежнего, и Бильбо бросился к дверям. Едва он повернул ручку, как — нате вам! — гости уже в прихожей, кланяются и повторяют по очереди «к вашим услугам». Гномов было уже не четверо, а пятеро. Пока Бильбо предавался размышлениям, подоспел ещё один. Звали их Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн. И вскоре два фиолетовых, се-

рый, коричневый и белый капюшоны висели на крючочках, а гномы прошествовали в столовую, засунув свои широкие ладошки за серебряные и золотые кушаки. В столовой теперь и впрямь набралась целая компания. Одни требовали эля, другие — портера, кто-то — кофе, и все без исключения — кексов, так что хоббит совсем сбился с ног.

Только на огонь был поставлен большой кофейник, только гномы, покончив с кексами, перешли на ячменные лепёшки с маслом, как вдруг раздался… не звонок, а громкий стук. Целый град ударов обрушился на красивую зелёную дверь Бильбо Бэггинса. Кто-то молотил по ней палкой!

Бильбо опрометью бросился по коридору, очень сердитый и совершенно задёрганный и затормошённый, — такого несуразного чаепития в его жизни ещё не бывало! Он рванул дверь на себя — и все стоявшие за ней попадали вперёд друг на друга. Ещё гномы, целых четверо! А позади них, опершись на посох, стоял Гэндальф и хохотал. Он измолотил прекрасную дверь самым безжалостным образом, но при этом исчезла и тайная метка, которую он начертил накануне утром.

— Спокойнее, спокойнее! — сказал он. — Как это не похоже на вас, Бильбо, — заставлять друзей

ждать у порога, а потом взять да как распахнуть дверь — трах-тарарах! Позвольте мне представить: Бифур, Бофур, Бомбур и, обратите особое внимание, Торин!

— К вашим услугам! — сказали Бифур, Бофур, Бомбур, став рядком. Потом они повесили два жёлтых капюшона, один бледно-зелёный и один небесно-голубой с длинной серебряной кистью, который принадлежал Торину. Торин был неимоверно важный гном, не кто иной, как сам знаменитый Торин Оукеншильд, и он был ужасно недоволен тем, что ему пришлось растянуться на пороге, да ещё Бифур, Бофур и Бомбур навалились сверху, а Бомбур, надо сказать, был невероятно толстый и тяжёлый. Поэтому Торин держался сперва очень высокомерно и никаких услуг не предлагал, но бедный мистер Бэггинс так рассыпался в извинениях, что Торин наконец пробормотал: «Не будем об этом говорить», — и перестал хмуриться.

— Ну вот мы и в сборе, — сказал Гэндальф, окинув взглядом висевшие на стенке тринадцать капюшонов — лучших отстежных капюшонов для хождения в гости — и свою собственную шляпу. — Превесёлое общество! Надеюсь, опоздавшим тоже найдётся что-нибудь поесть и

выпить? Что у вас? Чай? Благодарю покорно! Мне, пожалуй, красного винца.

— Мне тоже, — сказал Торин.

— Хорошо бы ещё крыжовенного варенья и яблочного пирога, — вставил Бифур.

— И пирожков с мясом, и сыра, — дополнил Бофур.

— И пирога со свининой, и салата, — добавил Бомбур.

— И побольше кексов, и эля, и кофе, если не трудно! — закричали остальные гномы из столовой.

— Да подкиньте несколько яиц, будьте так добры! — крикнул Гэндальф вдогонку хоббиту, когда тот поплёлся в кладовку. — И захватите холодную курицу и маринованных огурчиков!



«Можно подумать, что он не хуже моего знает, какие у меня припасы в доме!» — пробормотал

мистер Бэггинс, который решительно потерял голову и начал опасаться, не свалилось ли на него нежданно-негаданно самое что ни на есть скверное приключение. К тому времени, как он собрал все бутылки и кушанья, все ножи, вилки, стаканы, тарелки и ложки и нагромоздил всё это на большие подносы, он совсем упарился, побагровел и разозлился.

— Чтоб им объесться и обпиться, этим гномам! — сказал он вслух. — Нет чтобы помочь!

И гляди-ка! Балин и Двалин, тут как тут, стоят в дверях кухни, а за ними Фили и Кили, и не успел Бильбо слова вымолвить, как они подхватили подносы и два небольших столика, вихрем унесли их в столовую и заново накрыли на всю компанию.

Гэндальф сел во главе стола, остальные тринадцать гномов разместились вокруг, а Бильбо, присев на скамеечку у камина, грыз сухарик (аппетит у него совсем улетучился) и пытался делать вид, будто ничего особенного не происходит и с приключениями всё это ничего общего не имеет. Гномы всё ели и ели, говорили и говорили, а время шло. Наконец они отодвинулись от стола, и Бильбо сделал движение вперёд, порываясь убрать тарелки и стаканы.

— Надеюсь, вы не уйдёте до ужина? — спросил он вежливо самым своим ненастойчивым тоном.

— Ни в коем случае! — ответил Торин. — Мы и после ужина не уйдём. Разговор предстоит долгий. Но сперва мы ещё помузицируем. За уборку!

И двенадцать гномов (Торин был слишком важной персоной, он остался разговаривать с Гэндальфом) живо вскочили со своих мест и мигом сложили одна на другую грязные тарелки, а на них всё, что ещё было на столе. Потом они двинулись в кухню, и каждый держал на вытянутой руке целую башню тарелок, увенчанную бутылкой, а бедняга хоббит бежал следом и буквально верещал от испуга:

— Пожалуйста, осторожней! Не беспокойтесь, пожалуйста, я сам!

Но гномы в ответ грянули песню:

Бейте тарелки, бейте розетки!
Вилки тупите, гните ножи!
Об пол бутылки! В печку салфетки!
Будет порядок — только скажи!

Рвите на части скатерти, гости!
Лейте на стулья жир от котлет!

Корки и кости под ноги бросьте!
Мажьте горчицей ценный паркет!

Чашки и рюмки — в чан с кипятком!
Ломом железным поворошите,
Выньте, откиньте и обсушите —
И на помойку всё целиком!

Кто там без дела? Стыд и позор!
Эй, осторожно, хрупкий фарфор![4]

Ничего подобного они, естественно, не натворили, а, наоборот, всё вымыли и прибрали в мгновение ока, пока хоббит вертелся посреди кухни, стараясь за ними уследить. Потом все вернулись в столовую и увидели, что Торин сидит, положив ноги на решётку камина, и курит трубку. Он выпускал невиданной величины кольца и приказывал им, куда лететь: то в трубу, то на часы на каминной полочке, то под стол, то к потолку, где они начинали описывать круги. Но куда бы не летело кольцо Торина, Гэндальф оказывался проворнее. Пуф! — он посылал колечко поменьше из своей короткой глиняной трубки, и оно проскальзывало сквозь каждое кольцо

---

[4] Примечания: 4
Перевод стихов И. Комаровой.

Торина. После этого колечко Гэндальфа делалось зелёным, возвращалось к нему и парило у него над головой. Таких колечек набралось уже целое облако, и в полумраке комнаты вид у Гэндальфа был таинственный и по-настоящему колдовской. Бильбо стоял и любовался; он и сам любил пускать колечки и теперь краснел от стыда, вспоминая, как накануне утром гордился своими колечками, которые ветер уносил за Холм.

— А теперь перейдём к музыке! — сказал Торин. — Несите инструменты!

Кили и Фили побежали и принесли скрипочки; Дори, Нори и Ори достали откуда-то из-за пазухи флейты; Бомбур притащил из прихожей барабан; Бифур и Бофур тоже вышли и вернулись с кларнетами, которые они, раздеваясь, оставили среди тростей; Двалин и Балин одновременно сказали: «Извините, но я забыл мой инструмент на крыльце!»

— Захватите и мой! — сказал Торин.

Они приволокли две виолы ростом с себя и арфу Торина, закутанную в зелёную материю: арфа была золотая и красивая; и когда Торин ударил по струнам, все заиграли тоже, полилась такая неожиданная, такая сладостная, мелодичная музыка, что Бильбо позабыл обо всём и унёсся

душой в неведомые края, туда, где в небе стояла чужая луна — далеко По Ту Сторону Реки и совсем далеко от хоббичьей норки Под Холмом. Через окошечко в склоне Холма в комнату проникла темнота, огонь в камине (стоял ещё апрель) начал гаснуть, а они всё играли и играли, и тень от бороды Гэндальфа качалась на стене.

Тьма заполнила комнату, камин потух, и тени пропали, а гномы продолжали играть. И вдруг, сперва один, потом другой, глухо запели таинственную песню гномов, что пелась в таинственной глуши их древних жилищ. Вот отрывок из их песни, если только слова без музыки могут быть похожи на песню:

За синие горы, за белый туман
В пещеры и норы уйдёт караван;
За быстрые воды уйдём до восхода
За кладом старинным из сказочных стран.

Волшебники-гномы! В минувшие дни
Искусно металлы ковали они;
Сапфиры, алмазы, рубины, топазы
Хранили они и гранили они.

На эльфа-соседа, царя, богача

Трудились они, молотками стуча;
И солнечным бликом в усердье великом
Украсить могли рукоятку меча.

На звонкие цепи, не толще струны,
Нанизывать звёзды могли с вышины;
В свои ожерелья в порыве веселья
Вплетали лучи бледноликой луны.

И пили они что твои короли
И звонкие арфы себе завели;
Протяжно и ново для уха людского
Звучало их пенье в глубинах земли.

Шумели деревья на склоне крутом,
И ветры стонали во мраке ночном;
Багровое пламя взвилось над горами —
И вспыхнули сосны смолистым огнём.

Тогда колокольный послышался звон,
Разверзлась земля, почернел небосклон.
Где было жилище — теперь пепелище:
Не ведал пощады свирепый дракон.

И гномы, боясь наказанья с небес,
Уже не надеясь на силу чудес,

Укрылись в богатых подземных палатах —
И след их сокровищ навеки исчез.

За синие горы, где мрак и снега,
Куда не ступала людская нога,
За быстрые воды уйдём до восхода,
Чтоб золото наше отнять у врага[5].

И, слушая их пение, хоббит почувствовал, как в нём рождается любовь к прекрасным вещам, сотворённым посредством магии или искусными умелыми руками, — любовь яростная и ревнивая, влечение, живущее в сердцах всех гномов. И в нём проснулось что-то туковское, ему захотелось видеть громадные горы, слышать шум сосен и водопадов, разведывать пещеры, носить меч вместо трости.

Он выглянул в окно. На чёрном небе поверх деревьев высыпали звёзды. Он подумал о драгоценностях гномов, сверкающих в тёмных пещерах. Внезапно за лесом За Рекой взметнулось пламя (наверное, кто-то разжёг костёр), и Бильбо представилось, как мародёры-драконы водворяются на его мирном Холме и сжигают

---

[5] Примечания: 5
Перевод стихов И. Комаровой.

всё вокруг. Он вздрогнул и сразу сделался опять обыкновенным мистером Бэггинсом из Бэг-Энда, что Под Холмом.

Он встал, дрожа всем телом. Он колебался: то ли просто принести лампу, то ли сделать вид, будто он идёт за ней, а самому спрятаться в погребе между пивными бочками и не вылезать, пока гномы не уйдут. Но тут он вдруг заметил, что музыка и пение прекратились, все гномы уставились на него и глаза их светятся во мраке.

— Куда это вы? — окликнул его Торин тоном, в котором ясно чувствовалось, что он догадывается о намерениях Бильбо.

— Нельзя ли принести лампу? — робко спросил Бильбо.

— Нам нравится в темноте, — хором ответили гномы. — Тёмные дела совершаются во тьме! До рассвета ещё далеко.

— Да, да, конечно! — сказал Бильбо и сел, но впопыхах сел мимо скамейки, прямо на каминную решётку, с грохотом повалил кочергу и совок.

— Ш-ш! — сказал Гэндальф. — Сейчас будет говорить Торин.

И Торин начал так:

— Гэндальф, гномы и мистер Бэггинс! Мы сошлись в доме нашего друга и собрата по заговору,

превосходного, дерзновенного хоббита — да не выпадет никогда шерсть на его ногах! — воздадим должное его вину и элю!

Он перевёл дух, давая хоббиту возможность сказать, как полагается, вежливые слова, но бедный Бильбо Бэггинс воспринял сказанное совсем не как похвалу: он шевелил губами, пытаясь опровергнуть слова «дерзновенный» и, что ещё хуже, «собрат по заговору», но так волновался, что не мог произнести вслух ни звука. Поэтому Торин продолжал:

— Мы сошлись здесь, дабы обсудить наши планы, наши способы и средства, наши умыслы и уловки. Очень скоро, ещё до рассвета, мы тронемся в долгий путь, в путешествие, из которого некоторые из нас, а возможно, даже все, кроме, разумеется, нашего друга и советчика, хитроумного чародея Гэндальфа, могут не вернуться назад. Настал торжественный миг. Наша цель, как я полагаю, известна всем нам. Но уважаемому мистеру Бэггинсу, а может быть, и кому-нибудь из младших гномов (я думаю, что не ошибусь, если назову Кили и Фили) ситуация в настоящий момент может представляться требующей некоторых разъяснений.

Таков был стиль Торина. Он ведь был важной

персоной. Если его не остановить, он продолжал бы в том же духе без конца, пока бы совсем не запыхался, но так бы и не сообщил обществу ничего нового. Однако его самым грубым образом прервали. Бедняга Бильбо при словах «могут не вернуться назад» почувствовал, что к горлу у него подкатывается крик, и крик этот наконец вырвался наружу, пронзительный, точно свисток паровоза, вылетевшего из туннеля. Все гномы повскакивали с мест, опрокинув стол. На конце своего волшебного посоха Гэндальф зажёг голубой огонь, и в его мерцающем свете все увидали, что несчастный хоббит стоит на коленях на коврике перед камином и трясётся, как желе. Вдруг он плашмя хлопнулся на пол с отчаянным воплем: «Молния убила! Молния убила!» — и долгое время от него не могли добиться ничего другого. Гномы подняли его и перенесли в соседнюю гостиную, с глаз долой, положили там на диван, поставили рядом стакан вина, а сами вернулись к своим «тёмным делам».

— Легко возбудимый субъект, — сказал Гэндальф, когда все заняли свои места. — Подвержен необъяснимым приступам, но один из лучших — свиреп, как дракон, которому прищемили хвост дверью.

Если вам когда-нибудь доводилось видеть дракона, которому прищемили хвост дверью, то вы поймёте, что это чисто поэтическое преувеличение в применении к любому хоббиту, даже к двоюродному прадеду Старого Тука по имени Бычий Рёв, который был такого гигантского (для хоббита) роста, что мог ездить верхом на лошади. Это он когда-то как ураган налетел на армию гоблинов из Маунт-Грэма в битве на Зелёных Полях и сшиб своей деревянной палицей голову с плеч их короля Гольфимбуля. Голова пролетела сто метров по воздуху и угодила прямо в кроличью нору; таким образом была выиграна битва и одновременно изобретена игра в гольф.

Тем временем изнеженный потомок Бычьего Рёва приходил в себя на диване в гостиной. Отлежавшись и глотнув вина, он с опаской подкрался к двери в столовую. Говорил Глойн, и вот что Бильбо услышал:

— Пф! (Или другой какой-то пренебрежительный звук вроде этого.) Думаете, он подойдёт? Легко Гэндальфу расписывать, какой он свирепый, а ну как возбудится и заорёт не вовремя — тогда дракон и все его родственники проснутся — и мы погибли! Сдаётся мне, его крик вызван страхом, а вовсе не возбуждением! Право, не будь на дверях

волшебного знака, я бы решил, что мы попали не туда. Едва я увидел, как этот пузан подпрыгивает и пыхтит в дверях, я сразу заподозрил неладное. Он больше смахивает на бакалейщика, чем на взломщика!

Тут мистер Бэггинс нажал на ручку и вошёл. Туковская порода в нём взяла верх. Он почувствовал, что он обойдётся без настоящей постели и без завтрака, только бы его считали свирепым. Кстати, он и вправду рассвирепел, услыхав слова «как этот пузан подпрыгивает...». Много раз впоследствии бэггинсовская сторона его существа раскаивалась в безрассудном поступке, и он говорил себе: «Бильбо, ты глупец, ты сам, по доброй воле, встрял в это дело».

— Прошу прощения, — проговорил он, — я нечаянно услышал ваши слова. Не буду делать вид, будто понимаю, о чём идёт речь; особенно мне непонятно замечание о взломщиках. Но думаю, что я правильно усвоил одно (всё это он называл «держать себя с достоинством»): вы считаете меня никуда не годным. Хорошо, я вам докажу, на что я способен. Никаких волшебных знаков у меня на дверях нет, её красили всего неделю назад, и вы, разумеется, ошиблись адресом. Как только я увидел ваши несимпатичные физио-

номии, я сразу заподозрил, что вы попали не туда. Но считайте, что вы попали туда. Скажите, что надо делать, и я постараюсь это выполнить, хотя бы мне пришлось сражаться с кошмарными хобботротнями в Самой Крайней Пустыне. У меня был двоюродный прапрапрадедушка Тук Бычий Рёв, так он…

— Верно, верно, только это было давно, — прервал его Глойн. — А я говорил про вас. И уверяю вас, на ваших дверях есть знак, как раз тот знак, который используют — или использовали в прошлом — представители вашей профессии. И означает он вот что: «Опытный взломщик возьмётся за хорошую работу, предпочтительно рискованную, оплата по соглашению». Можете называть себя «кладоискатель высшей категории», если вам не по вкусу «взломщик». Некоторые именуют себя так. Нам-то всё равно. Гэндальф сообщил нам, что один местный специалист срочно ищет работу и что собрание назначается здесь, в среду, на пять часов.

— Как же не быть знаку, — вмешался Гэндальф. — Я сам его поставил на дверях. И по весьма веским причинам. Вы меня просили подыскать для экспедиции четырнадцатого, я и выбрал мистера Бэггинса. Пусть кто-нибудь

попробует сказать, что я ошибся, выбрал не того и попал не туда, и можете отправляться *втринадцатером* и получать сполна всё, что причитается за это число. А не хотите — ступайте домой, копайте уголь!

Он так сердито воззрился на Глойна, что гном вжался в спинку стула, а когда Бильбо открыл было рот, чтобы задать вопрос, Гэндальф повернулся и кинул на него такой грозный взгляд из-под лохматых бровей, что Бильбо со стуком захлопнул рот.

— Вот так, — произнёс Гэндальф. — И чтобы больше никаких споров. Я выбрал мистера Бэггинса, и будьте довольны. Если я сказал, что он Взломщик, — значит, он взломщик или будет взломщиком, когда понадобится. Он далеко не так прост, как вы думаете, и совсем не так прост, как думает он сам. Настанет время, когда вы все (если доживёте) будете благодарить меня за него. А теперь, Бильбо, мой мальчик, неси-ка лампу и прольём немного света вот на эту вещь.

На столе, под большой лампой с красным абажуром, он расстелил обрывок пергамента, похожий на карту.

— Это дело рук Трора, вашего деда, Торин, — сказал он в ответ на взволнованные возгласы

гномов. — Это план Горы.

— Не вижу, чем это нам поможет, — разочарованно сказал Торин, быстро оглядев план. — Я и без того прекрасно помню Гору и её окрестности. Я знаю, где Кромешный Лес и где Иссохшая Пустошь, — там водились драконы.

— Тут на карте и нарисован Дракон, — сказал Балин, — но коль скоро мы доберёмся до Горы, мы и без карты его найдём.

— Есть ещё одна подробность, которой вы не заметили, — возразил волшебник, — потайной ход. Видите вот ту руну на западной стороне и руку с вытянутым указательным пальцем над другими рунами, слева? В этом месте есть потайной ход в Нижний Ярус.

— Когда-то он, возможно, и был потайным, — возразил Торин, — но где уверенность, что он остался потайным до сих пор? Старый Смог живёт там так давно, что у него было время разобраться во всех ходах и выходах.

— Может, и так, но он им всё равно не пользуется.

— Почему?

— Потому что ход слишком узок для него. «Пять футов двери вышиною, пройти там трое могут в ряд», — гласят руны. В такую нору Смог не мог бы

протиснуться даже в молодые годы, а тем более теперь, когда он пожрал столько гномов и людей из Дейла.

— А по-моему, нора очень широкая, — подал голос Бильбо (который никогда не сталкивался с драконами, а что касается нор, был знаком только с хоббичьими). Он опять разгорячился и увлёкся происходящим, и забыл, что лучше помалкивать. Он обожал всякие карты, у него у самого в прихожей висела большая карта Окрестностей, где его любимые дорожки для прогулок были помечены красными чернилами. — Не пойму, как такую огромную дверь можно утаить от кого бы то ни было, даже если Дракон проглядел её? — спросил он. (Не забывайте, он был всего лишь маленький хоббит.)

— Самыми разными способами, — ответил Гэндальф. — Но как утаили именно эту дверь, мы не узнаем, пока не увидим её своими глазами. Насколько я могу понять из надписей на карте, дверь надёжно заперта и сливается с Горой. Обычный приём гномов, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — подтвердил Торин.

— Кроме того, — продолжал Гэндальф, — я забыл упомянуть, что к карте приложен ключик необычной формы. Вот он! — И Гэндальф

протянул Торину серебряный ключ с длинным стержнем и с затейливой бородкой. — Берегите его!

— Ещё бы не беречь! — сказал Торин и нацепил ключик на золотую цепочку, которая висела у него на шее и уходила под куртку. — Теперь наше положение перестаёт быть таким безнадёжным. До сих пор нам было не ясно, с чего начинать. Мы думали держать путь на Восток, соблюдая осторожность и осмотрительность, и дойти до самого Долгого Озера. Тогда-то и начались бы неприятности…

— Не тогда, а намного раньше; уж я-то знаю, что такое путь на Восток, — прервал Гэндальф.

— Оттуда мы могли бы двинуться вверх по Реке Быстротечной, — продолжал Торин, пропустив слова Гэндальфа мимо ушей, — и достичь развалин Дейла — старинного города в долине реки под сенью Горы. Правда, никому из нас не по душе идти через Главные Ворота. Там река течёт прямо под ними, по туннелю, сквозь большой утёс у Южной Оконечности Горы, и из этих же ворот обыкновенно вылетает дракон, на мой взгляд, слишком часто, если только он не переменил своих привычек.

— Да, там не пройти, — сказал волшебник, —

если не заручиться поддержкой какого-нибудь знаменитого Воина, а то и Сказочного Богатыря. Я пытался кого-нибудь подыскать, но воинам нынче не до того — они сражаются друг с другом в чужих краях, а сказочных богатырей в здешних местах раз, два — и обчёлся, если они вообще не перевелись. Мечи затупились, боевыми топорами валят деревья, щиты употребляют вместо люлек и крышек для кастрюль, а драконы, по счастью, за тридевять земель, и для здешних жителей они фигуры почти что легендарные. Потому-то я и решил прибегнуть к взлому, особенно когда вспомнил про Боковой Вход. И вот тут-то входит в игру наш милый Бильбо Бэггинс, самой судьбой избранный Взломщик. Так что давайте обсуждать дело дальше и выработаем план действий.

— Превосходно, — сказал Торин. — Может быть, наш многоопытный взломщик выскажет какие-нибудь ценные мысли или предложения? — И он с преувеличенной вежливостью поклонился Бильбо.

— Прежде всего я хотел бы услышать побольше о самом деле, — сказал хоббит (в голове у него всё перемешалось, в животе похолодело, но он, как истинный потомок Туков, решил не отсту-

пать). — То есть про золото, и про дракона, и про всё прочее, и как золото туда попало, и чьё оно, и так далее.

— Господи помилуй! — сказал Торин. — Разве вы не видели карты? Не слышали нашей песни? И разве не об этом мы толкуем уже много часов подряд?

— И всё-таки я хочу услышать всё подробно и по порядку, — упрямо сказал Бильбо, напуская на себя деловой вид (обычно предназначавшийся для тех, кто пытался занять у него денег) и изо всех сил стараясь казаться умным, осмотрительным, солидным специалистом, чтобы оправдать рекомендацию, полученную от Гэндальфа. — Я также хотел бы подробнее услышать о степени риска, о непредвиденных расходах, о том, сколько времени отводится на всё это предприятие, о вознаграждении и прочая, и прочая.

Под этим подразумевалось: «Что перепадёт мне? И вернусь ли я живым?»

— Ну, хорошо, так и быть, — сказал Торин. — Много лет тому назад, во времена моего деда Трора, нашу семью вытеснили с Дальнего Севера, и ей пришлось перебраться со всеми своими богатствами и орудиями труда назад, к этой самой Горе, что на карте. Гору эту некогда открыл мой

давний предок Трейн Старший, но теперь гномы из нашего рода принялись за неё всерьёз: изрыли её вдоль и поперёк, расширили жилища и мастерские, и при этом, как я понимаю, нашли довольно много золота и массу драгоценных камней. Как бы там ни было, они баснословно разбогатели и прославились, и дед мой стал королём Под Горой, и его очень чтили люди, которые поначалу жили на Юге, но постепенно расселились вверх по Реке Быстротечной до самой долины под сенью Горы. Тогда-то они и построили весёлый город Дейл. Их правители всегда посылали за нашими кузнецами и богато вознаграждали даже наименее искусных. Отцы отдавали нам своих сыновей в обучение и щедро платили, особенно съестными припасами, так что мы не давали себе труда пахать, сеять и вообще добывать пропитание. То были счастливые дни, и даже у самых небогатых из нас водились свободные денежки и досуг для того, чтобы изготовлять красивые вещи просто так, для собственного удовольствия. Я уж не говорю о диковиннейших волшебных игрушках, каких в нынешнее время не увидишь нигде на свете! Чертоги моего деда буквально ломились от всевозможного оружия и драгоценных камней, резных изделий и кубков, а ярмарка игрушек в

Дейле считалась чудом Севера.

Всё это, несомненно, и привлекло внимание дракона. Драконы, как известно, воруют золото и драгоценности у людей, у эльфов, у гномов — где и когда только могут — и стерегут свою добычу до конца жизни (а живут драконы фактически вечно, если только их не убьют), но никогда не попользуются даже самым дешёвым колечком. Сами они сделать неспособны ровно ничего, даже не могут укрепить какую-нибудь разболтавшуюся чешуйку в своей броне. В те времена на Севере расплодилось множество драконов, а золота, как видно, становилось всё меньше, потому что гномы кто бежал на Юг, кто погиб, и картина всеобщего разорения и опустошения приобретала всё более угрожающие размеры. Так вот, был там один особенно жадный, сильный и отвратительный змей по имени Смог. Однажды с Севера до нас донёсся гул, похожий на гул урагана, и все сосны на Горе застонали и заскрипели под ветром. Те гномы, кто находился под открытым небом, а не внутри Горы (на счастье, я был в их числе), издалека увидели, как дракон, весь в пламени, приземлился на нашей Горе. Потом он двинулся вниз, дополз до леса и поджёг его. К этому времени в Дейле звонили во все колокола

и воины спешно вооружались. Гномы бросились к Главным Воротам, но там их поджидал дракон. Никто из них не спасся. Река закипела от жара, туман окутал Дейл, и в этом тумане дракон напал на воинов и почти всех истребил — обычная печальная история, в те годы, увы, нередкая. Потом дракон вернулся назад, к Горе, прополз через Главные Ворота и очистил от жителей все улицы и переулки, подвалы, особняки и галереи. И когда на Горе не осталось в живых ни одного гнома, Смог забрал все сокровища себе. Наверное, он, как водится у драконов, свалил всё в кучу где-нибудь в самой дальней пещере и с тех пор спит на захваченном золоте. По ночам он выползал через Главные Ворота, похищал жителей Дейла и съедал их, так что Дейл постепенно пришёл в упадок, а население частью погибло, а частью разбежалось. Не знаю доподлинно, что там творится сейчас, едва ли кто-нибудь осмеливается жить близко к Горе, разве что у Долгого Озера.

Мы, малочисленная горстка гномов, спасшихся в тот день, сидели в своём убежище и оплакивали судьбу, проклиная Смога. Вдруг вошли мой отец и дед с опалёнными бородами. Они были очень мрачны и неразговорчивы. Когда я спросил, как им удалось уцелеть, они велели мне помолчать и

сказали, что в своё время я всё узнаю. Потом мы покинули эти края и, скитаясь с места на место, зарабатывали себе на жизнь, как могли: нам случалось даже браться за кузнечное ремесло или трудиться в угольных шахтах. Но об украденных у нас сокровищах мы помнили всё время. И даже сейчас, когда, признаюсь, мы отложили кое-что про чёрный день и уже не терпим нужды (тут Торин погладил золотую цепь, висевшую у него на шее), мы всё ещё полны решимости вернуть их обратно и отомстить Смогу, если удастся.

Я часто ломал голову над тем, как спаслись отец и дед. Теперь я понимаю, что у них был в запасе Боковой Вход, о котором никто, кроме них, не знал. Очевидно, они и составили карту, и мне бы хотелось знать: каким образом её захватил Гэндальф и почему она не попала ко мне — законному наследнику?

— Я её не захватывал, мне её дали, — ответил волшебник. — Ваш дед Трор, как вы помните, был убит в рудниках Морайи царём гоблинов Азогом.

— Будь проклято его имя! — отозвался Торин.

— А Трейн, ваш отец, двадцать первого апреля — в прошлый четверг минуло как раз сто лет с того дня — ушёл неизвестно куда, и с тех пор вы его не видели…

— Всё это верно, — подтвердил Торин.

— Так вот, ваш отец перед уходом отдал мне карту и просил передать её вам: а что касается времени и места, которые я выбрал, чтобы вручить её, то моей вины тут нет, ведь чего мне стоило вас разыскать! Когда ваш отец отдавал мне карту, он и своё-то имя позабыл, не то что ваше, так что скажите мне спасибо! Получайте! — И он протянул бумагу Торину.

— Всё равно не понимаю, — сказал Торин, и Бильбо захотелось повторить то же самое. Объяснение и ему показалось не вполне ясным.

— Ваш дед, — медленно и сумрачно проговорил волшебник, — собираясь на рудники Морайи, отдал карту на хранение сыну. После гибели вашего деда отец ваш отправился попытать счастья с картой; он пережил множество всяких злоключений, но так и не добрался до Горы. Я познакомился с ним в темницах чёрного мага Некроманта; как он попал туда — не знаю.

— Вы-то что там делали? — спросил Торин, содрогнувшись, и все гномы тоже вздрогнули.

— Неважно. Интересовался кое-чем, как всегда, и, надо сказать, там мне пришлось довольно туго. Даже я, Гэндальф, еле-еле уцелел. Я пытался спасти вашего отца, но было уже поздно: он

повредился в уме, мысли его путались, он не помнил ни о чём, кроме карты и ключа.

— С гоблинами Морайи мы давно расквитались, — сказал Торин, — надо будет теперь заняться Некромантом.

— Вздор! Такого врага не одолеть всем гномам, вместе взятым, даже если бы их можно было ещё собрать с четырёх концов земли. Отец ваш хотел одного: чтобы его сын разобрался в карте и употребил ключ в дело. Так что дракон и Гора — этого вам за глаза хватит!

— Внимание! Внимание! — вырвалось у Бильбо.

— В чём дело? — спросили гномы и разом обернулись к нему, а он, не в силах совладать с собой, воскликнул:

— Послушайте, что я скажу!

— Что такое? — спросили гномы.

— Мне кажется, вам надо пойти на Восток и на месте выяснить, что и как. В конце концов, существует Боковой Вход, и драконы когда-нибудь да спят, и, если посидеть у входа подольше, что-нибудь непременно придёт в голову. А потом, знаете, по-моему, на сегодня разговоров достаточно. Как там говорится насчёт рано вставать, рано в кровать и так далее? Перед вашим уходом

я накормлю вас хорошим завтраком.

— Перед нашим *общим* уходом, вы хотите сказать, — отозвался Торин. — Разве не вы Главный Взломщик? И не ваше разве дело сидеть у входа, не говоря уже о том, чтобы проникнуть внутрь? Но насчёт кровати и завтрака я с вами согласен. Перед дорогой я обычно ем яичницу из шести яиц с ветчиной — конечно, не болтунью, а глазунью, да смотрите, чтоб глазки́ были целы!

После того как и остальные гномы объявили, что они желают на завтрак (никто из них не подумал сказать хотя бы «пожалуйста», что немало обидело Бильбо), все поднялись из-за стола. Хоббиту пришлось ещё каждого устроить на ночь; он предоставил им все гостевые комнаты, постелил на креслах и диванах, наконец разместил всех и улёгся в свою кроватку, очень усталый и не вполне успокоенный. Единственное, что он твёрдо решил, — ни в коем случае не вставать ни свет ни заря, чтобы накормить всех этих дармоедов. Туковские настроения в нём повыветрились, и он был далеко не уверен, что наутро отправится куда бы то ни было.

Лёжа в постели, он слышал, как в соседней с ним парадной спальне Торин напевает.

За синие горы, за белый туман

В пещеры и норы уйдёт караван;
За быстрые воды уйдём до восхода
За кладом старинным из сказочных стран…

Бильбо заснул под эту песню и видел скверные сны. Когда он проснулся, уже давно рассвело.



2. Баранье жаркое



Бильбо живо вскочил, надел халат и вошёл в столовую. Ни души! Он застал там лишь следы обильного и поспешного завтрака. В комнате всё было перевёрнуто вверх дном, в кухне громоздились груды грязной посуды, перепачканы были чуть не все кастрюли и горшки. Бильбо с грустью убедился в том, что вечерняя пирушка не просто дурной сон. Но зато он с облегчением увидел, что гости отправились в путь без него, не удосужившись его разбудить («Даже спасибо не

сказали», — подумал он). В то же время Бильбо был немного разочарован и сам удивился своему разочарованию. «Не будь дураком, Бильбо Бэггинс, — уговаривал он себя, — в твои ли годы мечтать о драконах и всякой сказочной чепухе!»

И он надел фартук, разжёг плиту, вскипятил воду и быстро перемыл всю посуду. Потом уютненько позавтракал на кухне и тогда только приступил к уборке столовой. Солнце уже сияло вовсю, входная дверь стояла распахнутой, в дом залетал тёплый весенний ветерок. Бильбо начал громко насвистывать и совсем позабыл про вечер накануне. Только-только он собирался сесть и уютненько позавтракать во второй раз у раскрытого окна в столовой, как вдруг появился Гэндальф.

— Голубчик, — сказал он, — да когда же ты пожалуешь? А ещё говорил «рано вставать»! Скажите на милость — сидит завтракает, или как там у тебя это называется, а между тем половина одиннадцатого! Они не могли ждать и оставили тебе послание.

— Какое послание? — спросил бедный мистер Бэггинс в неописуемом волнении.

— Вот те раз! — воскликнул Гэндальф. — Я тебя не узнаю — ты даже не вытер пыль на каминной

полке!

— При чём тут каминная полка? Хватит с меня мытья посуды на четырнадцать персон!

— Если бы ты вытер каминную полку, ты бы нашёл под часами вот это! — И Гэндальф протянул Бильбо записку (написанную, естественно, на собственной, Бильбо, писчей бумаге).

Вот что Бильбо прочёл:

> «Торин и К° шлют Взломщику Бильбо свой привет! За гостеприимство — сердечная благодарность, предложение профессиональной помощи принимается с признательностью. Условия — оплата при вручении искомого размером до, но не превышая, четырнадцатой части общего дохода (буде таковой случится). Возмещение путевых издержек в любом случае гарантировано, похоронные издержки ложатся на К° или на её представителей (если меры не приняты покойным заранее).
>
> Не считая возможным нарушать ваш драгоценный отдых, мы отправляемся вперёд, дабы сделать необходимые приготовления. Будем ожидать вашу

почтенную особу в харчевне Зелёный Дракон, Байуотер, ровно в 11 утра.

Надеясь на Вашу пунктуальность, имеем честь пребывать глубоко преданные Торин и К°».

— Остаётся ровно десять минут. Тебе придётся бежать, — заметил Гэндальф.

— Но… — начал Бильбо.

— Никаких «но», — отрезал волшебник.

— Но ведь… — сделал ещё одну попытку Бильбо.

— Никаких «но ведь»! Бегом!

Бильбо потом никак не мог вспомнить, каким образом очутился на улице — без шапки, без трости, без денег, без всех тех вещей, которые привык брать с собой, выходя из дому. Оставив второй завтрак недоеденным и посуду после себя невымытой, он сунул Гэндальфу ключи от дома и побежал со всех своих мохнатых ног по улочке мимо большой мельницы, через мост и ещё с милю По Ту Сторону Реки.

Ну и запыхался же он, и упарился же, когда ровно в одиннадцать, с боем часов, достиг Байуотера. И на тебе! Оказалось, что носовой платок он тоже забыл дома!

— Браво! — сказал Балин, ждавший его в дверях харчевни.

Тут из-за поворота дороги, которая вела в деревню, показались остальные.

Они ехали верхом на пони, и каждый пони был навьючен всевозможной поклажей — тюками, мешками и прочими пожитками. Самый маленький пони, очевидно, предназначался Бильбо.

— Теперь залезайте оба — и в путь! — скомандовал Торин.

— Прошу прощения, — запротестовал Бильбо, — я не успел надеть шляпу, забыл носовой платок и не захватил денег. Вашу записку я получил только в десять сорок пять, чтобы быть точным.

— А вы не будьте таким точным, — посоветовал Двалин, — и не волнуйтесь! Придётся вам до конца путешествия обходиться без носовых платков и ещё много без чего. А вместо шляпы… у меня в багаже есть лишний капюшон и плащ.

Вот так в одно прекрасное утро в самом конце апреля они тронулись потихоньку в путь. Бильбо был облачён в тёмно-зелёный плащ и чуть-чуть полинялый тёмно-зелёный капюшон, которые ему одолжил Двалин. Одежда была ему велика, выглядел он довольно нелепо.

Боюсь и вообразить, что подумал бы при виде Бильбо его отец Банго. Бильбо утешался единственно тем, что его нельзя принять за гнома, так как у него нет бороды.

Не успели они отъехать от харчевни, как их догнал Гэндальф, совершенно великолепный на великолепном белом коне. Он привёз Бильбо уйму носовых платков, любимую трубку и табаку. Вся компания весело поехала дальше. По дороге путешественники целый день рассказывали разные истории и пели песни, замолкая лишь на то время, пока останавливались перекусить. И хотя это случалось далеко не так часто, как хотелось Бильбо, он всё-таки понемногу стал входить во вкус такой жизни и подумывал, что приключения — это не так уж плохо.

Сперва они проезжали владения хоббитов — просторный добропорядочный край с отличными дорогами, населённый почтенным народом; время от времени им встречался какой-нибудь гном или фермер, спешившие по своим делам. Потом пошла местность, где жители говорили на незнакомом языке и пели песни, каких Бильбо раньше не слыхивал. Наконец они углубились в Пустынную Страну, где уже не попадалось ни жителей, ни трактиров, а дороги становились всё хуже да

хуже. Впереди замаячили сумрачные горы, одна другой выше, казавшиеся чёрными из-за густых лесов. На некоторых виднелись древние замки такого зловещего вида, как будто их построили нехорошие люди. Всё кругом сделалось мрачным, погода вдруг испортилась, стало холодно и сыро. Ночевать им приходилось где попало.

— Подумать только — июнь на носу! — ворчал Бильбо; его пони хлюпал по грязнейшей просёлочной дороге в хвосте процессии. Близился вечер, время чая прошло, весь день не переставая лил дождь, с капюшона текло в глаза, плащ промок насквозь, пони устал и спотыкался о камни. Путешественники были не в духе и молчали.

«Наверняка дождь промочил тюки с сухой одеждой и вода попала в мешки с едой, — с грустью думал Бильбо. — Как бы мне хотелось очутиться сейчас у себя дома, в моей славной норке, у очага, и чтобы чайник начинал петь!..»

Ещё не раз потом ему пришлось мечтать об этом!

А гномы всё трусили вперёд да вперёд, не оборачиваясь, словно совсем забыв про хоббита. За серыми тучами, должно быть, село солнце, и, когда они спустились в глубокую долину, по дну которой бежал поток, сделалось совсем темно.

Поднялся ветер, ивы по берегам закачались и зашелестели. К счастью, старинный каменный мост был цел и им не пришлось переправляться вброд, а то река вздулась от дождей и с шумом бежала с гор и холмов.

Когда они наконец очутились на другом берегу, совсем стемнело. Ветер разогнал тучи, проглянула луна. Они спешились, и Торин пробормотал что-то насчёт ужина и «где бы отыскать сухое местечко на ночь». И тут только заметили, что Гэндальфа нет. Он ехал с ними всю дорогу, так и не объясняя — участвует он в их походе или просто провожает до поры до времени. Он ел больше всех, болтал больше всех и хохотал громче всех. А теперь он просто-напросто исчез, и всё тут!

— Как раз когда так пригодился бы волшебник! — простонали Дори и Нори (они разделяли взгляд хоббита на то, что есть надо регулярно, часто и как можно больше).

В конце концов решили заночевать где есть и только передвинулись под деревья, так как там земля была суше. Но зато ветер стряхивал воду с листвы, и звук падающих капель — «кап, кап» — наводил уныние. К тому же что-то приключилось с костром, огонь словно заколдовали. Гномы обычно умеют разложить костёр буквально где

угодно и из чего угодно, независимо от того, есть ветер или нет. Но в этот вечер у них ничего не клеилось, даже у Ойна и Глойна, уж на что они были мастера по части костров.

Потом вдруг невесть чего испугался один из пони и ускакал. Его не успели перехватить, и он забежал в реку. Пытаясь вытащить его из воды, Фили и Кили чуть не утонули, а поклажу унесло течением. Там, как назло, была большая часть провизии, поэтому их ожидал скудный ужин и ещё более скудный завтрак.

Так они сидели, хмурые, промокшие, и ворчали, а Ойн и Глойн продолжали возиться с костром и переругиваться. Бильбо с грустью размышлял о том, что приключения — это не увеселительная прогулка в сияющий майский день. И вдруг Балин, который выполнял роль дозорного, закричал:

— Глядите, огонь!

Немного поодаль темнел холм, местами довольно густо поросший деревьями. В гуще деревьев и впрямь сверкал огонь, красноватый, уютный, словно свет костра или факелов.

Они поглядели-поглядели и принялись спорить. Одни стояли за то, чтобы пойти и просто посмотреть, что там такое, — хуже не будет.

Другие убеждали: «Местность нам незнакома, и горы чересчур близко. Чем меньше проявлять любопытства в пути, тем меньше вероятности попасть в беду».

Кто-то сказал:

— Но нас как-никак четырнадцать.

А ещё один проговорил:

— Куда запропастился Гэндальф?

И этот вопрос принялись повторять все наперебой.

Тут дождь полил пуще прежнего, а Ойн и Глойн подрались.

Это решило дело.

— В конце концов, с нами Взломщик, — сказали они и направились в сторону огонька, со всеми возможными предосторожностями, ведя своих пони под уздцы. Они добрались до холма и ступили в лес, потом начали подниматься вверх, но нигде не было видно тропы, которая бы вела к дому или ферме. Как они ни старались, всё равно шороха, треска и скрипа (равно как воркотни и чертыханья), пока они продирались в полной темноте сквозь чащу, было хоть отбавляй.

Внезапно красный свет ярко блеснул между стволами совсем близко.

— Теперь очередь за Взломщиком, — сказали

они, подразумевая Бильбо.

— Ступайте и проверьте, что это за свет и зачем он и всё ли тихо и безопасно, — приказал Торин хоббиту. — Поторапливайтесь и, если всё в порядке, побыстрее возвращайтесь. Если не в порядке, тоже попробуйте вернуться. Не сможете вернуться — дважды крикните сычом, а один раз ухните филином, и мы постараемся что-нибудь предпринять.

И Бильбо пришлось идти, так и не успев объяснить, что он и одного раза не сумеет ухнуть филином или крикнуть сычом. Зато хоббиты умеют совершенно бесшумно ступать в лесу. Они очень гордятся своим умением, и Бильбо не раз презрительно фыркал, слушая «тарарам», который, по его мнению, устроили гномы, пробираясь по лесу. Я-то лично думаю, что мы с вами не заметили бы ровнёхонько ничего, даже если бы кавалькада прогарцевала в двух шагах от нас. Что же касается Бильбо, то, когда он крался к огоньку, наверное, даже осторожный хорёк ничего бы не услышал. Бильбо благополучно, никого не вспугнув, добрался до огня, и вот что он увидел.

Трое громадных великанов сидели у огромного костра, сложенного из буковых брёвен. Они поджаривали куски барана на длинных деревянных

вертелах и слизывали с пальцев жир. В воздухе разносился дивный аппетитный аромат. Рядом стоял бочонок с чем-то вкусным, и великаны то и дело окунали туда кружки. Это были тролли! Тут не могло быть никаких сомнений. Даже Бильбо, несмотря на свою затворническую жизнь, сразу догадался, кто они, по их грубым неотёсанным физиономиям, их великанским размерам, массивным каменным ногам, а главное — по их разговору, который был совсем, совсем непохож на великосветский!

— Вчера баранина, сегодня баранина — видно, и завтра, чтоб мне лопнуть, придётся жрать эту чёртову баранину, — проговорил один тролль.

— Хоть бы какой завалящий кусок человечины! — отозвался второй. — И с какой радости этот Вильям, тупая башка, приволок нас в здешние места? Выпивка тоже кончается, — добавил он, толкая Вильяма под локоть, как раз когда тот делал глоток из кружки.

Вильям поперхнулся.

— Заткнись! — заорал он, как только отдышался. — Ты что думаешь — людишки нарочно будут вам с Бертом подвёртываться — нате, лопайте? С той поры, как мы спустились с гор, вы с Бертом полторы деревни умяли, не меньше. Где их ещё

взять? Нынче такие времена пришли, что скажите «спасибо, Билл» и за такого жирненького горного барана, как этот.

Он оторвал зубами большой кусок от бараньей ноги, которую жарил, и утёр губы рукавом.

Да, боюсь, что тролли всегда ведут себя так некультурно, даже те, у которых по одной голове. Услыхав всё это, Бильбо понял, что следует немедленно действовать. Либо надо тихонько вернуться назад и предупредить своих, что в нескольких шагах сидят три здоровенных тролля в прескверном настроении и явно не откажутся отведать жареных гномов или, для разнообразия, жареных пони. Либо он должен показать класс кражи со взломом. Настоящий Взломщик первой категории в подобных обстоятельствах очистил бы карманы троллей (дело почти всегда того стоит), стянул бы барана прямо с вертела, похитил бы пиво — и был таков. А тролли при этом его бы и не заметили. Взломщики более практичные, лишённые профессионального тщеславия, пырнули бы предварительно троллей кинжалом. После чего весело скоротали бы ночку за сытным ужином.



Бильбо всё это знал. Он немало прочитал о том, чего сам в своей жизни не видел и не делал. Он испытывал сильнейшее возбуждение, но и отвращение тоже. Ему хотелось быть в сотне миль отсюда и в то же время… в то же время он как-то не мог просто взять и вернуться к Торину и К° с пустыми руками. Поэтому он стоял, скрытый мраком, и размышлял. Из всех известных ему многообразных деяний взломщиков обчистить карманы троллей казалось ему наименее трудным. Наконец он решился и заполз за дерево как раз позади Вильяма.

Берт и Том отошли к бочонку. Вильям снова опрокинул кружку. Набравшись духу, Бильбо сунул свою маленькую ручку к Вильяму в обширный карман. Кошелёк был там и показался Бильбо большим, как мешок. «Ха, — подумал он, входя во вкус своего нового ремесла и аккуратно вытягивая кошелёк. — Лиха беда — начало!»

Да, это было только начало! Кошельки у троллей всегда со зловредным секретом, и этот кошелёк не был исключением.

— Эй, ты кто такой? — пропищал кошелёк, очутившись снаружи, и Вильям схватил Бильбо за шиворот прежде, чем тот успел отскочить за дерево.

— Чтоб мне лопнуть, Берт, погляди, кого я сцапал! — сказал Вильям.

— Что за штука? — спросили Берт и Том, подходя к нему.

— Почём я знаю! Ты что за штука?

— Я — Бильбо Бэггинс, вз-з-хоббит, — ответил бедняга Бильбо, трясясь всем телом и пытаясь сообразить, как ему прокричать по-совиному, пока его не придушили.

— Вззхоббит? — повторили тролли, насторожившись. Тролли соображают туго и поэтому с подозрением относятся ко всему незнакомому.

— А чего, собственно, вззхоббиту понадобилось в моём кармане? — заметил Вильям.

— А приготовить обед из него можно? — поинтересовался Том.

— Попробуй — узнаешь, — ответил Берт, берясь за вертел.

— Шкуру ободрать, так, поди, и мяса-то на один укус останется, — проговорил Вильям, который только что плотно поужинал.

— Может, поискать — тут ещё такие найдутся? Пирог бы состряпали, — сказал Берт. — Эй, ты, много вас тут шныряет по лесу? Кролик ты несчастный, — добавил он, поглядев на мохнатые ножки хоббита. Он схватил Бильбо за ноги и

сильно встряхнул его.

— Много, — пискнул Бильбо и тогда только спохватился, что нельзя выдавать друзей. — Нет, нет, никого, — быстро прибавил он.

— Это как понять? — спросил Берт, держа Бильбо в воздухе, но на этот раз за волосы.

— Так и понять, — ответил Бильбо, переведя дух. — Пожалуйста, любезные господа, не готовьте из меня ничего! Я сам хорошо готовлю, я лучше готовлю, чем готовлюсь, вы понимаете, что я хочу сказать? Я вам сготовлю превосходный завтрак, если вы меня не приготовите на ужин.

— Заморыш несчастный! — сказал Вильям. Он и так уже за ужином наелся и напился пивом. — Заморыш несчастный! Берт, отпусти ты его!

— Не отпущу, пока не объяснит, что значит «много» и «никого», — возразил Берт. — Не желаю, чтоб мне глотку во сне перерезали! Вот подпалю ему пятки над костром, живо заговорит!

— А я этого не допущу, — сказал Вильям. — Я его поймал.

— Вильям, говорил я тебе, что ты жирный дурак, — заорал Берт, — и ещё повторю!

— А ты хам!

— Я тебе этого не спущу, Билл Хаггинс! — завопил Берт и двинул Вильяму кулаком в глаз.

Тут началась зверская потасовка. Берт выронил Бильбо, и у того хватило ума отползти в сторону, чтобы его не растоптали. А тролли принялись отчаянно драться, громко обзывая друг друга всякими, надо сказать, весьма подходящими именами. Немного погодя они повалились на землю и, сцепившись, лягаясь и пинаясь, покатились прямо в костёр, а Том колотил их обоих веткой, чтобы образумить, отчего они, естественно, ещё больше разъярились.

Тут бы хоббиту самое время улизнуть. Но его бедные мохнатые ножки сильно помял Берт своей лапищей, силы покинули Бильбо, голова кружилась, он лежал за кругом света, падавшего от костра, и отдувался.

В самом разгаре драки вдруг появился Балин. Гномы издалека услыхали шум и, напрасно прождав Бильбо или уханья совы, по одному поползли на свет костра. Едва Том увидел в круге костра Балина, он испустил страшный вой. Тролли просто терпеть не могут гномов (во всяком случае — в сыром виде). Берт и Билл мигом перестали драться и зашипели: «Том, мешок, скорей!» И прежде чем Балин, соображавший, где тут в этой кутерьме найти Бильбо, понял, что происходит, на голову ему набросили мешок и он

уже лежал на земле.

— Сейчас ещё полезут, — сказал Том, — или я здорово ошибаюсь. Это то самое и есть — много и никого. Вззхоббитов — никого, а гномов — много. Я так кумекаю!

— А ведь похоже, ты прав, — подтвердил Берт. — Давайте-ка отойдём от света.

Так они и сделали. Держа наготове мешки, в которых таскали баранов и другую добычу, они притаились в темноте. Стоило появиться очередному гному и застыть в удивлении при виде костра, пустых кружек, обглоданных костей, как — хлоп! — вонючий противный мешок опускался ему на голову, и гном валился на землю. Очень скоро Двалин лежал рядышком с Балином, Фили и Кили тоже лежали вместе, Дори, Нори и Ори были брошены один на другого, а Ойн, Глойн, Бифур, Бофур и Бомбур самым неудобным образом свалены в кучу у костра.

— Будут знать, — сказал Том. Бифур и Бомбур доставили им массу неприятностей, сопротивляясь, как бешеные (все гномы в минуту смертельной опасности сопротивляются, как бешеные).

Последним показался Торин, и его-то уж не захватили врасплох. Он уже ожидал худшего, и ему не надо было видеть ноги своих соратников, тор-

чащие из мешков, чтобы понять, что дела идут не слишком блестяще. Он остановился поодаль, в полумраке, и проговорил:

— Что тут творится? Кто расправился с моими людьми?

— Это тролли! — подал из-за дерева голос Бильбо. — Они прячутся с мешками в кустах.

— Ах так! — сказал Торин и бросился к костру так быстро, что тролли не успели накинуть на него мешок. Он выхватил из костра большую горящую ветку и ткнул ею Берту в глаз. На некоторое время Берт выбыл из строя. Бильбо тоже не зевал — обхватил Тома за ногу, с большим, надо сказать, трудом, так как нога была толщиной с молодое дерево. Но тут же кубарем отлетел и упал прямо в куст, потому что Том, размахнувшись, подбросил ногой в лицо Торину ворох углей. За это Том получил поленом в зубы и потерял передний зуб. Ну и завыл же он! Но в эту самую минуту Вильям подкрался сзади и набросил на Торина мешок. На этом бой закончился. В плачевном положении очутилась вся компания: гномы лежали, аккуратно увязанные в мешки, в двух шагах сидели трое обозлённых троллей, притом двое в ожогах и синяках, и спорили — зажарить гномов на медленном огне целиком, или накро-

шить и сварить, или просто сесть на каждого и раздавить в лепёшку. Бильбо лежал на кусте; одежда на нём была изорвана, весь в ссадинах, он не смел шелохнуться, боясь, что его услышат.

И тут-то появился наконец Гэндальф. Но никто его не заметил. Тролли как раз порешили изжарить гномов сразу, а съесть погодя. Это была идея Берта, и после долгих пререканий другие двое с ним согласились.

— Чего хорошего — жарить сейчас, всю ночь провозимся, — послышался чей-то голос.

Берт подумал, что говорит Вильям.

— Не начинай снова-здорова, Билл, — огрызнулся он, — а то и впрямь всю ночь провозимся.

— Кто начинает? — отозвался Вильям, думавший, что те слова произнёс Берт.

— Ты начинаешь, — ответил Берт.

— Врёшь, — возразил Вильям, и спор начался сначала. В конце концов они договорились искрошить гномов и сварить. Тролли притащили огромный чёрный котёл и достали ножи.

— Да не стоит их варить! Воды под рукой нет, а до колодца топать далеко, — раздался голос.

Берт и Вильям решили, что говорит Том.

— Молчи! — оборвали они его. — А то мы так никогда не кончим. Будешь болтать, пойдёшь

за водой.

— Сам молчи! — отозвался Том, который думал, что говорил Вильям. — Кто болтает? Ты и болтаешь!

— Балда! — сказал Вильям.

— Сам балда! — отрезал Том.

И они опять заспорили ещё яростнее, чем прежде, но в конце концов пришли к соглашению сесть на каждый мешок по очереди и расплющить гномов, а сварить как-нибудь в другой раз.

— На кого первого сядем? — спросил голос.

Берт думал, что говорит Том.

— Давайте сперва на последнего, — ответил Берт, которому Торин повредил глаз.

— Чего ты сам с собой разговариваешь? — сказал Том. — Хочешь на последнего — садись на последнего. Где он тут?

— В жёлтых чулках, — сказал Берт.

— Ерунда, в серых, — послышался голос, похожий на Вильямов.

— Я нарочно запомнил — в жёлтых, — настаивал Берт.

— Точно, в жёлтых, — подтвердил Вильям.

— Так чего ты говоришь — в серых?! — возмутился Берт.

— Не говорил я. Это Том сказал.

— Я-то при чём? — завопил Том. — Сам ты сказал!

— Один двоих не переспорит, заткнись! — скомандовал Берт.

— Ты это кому говоришь? — крикнул Вильям.

— Ну хватит! — сказали Том и Берт вместе. — Ночь кончается, скоро рассвет. За дело!

— Рассвет вас застанет — и камнем всяк станет! — сказал голос, похожий на голос Вильяма. Но говорил не Вильям.

В эту самую минуту занялась заря и в ветвях поднялся птичий гомон. Вильям уже ничего не мог сказать, ибо, нагнувшись к Торину, превратился в камень, а Берт и Том уставились на него и тоже окаменели. Так и стоят они по сей день, совсем одни, разве что птицы на них садятся. Вам, может быть, известно, что тролли обязаны вовремя спрятаться под землю, чтобы рассвет их не застиг, в противном случае они превратятся в скалы, в горную породу, из которой произошли, и застынут навсегда. Именно это и случилось с Бертом, Томом и Вильямом.

— Превосходно! — проговорил Гэндальф, выступая из-за деревьев и помогая Бильбо слезть с колючего куста.

И тут Бильбо всё понял. Чародей Гэндальф! —

вот чей голос заставил троллей пререкаться так долго, что рассвет наступил и покончил с ними. Гэндальф и Бильбо развязали мешки и выпустили гномов. Те чуть не задохнулись и были в крайне раздражённом состоянии. Ещё бы! Разве приятно лежать и слушать, как тролли обсуждают — зажарить тебя, раздавить или искрошить?

— Нашёл время лазать по карманам, — проворчал Бомбур, — когда главное для нас — найти огонь и пищу!

— Уж чего-чего, а этого у них тебе бы всё равно не получить без боя, — сказал Гэндальф. — Но так или иначе сейчас вы теряете время. Ясно, что у троллей должна быть выкопана где-то яма или пещера, куда они прятались от солнца! Не мешает в неё заглянуть!

Они поискали-поискали и вскоре нашли следы каменных сапог, которые вели в лес. Они шли по этим следам вверх по склону холма, пока не дошли до запрятанной в кустах большой каменной двери, которая закрывала вход в пещеру. Но открыть её не могли, сколько ни толкали все вместе и сколько ни пробовал Гэндальф всякие заклинания.

— Может быть, это подойдёт? — спросил Бильбо, когда они совсем выбились из сил и

разозлились. — Я нашёл его на земле, там, где дрались тролли.

И он протянул большущий ключ, который Вильяму, наверное, казался крохотным и незаметным. Ключ, на их счастье, должно быть, выпал у Вильяма из кармана до того, как тролль обратился в камень.

— Так что же ты раньше молчал? — закричали все хором. Гэндальф выхватил у Бильбо ключ и сунул его в замочную скважину. Один мощный толчок всей компанией — каменная дверь отворилась, и они вошли внутрь. На земле валялись кости, в пещере отвратительно пахло, но среди беспорядочного нагромождения всевозможных трофеев — от медных пуговиц до стоявших в углу горшков, полных до краёв золотых монет, — на полках и на земле путники нашли груды еды. По стенам висело много разной одежды, троллям она была явно мала и, боюсь, принадлежала их жертвам. Ещё там имелись мечи — самой разной выделки, формы и длины. Два из них сразу бросились в глаза благодаря своим красивым ножнам и рукоятям, усыпанным драгоценностями.

Гэндальф и Торин забрали себе эти два меча, а Бильбо взял кинжал в кожаном чехле. Для тролля этот кинжал был всё равно что маленький

карманный ножичек, но хоббиту он мог служить мечом.

— Сразу видно — клинки отличные, — сказал чародей, наполовину вытаскивая мечи из ножен и с любопытством разглядывая их. — Их ковали не тролли и не люди из здешних краёв, и сделаны они не в наше время. Когда разберём руны, узнаем о них больше.

— Уйдём поскорей отсюда, тут такой омерзительный запах, — взмолился Фили.

Они унесли горшки с монетами и ту снедь, которая выглядела съедобной. А также полный бочонок эля. Они уже были весьма не прочь позавтракать и не стали воротить нос от запасов троллей. Ведь съестного у них оставалось мало. Они подкрепились хлебом и сыром, вдоволь выпили эля и поджарили на углях копчёной свинины. Затем легли спать. Как вы понимаете, после такой ночки поспать не грех. Проотдыхав почти до вечера, они привели пони, погрузили на них горшки с золотом, перевезли подальше и закопали невдалеке от тропы, шедшей вдоль реки. Они тщательно заколдовали это место и произнесли много заклинаний, рассчитывая вернуться сюда за золотом. Покончив с этим, они сели на пони и затрусили опять по дороге,

ведущей на восток.

— Где вы изволили пропадать, если не секрет? — спросил Торин у Гэндальфа дорогой.

— Разведывал, что впереди, — отвечал тот.

— А что вас заставило вернуться так вовремя?

— Привычка оглядываться назад.

— В самом деле! — пробормотал Торин. — А нельзя ли поясней?

— Я пустился вперёд обследовать наш путь. Имейте в виду, дорога очень скоро станет опасной и трудной. Меня также беспокоил вопрос, где пополнить наш скудный запас провианта. Только я отъехал, как мне повстречались двое знакомых из Ривенделла.

— Где это? — вмешался Бильбо.

— Не прерывай! — отозвался Гэндальф. — Если нам повезёт, ты туда скоро попадёшь и сам всё узнаешь. Как я уже сказал, я встретил двоих людей Элронда. Они мне и рассказали, что три тролля спустились с гор, обосновались в лесах неподалёку от большой дороги, распугали всех обитателей в округе и подстерегают путников. У меня сразу возникло ощущение, что там, позади, во мне нуждаются. Оглянувшись, я увидел в отдалении костёр и поехал прямо на него. Вот теперь вы всё знаете. Пожалуйста, в другой раз будьте

осторожней, а то мы никуда не доберёмся!

— Мы вам весьма признательны! — проговорил Торин.



3. Передышка



Погода исправилась. Но ни в этот день, ни на следующий, ни ещё через один путешественники не пели и не рассказывали историй. Им чудилось, будто над ними нависла угроза. Они ночевали под открытым небом, и пони их ели сытнее, чем они сами, так как трава вокруг росла в изобилии, а тюки опустели — запасов, пополненных в пещере троллей, хватило ненадолго. Однажды утром они переправились через реку в мелком месте, где с грохотом перекатывались камни и по воде несло пену. Противоположный берег был

крутой и скользкий. Когда они наконец с трудом взобрались на него, ведя под уздцы пони, то увидели высокие горы. Горы словно надвигались на них — казалось, до ближайшей не больше дня пути. Тёмной и мрачной выглядела эта гора, хотя на её бурых склонах кое-где лежали полосы солнечного света, а за ней торчали снежные пики.

— Та самая гора? — воскликнул Бильбо, с благоговением глядя на неё округлившимися глазами. В жизни ему не приходилось видеть ничего громаднее.

— Ну что ты! — возразил Балин. — Это начинаются Туманные Горы, а нам надо перебраться через них или под ними. Только тогда мы попадём в Дикий Край. И даже оттуда ещё далеко до Одинокой Горы, где Смог стережёт наши сокровища.

— Ах так! — произнёс Бильбо. И в эту минуту он вдруг почувствовал такую усталость, какой не испытывал прежде. Он опять вспомнил своё удобное креслице у камина в любимой гостиной и услышал, как поёт чайник.

Теперь поход возглавлял Гэндальф.

— Если пропустим дорогу, мы пропали, — сказал он. — Прежде всего нам нужна провизия, а потом отдых в достаточно безопасном месте. К

Туманным Горам нужно приступать, зная правильную дорогу, а то легко и заблудиться.

Когда они спросили, куда он их ведёт, Гэндальф ответил:

— Вы подошли, как некоторым из вас, вероятно, известно, к самой границе Дикого Края. Где-то впереди прячется прекрасная долина Ривенделл, там, в Последнем Домашнем Приюте, живёт Элронд. Я послал ему весточку через своих знакомых, и нас ждут.

Звучало это приятно и утешительно, но туда надо было ещё дойти, а не так-то легко отыскать дорогу в Последний Домашний Приют. Местность впереди неуклонно и постепенно повышалась к подножию ближайших гор; ничто не нарушало её однообразия — не было ни деревьев, ни расщелин, ни холмов, лишь широкий склон цвета вереска и крошащиеся скалы с редкими зелёными пятнами травы и мха, свидетельствовавшими о присутствии воды.

Утро миновало, день перевалил за середину, но по-прежнему в безмолвной пустыне не появлялось никаких признаков жилья. Путешественников обуяло нетерпение. Прямо под их ногами вдруг открывались лощины с обрывистыми склонами, где внизу, к их удивлению, росли

деревья и протекали речки. Возникали расщелины, такие узкие, что на первый взгляд их ничего не стоило перепрыгнуть, но они были невероятно глубокие, и на дне их клокотали водопады. Встречались тёмные овраги, через которые нельзя перепрыгнуть и куда нельзя спуститься. Попадались трясины, с виду казавшиеся зелёными и весёлыми лугами в ярких цветах. Но если на них ступал пони с поклажей, он исчезал навсегда.

На поверку от брода до гор оказалось намного дальше, чем путники предполагали. Единственная тропа была отмечена белыми камнями — и совсем маленькими, и большими, наполовину скрытыми мхом и вереском. Гэндальф то и дело нагибался с коня, мотая бородой, и выискивал белые камушки; остальные следовали за ним.

День начал склоняться к вечеру, а поискам не было конца. Давно прошло время чая, быстро смеркалось, луна ещё не взошла. Пони под Бильбо начал спотыкаться о корни и камни. И вдруг они очутились на краю крутого обрыва, да так неожиданно, что конь Гэндальфа чуть не кувырнулся вниз.

— Ну вот, мы и пришли! — воскликнул волшебник, и все столпились вокруг него и заглянули вниз. Там они увидели долину, услышали жур-

чание воды, спешившей по каменному ложу. В воздухе стоял аромат зелени, по ту сторону реки виднелись огоньки.

Бильбо никогда не забыть, как они скользили и скатывались в сумерках по крутой извилистой тропе вниз, в укромную долину Ривенделл. Делалось всё теплее, сосновый дух подействовал на Бильбо усыпляюще, он поминутно клевал носом, чуть не падая с пони, и несколько раз ткнулся носом ему в холку. По мере того как они спускались, настроение у них подымалось. Сосны сменились буками и дубами, потёмки убаюкивали. Когда они выехали на прогалину совсем близко к потоку, стало темно, все краски померкли.

«Хм-м, пахнет эльфами!» — подумал Бильбо и посмотрел вверх на звёзды. Они мерцали ярким голубым светом. И тут среди деревьев неожиданно, как взрыв смеха, зазвучала песня:

Да что вы, да что вы,
Куда вы, куда вы?
Сносились подковы,
Тут всюду канавы,
Манит вас опушка,
Журчит здесь речушка,
Ха-ха!

Останьтесь-ка лучше,
По нашему зову.
Костёр лижет сучья,
Лепёшки готовы.
Тра-та, тра-та-та-та,
В долину, ребята,
Ха-ха!

Куда ж вы, бедняги?
В лесу что-то рыщут,
Трепещут, как флаги,
У них бородищи.
И Фили, и Кили
На пони вскочили
В лесу,
Ха-ха!

У нас бы остались,
Чем мчаться в тревоге,
Ведь пони устали
И сбились с дороги.
День клонится к ночи,
Останься, кто хочет,

И песенке этой
Внимай до рассвета,
Ха-ха![6]

Там, в деревьях, какие-то существа хохотали и пели и, признаться, мололи порядочную чепуху. Но их это не смущало, и если бы вы им сказали об этом, они бы рассмеялись пуще прежнего. Конечно, то были эльфы.

Бильбо даже разглядел их в сгущавшейся темноте. Он немножко побаивался эльфов, но в то же время они ему нравились, хотя он редко сталкивался с ними. Гномы — те не очень ладят с эльфами. Даже такие рассудительные гномы, как Торин и его друзья, считают эльфов глупыми (а считать эльфов глупыми — как раз и есть самая настоящая глупость). Эльфы их раздражают, потому что любят дразнить гномов и подшучивать над их бородами.

— Вот так потеха! — сказал какой-то голос. — Вы только поглядите! Хоббит Бильбо верхом на пони! Какая прелесть!

— Чудеса да и только!

Тут они принялись петь новую песню, такую

---

[6] Примечания: 6
Здесь и дальше стихи в переводе Г. Усовой.

же несуразную, как и та, что я записал дословно. Наконец высокий молодой эльф вышел из-за деревьев и поклонился Гэндальфу и Торину.

— Добро пожаловать в долину! — произнёс он.

— Благодарим вас! — чуть-чуть сердито ответил Торин. Но Гэндальф уже сошёл с лошади и весело болтал с эльфами.

— Вы немного сбились с дороги, — сказал первый эльф, — если, конечно, вы ищете дорогу, которая ведёт через реку к дому на той стороне. Мы вам её покажем. Но к мосту и через мост лучше идти пешком. Не хотите ли немножко побыть с нами и попеть? Или поедете дальше сразу? Там готовят ужин, — добавил он, — от костров тянет дымом.

Как ни устал Бильбо, он с удовольствием задержался бы в лесу. Пение эльфов июньской ночью под звёздным небом стоит послушать, если вам нравятся такие вещи. Бильбо хотелось перекинуться несколькими словами с этими существами, которые знали, как его зовут и кто он такой, хотя он их никогда раньше не видел. Эльфам известно многое, они, как никто, подхватывают новости на лету и быстрее, чем падает водопад, узнают обо всём, что творится на земле.

Но гномы единодушно стояли за ужин, притом

не откладывая, и потому не пожелали задерживаться. Они двинулись дальше, ведя пони под уздцы. Эльфы вывели их на хорошую тропу на самый берег реки. Она бежала быстро, с шумом, как все горные потоки в летние вечера после того, как солнце весь день растапливает снег на вершинах. На тот берег шёл каменный мостик без перил, такой узкий, что пони с трудом могли по нему пройти. Пришлось продвигаться осторожно, по одному, ведя за собой пони. Эльфы светили им яркими фонариками и пели весёлую песенку, пока вся компания переправлялась через реку.

— Не обмакни бороду в воду, папаша! — кричали эльфы Торину, который шёл через мост, согнувшись в три погибели. — Её смачивать не надо — она и так выросла длинная!

— Следите, чтобы Бильбо не съел все кексы! — кричали другие. — Такой толстяк не пролезет в замочную скважину!

— Тише, тише, Добрый Народ! Спокойной ночи! — остановил их Гэндальф, который замыкал шествие. — И долины имеют уши, а некоторые эльфы — чересчур длинные языки. Спокойной ночи!

Наконец они подошли к Последнему Домашнему Приюту, двери которого были гостеприимно

распахнуты.

Странное дело: о том, что хорошо, о днях, которые провёл приятно, рассказывается скоро, и слушать про них не так уж интересно. А вот про то, что неприятно, что вызывает страх или отвращение, рассказы получаются долгими и захватывающими.

Путешественники провели в гостеприимном доме немало дней, по меньшей мере четырнадцать, и покидать его им не хотелось. Бильбо с радостью оставался бы там ещё и ещё, даже если бы мог без всяких хлопот по одному только желанию перенестись домой, в хоббичью норку. И всё же рассказать об их пребывании там почти нечего.

Хозяин дома Элронд был друг эльфов и предводитель тех людей, у которых в предках числились эльфы и открыватели Севера.

Он был благороден и прекрасен лицом, как повелитель эльфов, могуч, как воин, мудр, как колдун, величествен, как король гномов, и добр, как нежаркое лето. Дом Элронда был само совершенство; там было хорошо всем — и тем, кто любит поесть и поспать, и тем, кто любит трудиться, и кто любит слушать или рассказывать истории, петь или просто сидеть и думать, и тем,

кому нравится всё понемножку.

Злу не было места в долине.

Наши путешественники и их пони за несколько дней отдохнули и набрались сил. Настроение у них исправилось, одежду им починили, синяки и царапины залечили, наполнили мешки едой, лёгкой по весу, но очень питательной, и надавали много полезных советов. Так они дожили до кануна Иванова дня и с восходом солнца в Иванов день должны были отправиться дальше.

Элронд в совершенстве знал руны. За день до отъезда он осмотрел мечи, найденные в логовище троллей, и сказал:

— Их ковали не тролли. Мечи старинные, работы древних великих эльфов, с которыми я в родстве. Мечи делали в Гондолине для войны с гоблинами. Должно быть, они застряли в сокровищнице какого-нибудь дракона или стали добычей гоблинов — ведь драконы и гоблины разрушили город Гондолин много веков назад. Этот меч — знаменитое оружие, Торин, на языке рун он именуется Оркрист, что в переводе на гондолинский означает Сокрушитель Гоблинов. А этот меч, Гэндальф, зовётся Глемдринг — Молотящий Врагов — некогда его носил король Гондолина. Берегите их!

— Интересно, как они попали к троллям? — проговорил Торин, с любопытством разглядывая свой меч.

— Наверное сказать нельзя, — ответил Элронд, — но можно догадаться, что ваши тролли ограбили других грабителей или раскопали остатки чужих трофеев, припрятанных где-то в горах.

Торин задумался над его словами.

— Я буду беречь его как зеницу ока, — сказал он. — Да сокрушит он гоблинов, как встарь!

— Вашему пожеланию, возможно, суждено сбыться, едва вы очутитесь в горах, — заметил Элронд. — Теперь покажите карту!

Он развернул её и долго разглядывал, качая головой. Элронд не очень одобрительно относился к гномам — вернее, не очень одобрял их любовь к золоту, — но он ненавидел драконов, их жестокость и коварство. С сожалением он вспоминал весёлые колокола города Дейла, так как видел потом его развалины и опалённые берега реки Быстротечной. На карту падал свет широкого серебряного месяца. Элронд поднял карту кверху и посмотрел на просвет.

— Что это? — воскликнул он. — За простыми рунами, говорящими: «Пять футов двери выши-

ною, пройти там трое могут в ряд», — проступают лунные буквы!

— Что за лунные буквы? — Хоббит не мог долее сдерживаться. Я уже говорил, как ему нравились карты. Ещё ему нравились руны и вообще всякие необычные буквы и затейливые почерки. У самого у него почерк был не ахти какой.

— Лунные буквы — те же руны, но обычно они не видны, — ответил Элронд. — Их разглядишь только в лунные ночи, когда луна светит на них сзади, а есть такие хитрые лунные буквы, что видны только при той фазе луны, в какой она была, когда их начертали. Их изобрели гномы и писали серебряными перьями. Эти надписи, очевидно, сделаны в такую, как сегодня, ночь — в канун Иванова дня.

— Что они означают? — спросили Гэндальф и Торин одновременно, немного раздосадованные тем, что Элронд обнаружил такую вещь первым, хотя и то сказать: до сих пор такого случая не представлялось.

— «Стань в Дьюрин день у серого камня, когда прострекочет дрозд, — прочёл Элронд, — и заходящее солнце бросит последний луч на дверную скважину».

— Дьюрин, ну как же! — промолвил Торин. —

Он был старейшим из старейшин древнего рода гномов Длиннобородых и моим самым первым предком. Я — потомок Дьюрина.

— Что же такое Дьюрин день? — поинтересовался Элронд.

— Как всем должно быть известно, мы называем Дьюриным тот день, когда последняя осенняя луна и солнце стоят в небе одновременно. Боюсь, что нам это знание не очень-то поможет, так как в наше время утрачено умение вычислять, когда же наступит такой день.

— Это мы посмотрим, — вмешался Гэндальф. — Что-нибудь ещё написано?

— При сегодняшней луне больше ничего не разобрать, — ответил Элронд и отдал карту Торину. После чего все спустились к воде посмотреть, как пляшут и поют эльфы.

Утро Иванова дня было такое прекрасное, о каком можно только мечтать: на голубом небе ни облачка, лучи солнца танцевали на воде. Путешественники выехали в путь, сопровождаемые прощальными песнями и добрыми напутствиями. Они были готовы к дальнейшим приключениям и твёрдо знали дорогу, которая их выведет через Туманные Горы в лежащую за ними страну.



4. Через гору и под горой



Десятки тропинок вели в горы, изрезанные множеством расселин. Но тропинки по большей части оказывались ложными или заводили в тупик. В расселинах же гнездилась всякая нечисть и подстерегали страшные опасности.

Много дней и много миль пролегло между нашими путешественниками и Последним Домашним Приютом. Они поднимались всё выше и выше, тропа была трудная, опасная, путь окольный, пустынный, бесконечный. Если глянуть назад — внизу расстилалась местность, которую

они не так давно покинули. Далеко-далеко на Западе, в сиреневой дымке лежала родная страна Бильбо, мир безопасный и уютный, и в нём — его собственная хоббичья норка. Становилось всё холоднее, между скал свистел пронзительный ветер.

Порой со склонов скатывались камни, вырвавшиеся из растопленного дневным солнцем снега, и проскакивали между путешественниками или пролетали над головой. Ночи были промозглые, неуютные, путешественники не смели петь и громко разговаривать, так как эхо раскатывалось самым жутким образом, и тишина явно хотела, чтобы её не нарушало ничто, кроме шума воды, воя ветра и стука камней. «Там внизу разгар лета, — думал Бильбо, — косят траву, устраивают пикники… Мы ещё с гор не начнём спускаться, а там уже пойдёт жатва и сбор ягод».

Остальным приходили в голову не менее унылые мысли. А между тем с Элрондом они прощались в самом радужном настроении и предвкушали, как перевалят через горы и быстро поскачут дальше. Они даже рассчитывали добраться до потайной двери в Одинокой Горе той же осенью в новолуние. «Может быть, как раз поспеем в Дьюрин день», — говорили они.

Только Гэндальф качал головой и помалкивал. Гномы уже много лет не ходили этой дорогой, но Гэндальф бывал тут и знал, что с тех пор, как драконы выжили отсюда людей и гоблины расселились здесь после проигранной гномами битвы при рудниках Морайи, зло безнаказанно царит в Диком Краю и путников всюду подстерегают опасности. Даже продуманные планы мудрых чародеев вроде Гэндальфа и добрых людей вроде Элронда могут провалиться, когда совершаешь опасное путешествие по Дикому Краю. Гэндальф был достаточно мудр, чтобы понимать это. Он знал, что в любую минуту может случиться непредвиденное, и не надеялся, что удастся обойтись без страшных происшествий во время перехода через высокие горы с их недоступными пиками и зловещими долинами, где властвует беззаконие. Обойтись и не удалось!

Всё шло хорошо, пока однажды они не попали в грозу, да какую! Казалось, гремит гром не грозовой, а пушечный. Всякий знает, как страшно бушуют гром и молнии в горах, ночью, когда две грозы идут войной друг на друга. Молнии раскалываются, ударяясь об вершины, скалы содрогаются, ужасные раскаты грома сотрясают воздух, эхо разносится по всем пещерам и

углублениям, и тьма наполняется оглушающим грохотом и сверканием.

Бильбо никогда ничего подобного не видел и даже вообразить не мог. Они находились высоко в горах на узкой площадке, на краю головокружительного обрыва, отвесно уходящего вниз. Они устроились на ночлег под нависшей скалой; Бильбо лежал, закутавшись в одеяло, и дрожал всем телом. Выглядывая одним глазком из-под одеяла, он видел при вспышках молнии по другую сторону долины каменных великанов, которые перебрасывались обломками скал, ловили их и снова швыряли во мрак; обломки сыпались вниз, в гущу деревьев, или с грохотом разлетались вдребезги. Потом поднялся ветер и полил дождь; ветер хлестал дождём и градом со всех сторон, так что навес перестал быть защитой. Скоро путешественники промокли. Пони их стояли, понурив головы, поджав хвосты, некоторые тихонько ржали от страха. Слышно было, как великаны гогочут и перекликаются по всем склонам.

— Так не годится! — сказал Торин. — Если даже нас не сдует ветром, или не смоет дождём, или не поразит молнией, то любого может схватить великан и поддать ногой, как футбольный мяч.

— Коли знаете местечко получше, так возь-

мите и отведите нас туда! — сварливым тоном отозвался Гэндальф, которого тоже не радовало соседство великанов.

После некоторых препирательств решили послать Фили и Кили поискать убежище поудобнее. Зрение у них было острое, а поскольку они были моложе других гномов лет этак на пятьдесят, то им всегда давали такие поручения (когда становилось ясно, что бессмысленно посылать Бильбо). «Когда ищешь, то обязательно находишь», — так сказал младшим гномам Торин. Спору нет, если ищешь, то всегда что-нибудь найдёшь, но совсем не обязательно то, что искал. Так получилось и на этот раз.

Вскоре Фили и Кили ползком явились назад, держась за скалы, чтобы не снесло ветром.

— Мы нашли сухую пещеру, — заявили они, — тут за углом. Там всем хватит места, для пони тоже.

— А вы как следует её осмотрели? — спросил волшебник. Он-то знал, что горные пещеры редко пустуют.

— Ещё бы! — ответили они, хотя всем было ясно, что осмотреть внимательно у них не хватило времени — так быстро они вернулись.

В том и состоит коварство пещер, что никогда

не знаешь, далеко ли пещера простирается, куда она выведет и что подстерегает вас внутри. Сведения, принесённые Фили и Кили, показались вполне удовлетворительными. Ветер по-прежнему завывал, и гром гремел, и им стоило больших трудов добраться вместе с пони до пещеры. Хорошо, что до неё было действительно недалеко: они скоро упёрлись в скалу, выступавшую на тропинку, и, обогнув её, обнаружили в стене низкий ход. Сквозь отверстие как раз протиснулись рассёдланные, без поклажи пони. Так приятно было слушать, как снаружи беснуются ветер и дождь, и чувствовать себя в безопасности от великанов и их каменных мячей. Но волшебник ни в коем случае не хотел рисковать: он зажёг свой посох, как когда-то (так давно!) в столовой у Бильбо, и они обследовали пещеру вдоль и поперёк.

Пещера была порядочных размеров, но не слишком велика и не очень таинственна. Сухой пол, уютные закоулки. Ойн и Глойн хотели развести на пороге костёр, чтобы обсушить вещи, но Гэндальф строго-настрого запретил. Тогда все расстелили мокрую одежду прямо на земле, вытащили сухую из тюков, завернулись в одеяла, достали трубки и принялись пускать колечки. Гэндальф, чтобы доставить друзьям удоволь-

ствие, окрашивал колечки в разные цвета и заставлял плясать под сводами. Путешественники болтали-болтали и совсем забыли про грозу. Они обсуждали, что каждый сделает со своей долей золота (сейчас оно не казалось им недоступным). Потом они один за другим заснули.

Как показала эта ночь, они хорошо сделали, взяв в путешествие Бильбо. Он долго не спал, а когда наконец заснул, то видел отвратительные сны. Ему снилось, будто трещина в задней стене пещеры растёт, раскрывается всё шире и шире; ему стало страшно, но он не мог крикнуть, не мог пошевелиться и просто лежал и смотрел. Потом ему приснилось, будто пол пещеры наклоняется и сам он падает, катится — неизвестно куда!

Он сильно вздрогнул и проснулся и тут же понял, что то был не совсем сон. Трещина в конце пещеры действительно разошлась и превратилась в широкий проход, в щели мелькнул хвост последнего пони и исчез. И тут Бильбо завопил, да так громко и пронзительно, как умеют вопить только хоббиты, несмотря на свой маленький рост. И тогда в одно мгновение, не успели бы вы проговорить «ой, стой!», из трещины посыпались гоблины, большие-пребольшие, уродливые-преуродливые — несметные толпы гоблинов. На

каждого гнома их пришлось по шесть штук, и даже на Бильбо — два. Они похватали наших путешественников и протащили через щель так быстро, что вы не успели бы молвить «куда — беда!». Но Гэндальфа они не успели сграбастать! И причиной тому был вопль Бильбо. Волшебник проснулся в мгновение ока, как будто и не спал, и когда гоблины подступили к нему, в пещере сверкнул ослепительный свет, запахло порохом и нескольких гоблинов убило на месте. Щель со стуком сомкнулась, и Бильбо и гномы очутились по другую её сторону! Куда же девался Гэндальф? Этого не знали ни они, ни гоблины, да гоблины и не стали этого выяснять. Они продолжали тащить Бильбо и гномов. Вокруг стояла темень сплошная, непроницаемая, в такой тьме умеют видеть только гоблины, привыкшие жить в глубине гор. Проходы шли во всех направлениях, пересекаясь, перепутываясь, но гоблины знали нужную дорогу так же хорошо, как вы знаете дорожку к ближайшей почте. Тропа всё спускалась и спускалась, и внизу была невыносимая духота. Гоблины вели себя грубейшим образом, безжалостно щипали пленников и хохотали ужасным деревянным смехом.

Наконец впереди замерцал красный свет, и

гоблины запели, затянули хриплыми голосами жуткую песню, пришлёпывая в такт плоскими ступнями по камням и потряхивая своих пленников:

Хлоп! Стоп! Вот тебе в лоб!
Глядь! Хвать! Как тебя звать?
Живут гоблины тут,
Эй, смелей, сюда!

Стук! Звон! Топот и стон!
Раз-два — молоток! Три-четыре — свисток!
Вперёд в подземный ход,
Эй, шевелись побыстрей!

Треск! Свист! Кнут, хлыст!
Бей и стучи! Рычи и мычи!
Врёшь, врёшь! От нас не уйдёшь!
Гоблины пьют, хохочут, поют —
А ну-ка вперёд, в подземный ход,
Живей, живей, живей!

Звучало это устрашающе. Стены содрогались от «хлоп, стоп», «треск, свист» и от безобразного смеха. Смысл песни был достаточно ясен: гобли-

ны достали кнуты и погнали пленников перед собой, хлеща их: вжик, вжик! Гномы жалобно стонали и повизгивали. И вдруг все они ввалились в огромную пещеру.

Посредине пылал большой красный костёр, по стенам горели факелы, в пещере было полно гоблинов. Все они загоготали, затопали ногами и захлопали в ладоши, когда внутрь вбежали гномы, и последним (а значит, ближе всего к кнутам) — бедняга Бильбо. За ним, гикая и щёлкая кнутами, следовали погонщики. В углу сбились в кучу пони, на земле валялись тюки и мешки, вспоротые и развороченные; гоблины рылись в них, обнюхивая вещи, ощупывая их и переругиваясь. Как это ни печально, гномы больше никогда не видели своих отличных пони, в том числе крепенького весёлого белого, которого одолжил Гэндальфу Элронд, так как лошадь не смогла бы пройти по горным тропам. Скажу по секрету: гоблины едят лошадей, и пони, и ослико́в, и кое-кого ещё и вечно голодны. Но сейчас пленникам было не до пони, они думали только о себе. Гоблины сковали им руки за спиной, привязали всех гуськом к одной длинной цепи и поволокли в дальний угол пещеры. Малютка Бильбо болтался в самом хвосте.

В углу, в полумраке, на большом плоском камне восседал большущий гоблин с огромной головой, а вокруг стояли воины, вооружённые топорами и кривыми мечами. Гоблины, надо сказать, жестокие, злобные и скверные существа. Они не умеют делать красивых вещей, но зато отлично делают всё злодейское. Они не хуже гномов, исключая наиболее искусных, умеют рыть туннели и разрабатывать рудники, когда захотят, но сами они всегда грязные и неопрятные. Молоты, топоры, мечи, кинжалы, мотыги, клещи и орудия пытки — всё это они прекрасно делают сами или заставляют делать других. Другие — это пленники, рабы, которые работают на них, пока не умрут от недостатка воздуха и света. Не исключено, что именно гоблины изобрели некоторые машины, которые доставляют неприятности человечеству, особенно те, которые предназначаются для уничтожения большого числа людей за один раз. Механизмы, моторы и взрывы всегда занимали и восхищали гоблинов. Однако в те времена, о которых мы рассказываем, и в той дикой местности гоблины ещё не доросли до такой стадии цивилизации (так это называется). Они ненавидели всех без разбора, особенно порядочных и процветающих, а не то что питали именно к гно-

мам особую ненависть. В некоторых местностях отдельные бессовестные гномы даже заключали с гоблинами союзы. Но к гномам того племени, к которому принадлежал Торин, гоблины питали самую настоящую вражду из-за войны, о которой мы уже упоминали, но о которой речь здесь не пойдёт. А вообще-то гоблинам всё равно кого поймать, лишь бы застать жертву врасплох, чтобы та не могла защищаться.

— Кто эти жалкие отродья? — спросил Верховный Гоблин.

— Гномы и вот этот! — ответил один из погонщиков, дёрнув цепь так, чтобы Бильбо упал на колени. — Они прятались в нашей передней галерее.

— С какой стати? — обратился Верховный Гоблин к Торину. — Поручусь, что затевали какую-нибудь пакость! Подозреваю, что шпионили за моим народом! Нисколько не удивлюсь, если они воры! А ещё вероятнее, убийцы! И ещё, чего доброго, друзья эльфов! Ну! Что скажете?

— Гном Торин, к вашим услугам! — произнёс Торин (это была простая вежливость, как вы понимаете). — В тех поступках, которые вы нам приписываете, мы не виноваты. Мы укрывались от грозы в удобной и пустой, как нам показалось,

пещере. В наши намерения никоим образом не входило беспокоить гоблинов! — И это была правда!

— Гм! — сказал Верховный Гоблин. — Так, значит! А могу я осведомиться, что вам вообще понадобилось в горах и откуда вы взялись и куда направлялись? Я бы хотел знать о вас всё. Правда, это вам мало поможет, Торин Оукеншильд, мне и так достаточно известно о вашем племени. Но лучше выкладывайте всё начистоту.

— Мы отправились в путь, желая повидать наших родственников: племянников и племянниц, кузенов и кузин, троюродных и четвероюродных братьев и сестёр и других потомков наших общих предков, которые проживают к востоку от этих поистине гостеприимных гор, — ответил Торин. Он находился в затруднении: как выложить всё начистоту в условиях, где правда не слишком уместна.

— Он лжёт, о величайший из великих! — вмешался один из погонщиков. — Несколько наших были поражены молнией в пещере, когда мы предложили этим существам спуститься с нами вниз. Наши умерли на месте. И потом, как он объяснит вот это? — Тут гоблин показал меч Торина — меч из логовища троллей.

Верховный Гоблин бросил взгляд на меч и испустил леденящий душу вой ярости и злобы, и все воины заскрежетали зубами, загрохотали щитами и затопали ногами. Они сразу признали меч. В своё время, когда светлые эльфы Гондолина теснили гоблинов и сражались с ними под стенами своего города, этот меч убил сотни гоблинов. Эльфы называли его Оркрист, или Сокрушитель Гоблинов, но сами гоблины прозвали его просто Кусач. Они ненавидели его и ещё больше тех, в чьих руках он находился.

— Убийцы гоблинов и друзья эльфов! — завопил Верховный Гоблин. — Рубите их! Хлещите их! Кусайте их! Грызите их! Бросить их в ямы со змеями, чтоб не видели они больше дневного света!

Он до того остервенился, что спрыгнул с трона и, разинув пасть, кинулся на Торина.

В этот миг все огни в пещере разом потухли и из костра — п-ф-ф! — взметнулся до самого свода столб синего раскалённого дыма, разбрасывая белые колючие искры, которые стали жечь гоблинов. Невозможно описать, какой поднялся визг, писк, вой, беготня и трескотня, рычание и ворчание. Сотни диких кошек и волков, если бы их поджаривали живьём всех вместе на медленном огне, не могли бы поднять такой невообразимый

шум-гам. Искры прожигали гоблинов насквозь; гарь, наполнившая пещеру, была такой густой, что даже глаза гоблинов, привычные к тьме, не могли ничего разглядеть. Скоро все гоблины катались по полу, сцепившись клубками, кусаясь, лягаясь, пинаясь и колошматя друг друга, как сумасшедшие.

Внезапно сам собой сверкнул меч и пронзил Верховного Гоблина. Тот упал мёртвым, а его воины с диким визгом бросились врассыпную и исчезли в темноте.

Меч вернулся в ножны.

— Быстро за мной! — приказал спокойно, но сурово чей-то голос. И ничего не успев сообразить, Бильбо опять затрусил в конце цепочки по тёмным переходам, а визг и вой гоблинов постепенно затихли вдали.

— Скорей! Скорей! — торопил голос. — Сейчас опять зажгут факелы.

— Одну минутку! — попросил Дори, шедший перед Бильбо. Он, насколько позволяли связанные руки, помог хоббиту вскарабкаться ему на спину, и затем все пустились вперёд бегом, позвякивая цепями, спотыкаясь и чуть не падая. Они бежали вперёд не останавливаясь, бежали долго и, вероятно, уже находились в самой глубине гор.

И тут Гэндальф зажёг свой посох. Конечно же, всё это было делом рук Гэндальфа. Но пока им некогда было расспрашивать его, откуда он взялся. Он опять вытащил меч, и опять меч засветился во мраке. Сперва, когда вокруг были гоблины, меч пылал от гнева, а теперь он светился тихим голубым светом, довольный тем, что убил повелителя гоблинов. Ему ничего не стоило перерубить цепи, и он в два счёта освободил пленников. Меч звали Глемдринг, то есть Молотящий Врагов, если помните. Гоблины прозвали его Колотун и ненавидели ещё больше, чем Кусача, если это возможно. Оркрист тоже удалось спасти: Гэндальф выхватил его из рук остолбеневшего стражника. Гэндальф вообще успевал о многом подумать, и хотя не был всесилен, многое мог сделать для друзей, чья жизнь подвергалась опасности.

— Все тут? — спросил он, с поклоном вручая Торину меч. — Ну-ка: один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать… постойте, где же Фили и Кили? Ага, здесь! Двенадцать, тринадцать и мистер Бэггинс четырнадцатый. Неплохо, могло быть и хуже, но, опять же, могло быть и получше. А так — ни пони, ни пищи; где мы — неизвестно, и по пятам гонится орда разозлённых гоблинов. Вперёд!

И они двинулись вперёд. Гэндальф оказался прав: позади в тёмных переходах, которые они только что покинули, послышались шум, топот и ужасные крики гоблинов. Гномы припустили ещё быстрее, а поскольку Бильбо не мог за ними угнаться, то они взялись нести его по очереди на спине.

И всё-таки гоблины бегают быстрее гномов, к тому же они лучше знали дорогу, так как сами прорывали ходы, вдобавок они обезумели от ярости. Так что гномы, как ни старались уйти от преследования, вскоре услыхали приближающиеся крики и завывания. Шлёпанье множества ног слышалось буквально за ближайшим поворотом. В туннеле позади них замелькали огни факелов. А гномы уже выбились из сил.

— Зачем, ах зачем покинул я мою норку! — повторял несчастный мистер Бэггинс, подпрыгивая на спине у Бомбура.

— Зачем, эх зачем брали мы с собой в поход этого недотёпу! — повторял бедный толстяк Бомбур, пошатываясь под ношей. От жары и страха пот капал у него с носа.

В этот момент Гэндальф немного отстал, и Торин, последовал его примеру. Они свернули за угол.

— Меч из ножен, Торин! — крикнул волшебник.

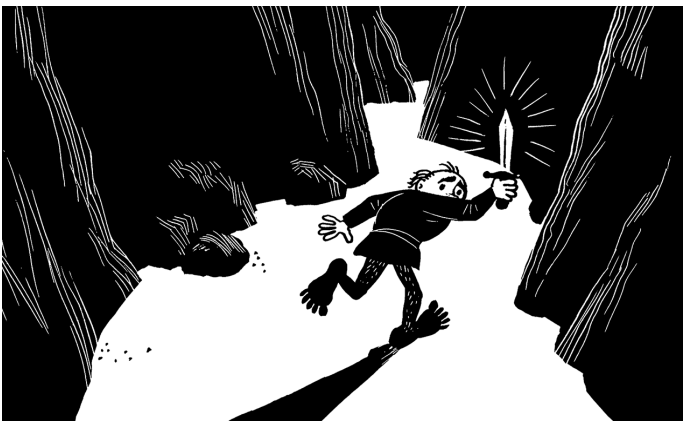
Ничего другого им не оставалось. Ух, как не понравилось это гоблинам! На полном ходу они выскочили из-за угла — и вдруг Сокрушитель Гоблинов и Молотящий Врагов остро и ярко сверкнули им в глаза. Передние выронили факелы и испустили предсмертный вой. Средние завопили ещё громче и бросились назад, сшибая бежавших за ними. «Кусач и Колотун!» — завизжали они. Началась паника, гоблины, оставшиеся в живых, опрометью помчались обратно.

Ещё долго гоблины не осмеливались заглянуть за страшный поворот. Тем временем гномы успели углубиться далеко-далеко в тёмные ходы царства гоблинов. Сообразив это, уцелевшие гоблины снова зажгли факелы, надели мягкие башмаки и пустили вслед за гномами своих самых быстрых скороходов с острым слухом и зрением. Те помчались вперёд в темноте быстро, как хорьки, и бесшумно, как летучие мыши. Потому-то ни Бильбо, ни сам Гэндальф не слышали их приближения. И не видели их. Но зато гоблины различали беглецов прекрасно, так как посох Гэндальфа испускал слабый свет, освещая гномам дорогу. Внезапно Дори, который теперь

оказался последним и нёс Бильбо, схватили за ногу. Дори закричал и грохнулся на землю, а хоббит полетел в черноту, стукнулся головой о камень и потерял сознание.



5. Загадки в темноте



Когда Бильбо наконец открыл глаза, то не понял даже, открыл ли их: такая вокруг стояла непроницаемая темень. Поблизости ни души. Представьте себе, как Бильбо испугался! Он ничего не слышал, ничего не видел и ничего не ощущал, кроме холодного каменного пола под собой.

С великим трудом он поднялся на четвереньки и пополз, пока не дотронулся до стенки туннеля. Ни гоблинов, ни гномов не было слышно. Голова у него кружилась, он даже не мог определить,

в какую сторону они бежали, перед тем как он свалился.

Выбрав, как ему показалось, правильное направление, он так и пополз на четвереньках и полз довольно долго, пока рука его не коснулась маленького холодного металлического колечка, лежавшего на земле. То был поворотный момент в его карьере, но он этого ещё не знал. Машинально он положил колечко в карман — сейчас оно было ни к чему. Потом сел на холодный пол и долго предавался горестным раздумьям. Он представлял себе, как жарит яичницу с беконом у себя дома. Желудок давно намекал ему, что пора бы подкрепиться, и от голода он чувствовал себя ещё более несчастным.

Он не мог сообразить, что делать дальше, не мог вспомнить, почему его бросили одного, почему в таком случае гоблины его не подобрали, а также почему у него так болит голова. Причина же заключалась в том, что он завалился в уголок и лежал себе в темноте. Как говорится, с глаз долой… и почти что дух вон.

Через некоторое время он нащупал в кармане трубку, она не сломалась — уже хорошо. Потом достал кисет, там оставалось немного табаку — ещё того лучше. Потом пошарил по карманам — и

не нашёл ни одной спички! Мечты его разлетелись в прах. Одумавшись, он, правда, решил, что так даже лучше. Бог знает, к чему привели бы чирканье спичками и запах табака! Кто кинулся бы на него из чёрных ходов? Но всё же на момент отсутствие спичек его огорчило. Охлопывая себя кругом, он наткнулся на рукоять кинжала, который взял в пещере троллей и о котором совсем забыл. Хорошо, что гоблины не заметили его, — он был засунут за пояс. Бильбо вытащил кинжал из ножен — и тот слабо засветился во мраке.

«Значит, тоже изделие эльфов, — подумал Бильбо, — а гоблины, хоть и не рядом, но и не так далеко».

Он немного успокоился. Всё-таки замечательно иметь при себе оружие, сделанное в Гондолине для войны с гоблинами, о которой пелось столько песен. Он уже заметил, что гоблины, увидев оружие эльфов, сразу терялись.

«Идти назад? — размышлял он. — Исключено! Вбок? Бессмысленно! Вперёд? Единственная разумная вещь! Итак, вперёд!»

Он встал на ноги и побрёл дальше, держа в одной руке перед собой кинжал, другой касаясь стены. Сердце его колотилось и трепыхалось.

Да, Бильбо очутился в чрезвычайно трудном

положении. Но вы должны помнить, что для него оно было менее трудным, чем было бы, скажем, для меня или для вас. Хоббиты всё-таки не то, что люди. Кроме того, хотя норки у них симпатичные, уютные, хорошо проветрены и совсем не похожи на туннели гоблинов, хоббиты всё же гораздо больше привыкли к подземным переходам, чем мы, и не так легко теряют способность ориентироваться под землёй. Особенно когда уже опомнятся после того, как трахнулись головой о камень. Ступают хоббиты бесшумно, умеют ловко спрятаться и быстро оправляются от ушибов и падений. У них неисчерпаемые запасы мудрых пословиц и поговорок, о которых люди никогда не слыхали или давно позабыли.

И всё-таки мне лично не хотелось бы оказаться на месте мистера Бэггинса. Казалось, туннель никогда не кончится. То и дело влево и вправо отходили проходы, Бильбо видел их благодаря свечению кинжала. Туда он не заглядывал, только торопился дальше, боясь, как бы оттуда не выскочили гоблины или ещё какие-нибудь страшные твари. Он шёл да шёл, всё дальше и дальше, всё вниз да вниз. И по-прежнему ни звука, лишь изредка взмах крыльев проносящейся мимо летучей мыши. Сперва он пугался, но потом

перестал — мыши пролетали часто. Не знаю уж, сколько он так плёлся, но наконец почувствовал, что устал, как никогда; ему казалось, что он уже перешёл в завтра и так будет идти всю жизнь.



Неожиданно, ни о чём не подозревая, он плюхнулся в воду! Бр-р-р! Вода была ледяная! Это встряхнуло Бильбо и заставило собраться. Он не знал, просто ли это лужа на дороге или берег подземного потока, пересекавшего туннель, или край глубокого и таинственного подземного озера. Кинжал почти перестал светиться. Бильбо замер на месте и прислушался: «кап-кап» капали капли с невидимой крыши в воду. Никаких других звуков.

«Значит, это лужа или озеро, а не река», — подумал Бильбо. Он не решался войти в воду в темноте. Плавать он не умел, и ему представлялись разные противные скользкие создания с

выпученными слепыми глазами, извивающиеся в воде. Странные существа водятся в прудах и озёрах в глубине гор: рыбы, чьи предки заплыли туда бог весть как давно да так и не выплыли на свет, глаза их всё выпучивались и выпучивались оттого, что они силились видеть во мраке. Есть там твари и более страшные, чем рыбы. Они поселились в пещерах раньше гоблинов и теперь скрываются по тёмным закоулкам, шныряют, подсматривают и разнюхивают.

Здесь, в глубине и в темноте, у самой воды жил старый Голлум — большая скользкая тварь. Не знаю, откуда он взялся и кто или что он был такое. Голлум — и всё. Чёрный, как сама темнота, с двумя громадными круглыми бесцветными глазами на узкой физиономии. У него была лодчонка, и он тихо скользил в ней по озеру. Это и в самом деле было озеро, широкое, глубокое и ледяное. Он грёб своими длинными задними лапами, свесив их за борт, грёб беззвучно, без единого всплеска. Не таковский он был, чтобы шуметь. Он высматривал своими круглыми, как плошки, глазами слепых рыб и выхватывал их из воды длинными пальцами с быстротой молнии. Мясо он тоже любил. Когда ему удавалось поймать гоблина, он бывал доволен: они нравились ему на вкус. Но сам он

старался не попасться им на глаза. Обычно он набрасывался на них сзади и душил, если какому-нибудь гоблину случалось оказаться одному на берегу озера, когда Голлум рыскал поблизости. Они, правда, спускались к воде очень редко, так как чувствовали, что там внизу, у самых корней горы, их подстерегает что-то неприятное. Они наткнулись на озеро давным-давно, когда рыли туннели, и убедились, что дальше не проникнуть. Поэтому дорога там и кончалась, и ходить туда было незачем — если только их не посылал туда Верховный Гоблин, которому вдруг захотелось поесть рыбки из озера. Иногда он не видел больше ни рыбки, ни рыбака.



Жил Голлум на скользком каменном островке посреди озера. Он уже давно заприметил Бильбо и наставил на него, как телескопы, бледные глаза. Бильбо не мог видеть Голлума, но Голлум-то его видел и изнывал от любопытства, понимая, что это не гоблин. Он влез в лодочку и оттолкнулся от островка, а Бильбо тем временем сидел на берегу, потерявший дорогу и растерявший последние мозги, — словом, совершенно растерянный. И вдруг бесшумно подплывший Голлум прошипел и просвистел совсем близко:

— Блес-с-ск и плес-с-ск, моя прелес-с-сть! Угощщщение на с-с-славу! С-с-сладкий кус-с-сочек для нас-с-с!

И он издал страшный глотающий звук: «Голлм!» Недаром имя его было Голлум, хотя сам он звал себя «моя прелес-с-сть». У хоббита чуть сердце не выпрыгнуло, когда он вдруг услыхал шипение и увидел два бледных, уставившихся на него глаза.

— Ты кто такой? — спросил он, выставляя вперёд кинжал.

— А он кто такой, моя прелес-с-сть? — прошипел Голлум (он привык обращаться к самому себе, потому что больше ему не с кем было разговаривать). Он явился именно затем, чтобы разузнать, кто это. Голода он сейчас не испытывал, только

любопытство; будь он голоден, он сперва бы сцапал Бильбо, а потом уже зашипел.

— Я мистер Бильбо Бэггинс. Я потерял гномов, потерял волшебника и не знаю, где я. И знать не хочу, мне бы только выбраться отсюда.

— Что за ш-ш-штука у него в руках? — спросил Голлум, глядя на кинжал, который ему явно не понравился.

— Меч, выкованный в Гондолине!

— Ты слышиш-ш-шь? — прошипел Голлум и сделался очень вежливым. — Не присес-с-сть ли тебе, моя прелес-с-сть, не побес-с-с-седовать ли с ним немнож-ж-жко? Как ему нравятс-с-ся з-з-загадки? Может быть, нравятс-с-ся?

Голлум старался вести себя как можно дружелюбнее, во всяком случае, до поры до времени, пока не выяснит побольше о мече и о хоббите, один ли он в самом деле и можно ли его с-с-съес-с-сть, и не проголодался ли он, Голлум. Загадки — вот что пришло ему в голову. Загадывать загадки да изредка отгадывать их — единственная игра, в которую ему приходилось играть давным-давно с другими чудными зверюшками, сидевшими в своих норках. С тех пор он потерял всех своих друзей, стал изгнанником, остался один и заполз глубоко-глубоко, в самую тьму под горой.

— Хорошо, — сказал Бильбо, решив быть покладистым, пока не узнает побольше об этом создании — одно ли оно, злое ли и дружит ли с гоблинами. — Спервa ты, — добавил он, потому что не успел ничего придумать.

И Голлум прошипел:

Не увидать её корней,
Вершина выше тополей,
Всё вверх и вверх она идёт,
Но не растёт.

— Ну, это легко, — сказал Бильбо. — Наверное, гора.

— Иш-ш-шь как прос-с-сто догадалс-с-ся! Пус-с-сть у нас-с-с будет с-с-состязание! Ес-с-сли моя прелес-с-сть с-с-спрос-с-сит, а он не отгадает, моя прелес-с-сть его съес-с-ст. Ес-с-сли он с-с-спросит нас-с-с, а мы не догадаем-с-с-ся, мы с-с-сделаем то, что он прос-с-сит, хорош-ш-шо? Мы покаж-ж-жем ему дорогу, моя прелес-с-сть.

— Согласен, — сказал Бильбо, не смея отказаться и отчаянно пытаясь придумать загадку, которая бы спасла его от съедения.

На красных холмах
Тридцать белых коней

Друг другу навстречу
Помчатся скорей,

Ряды их сойдутся,
Потом разойдутся,
И смирными станут
До новых затей.

Вот всё, что он сумел из себя выжать, — слово «съесть» мешало ему думать. Загадка была старая, и Голлум, конечно, знал ответ не хуже нас с вами.

— С-с-старьё! — прошипел он. — З-з-зубы! З-з-зубы, моя прелес-с-сть! У нас-с-с их ш-ш-шес-с-сть!

Затем он задал вторую загадку:

Без голоса кричит,
Без зубов кусает,
Без крыльев летит,
Без горла завывает.

— Минутку! — вскричал Бильбо, в чьих ушах по-прежнему звучало «съесть». К счастью, нечто подобное он когда-то слыхал и теперь напряг свою память и ответил: — Ветер, разумеется, ветер!

Он был так доволен собой, что следующую за-

гадку сочинил сам. «Пускай помучается, мерзкое создание», — подумал он.

Огромный глаз сияет
В небесной синеве,
А маленький глазок
Сидит в густой траве.
Большой глядит — и рад:
«Внизу мой младший брат!»

— С-с-с, — просвистел Голлум. Он так давно жил под землёй, что забыл про такие вещи.

Но когда Бильбо уже начал надеяться, что гадкое существо проиграло, Голлум вызвал в памяти те далёкие времена, когда он жил с бабушкой в норке на берегу реки.

— С-с-с, моя прелес-с-сть, — просвистел он, — одуванчик, вот какой с-с-смысл.

Но такие будничные заурядные надземные загадки ему надоели. К тому же они напомнили ему о тех днях, когда он был не такой одинокий, не такой противный, не скрывался, не таился. И у него испортилось настроение. И ещё он проголодался. Поэтому на сей раз он загадал загадку покаверзнее:

Её не видать

И в руки не взять,
Царит над всем,
Не пахнем ничем.

Встаёт во весь рост
На небе меж звёзд.
Всё начинает
И всё кончает.

На несчастье Голлума, Бильбо когда-то слыхал что-то вроде этого, и во всяком случае отгадка окружала его со всех сторон.

— Темнота! — выпалил он, даже не почесав в затылке и не приставив пальца ко лбу.

Без замков, без засовов дом,
слиток золота спрятан в нём, —

сказал он просто так, чтобы оттянуть время, пока не придумает что-то поистине неразрешимое. Он считал загадку достаточно затасканной и постарался выразить её хотя бы новыми словами. Но для Голлума она неожиданно оказалась трудной. Голлум свистел и шипел, пыхтел, но никак не мог догадаться.

Бильбо уже начал терять терпение.

— Ну, так что же? — сказал он. — По звукам,

которые ты издаёшь, можно подумать, что ответ — «кипящий чайник».

— Порас-с-скинуть мозгами, пус-с-скай дас-с-ст нам время порас-с-скинуть, моя прелес-с-сть.

— Ну? — повторил Бильбо, сочтя, что дал достаточное время «порас-с-скинуть». — Говори отгадку.

И тут Голлум вдруг вспомнил, как в детстве воровал из гнёзд яйца и потом, сидя на бережке, учил свою бабушку высасывать их.

— Яйт-с-са, — прошипел он. — Яйт-с-са, вот как! — И поскорее загадал:

Без воздуха живёт она
И, как могила, холодна,
Не пьёт, хотя в воде сидит,
В броне, хотя и не звенит.

Теперь Голлум, в свою очередь, считал загадку ужасно лёгкой, потому что ответ был вечно у него на уме. Просто в эту минуту его так разволновала загадка про яйца, что труднее не придумывалось. Но бедняге Бильбо она показалась неразрешимой, он ведь старался, когда мог, не иметь дела с водой. Вы-то, конечно, знаете ответ или просто догадались, так как сидите себе с комфортом дома и никто вас не собирается съедать. Бильбо

откашлялся разок-другой, но ответ не явился.

Вскоре Голлум начал посвистывать от удовольствия, обращаясь к самому себе:

— Интерес-с-сно, вкус-с-сный ли он? С-с-сочный ли? Можно ли его с-с-схрупать?

Он снова начал таращиться на Бильбо из темноты.

— Минутку! — взмолился хоббит, дрожмя дрожа. — Полминутки! Я-то дал тебе время пораскинуть мозгами.

— Пус-с-сть пос-с-спеш-ш-шит, пос-с-спеш-ш-шит! — проговорил Голлум и начал перебираться из лодки на берег, поближе к Бильбо. Но едва он опустил свою тощую паучью лапу в воду, оттуда выскочила испуганная рыба и плюхнулась прямо Бильбо на ногу.

— Ух! — вскрикнул он. — Какая холодная, липкая! — И тут его осенило. — Рыба! — закричал он. — Рыба, рыба!

Голлум был страшно разочарован. А Бильбо, не теряя ни минуты, задал новый вопрос, так что Голлуму — хочешь не хочешь — пришлось залезть обратно в лодку и думать дальше.

Две ноги
На трёх ногах,

А безногая в зубах.
Вдруг четыре прибежали
И с безногой убежали.

Он выбрал не самое удачное время для этой загадки, но уж очень он торопился. В другой раз Голлуму пришлось бы поломать себе голову, но сейчас, когда только что шла речь о рыбе, «безногая» угадалась довольно легко, а остальное пошло как по маслу: «Человек сидит на табурете и ест рыбу. Прибежала кошка, утащила рыбу». Голлум решил, что подоспело время спросить что-нибудь действительно непосильное и устрашающее. И вот что он спросил:

Уничтожает всё кругом:
Цветы, зверей, высокий дом,
Сжуёт железо, сталь сожрёт
И скалы в порошок сотрёт,
Мощь городов, власть королей
Его могущества слабей.

Бедняга Бильбо сидел и перебирал в уме имена всех чудовищ и страшилищ, о которых слыхал, но никто из них не натворил стольких ужасов сразу. У него было чувство, будто ответ совсем не про чудовищ и он его знает, но голова у него отка-

зывалась варить. Он впал в панику, а это всегда мешает соображать. Голлум опять перекинул лапы за борт, спрыгнул в воду и зашлёпал к берегу. Глаза его всё приближались к Бильбо… У Бильбо язык прилип к гортани, он хотел крикнуть: «Дай мне ещё время! Дай время!» Но у него вырвался только писк: «Время! Время!»

Бильбо спасла случайность: это и была разгадка.

Голлум снова был разочарован. Он начинал злиться, игра ему надоела, он проголодался. На этот раз он не вернулся в лодку, а уселся в темноте подле Бильбо. Это окончательно вывело Бильбо из равновесия и лишило способности соображать.

— Пус-с-сть с-с-спрос-с-сит ещё рас-с-с, пус-с-сть, пус-с-сть! — прошипел Голлум.

Но Бильбо был просто не в состоянии думать, когда рядом сидела такая мерзкая мокрая холодная тварь и всё время его трогала и ощупывала. Бильбо чесался, Бильбо щипал себя — ничего не выходило.

— С-с-спрос-с-си нас-с-с, с-с-спрос-с-си! — шипел Голлум.

Бильбо щипнул себя ещё разок, похлопал себя со всех сторон, сжал рукоять кинжала и даже

пошарил другой рукой в кармане. Там он нашарил колечко, которое подобрал в туннеле и про которое забыл.

— Что такое у меня в кармане? — спросил он вслух. Он задал вопрос так, сам себе, но Голлум подумал, что вопрос относится к нему, и ужасно заволновался.

— Нечес-с-стно, нечес-с-стно! — зашипел он. — Ведь правда, моя прелес-с-сть, ведь нечес-с-стно с-с-спраш-ш-шивать нас-с-с, что у него в мерс-с-ском кармаш-ш-шке?

Бильбо, сообразив, что произошло, не нашёл ничего лучше, как повторить ещё раз громче:

— Что у меня в кармане?

— С-с-с, — зашипел Голлум. — Пус-с-сть дас-с-ст нам догадаться с трёх рас-с-с.

— Ладно! Отгадывай! — сказал Бильбо.

— Рука? — спросил Голлум.

— Неправильно, — ответил Бильбо, вовремя убравший руку из кармана. — Ещё раз!

— С-с-с, — прошипел Голлум. Он ещё больше разволновался и стал вспоминать все предметы, которые держал у себя в карманах: рыбьи кости, зубы гоблинов, мокрые ракушки, кусочек крыла летучей мыши, камень для заострения клыков и прочую гадость. — Нож! — выдавил он из себя

наконец.

— Не угадал! — обрадовался Бильбо, давно потерявший нож. — Последний раз!

Голлум теперь оказался в состоянии куда более тяжёлом, чем после загадки про яйца. Он шипел, и плевался, и раскачивался взад и вперёд, и шлёпал лапами по земле, корчился и извивался, но никак не решался ответить в последний раз.

— Давай же! — торопил Бильбо. — Я жду!

Он храбрился и делал уверенный и бодрый вид, но на самом деле боялся думать, чем кончится игра независимо от того, догадается Голлум или нет.

— Время истекло! — объявил он.

— Бечёвка или пус-с-сто! — взвизгнул Голлум. Он поступил не очень честно — не дело высказывать две догадки сразу.

— Ни то и ни другое! — закричал с облегчением Бильбо. В ту же минуту он вскочил на ноги, прислонился спиной к скале и выставил вперёд кинжал. Он знал, конечно, что игра в загадки очень старинная и считается священной и даже злые существа не смеют плутовать, играя в неё. Но Бильбо не доверял этому скользкому созданию: с отчаяния оно могло выкинуть любую штуку. Под любым предлогом оно могло нару-

шить договор. Да и последняя загадка, если на то пошло, согласно древним правилам игры, не могла считаться настоящей.

Но Голлум пока не нападал на Бильбо. Он видел в руке у Бильбо оружие и сидел тихо, дрожа и что-то шепча. Наконец Бильбо не выдержал.

— Ну? — сказал он. — Где обещание? Мне пора. Обещал показать дорогу — показывай!

— Мы обещ-щ-щали, моя прелес-с-сть? Вывес-с-сти мерс-с-ского Бэггинс-с-са на дорогу? Воз-з-зможно. Но что же у него в кармаш-ш-шке? Не бечёвка, моя прелес-с-сть, но и не пус-с-сто, не пус-с-сто. Голлм!

— Тебя это не касается, — ответил Бильбо. — Обещание надо выполнять.

— Какой он с-с-сердитый, моя прелес-с-сть, как торопитс-с-ся, — прошипел Голлум. — Пус-с-сть подождёт, подождёт. Мы не пус-с-стимс-с-ся по туннелям нас-с-спех. Мы должны с-с-сперва вз-з-зять кое-что важное.

— Тогда живей! — скомандовал Бильбо, радуясь, что отделается от Голлума. Он думал, что Голлум просто ищет предлога, чтобы удрать и не вернуться. Что он там бормочет? Какая такая важная вещь припрятана у него на чёрном озере? Бильбо ошибался. Голлум собирался вернуться.

Он очень проголодался и разозлился. У этого злобного обездоленного создания родился план.

На островке, о котором Бильбо ничего не знал, Голлум прятал всякую дрянь, а кроме того очень полезную, очень прекрасную и очень волшебную вещь. Кольцо — золотое драгоценное кольцо!

— Подарок на мой день рождения, — прошептал он, как любил шептать себе в беспросветно тёмные нескончаемые дни. — Вот что нам нужно сейчас-с-с, нужно сейчас-с-с!

Дело в том, что кольцо это было не простое, а чудесное. Тот, кто надевал его на палец, делался невидимым, и лишь при ярком солнечном свете можно было разглядеть тень, да и то очень слабую и неверную.

— Подарок! Получен в день рождения, моя прелес-с-сть.

Так он всегда твердил себе, но кто знает, каким путём Голлум заполучил его в те давние времена, когда таких колец было на свете много. Вероятно, сам Мастер — повелитель колец не знал этого. Сперва Голлум носил кольцо на пальце, потом ему надоело, и он стал носить его в мешочке на шее, пока кольцо не натёрло ссадину. Теперь Голлум обычно держал кольцо под камнями на своём островке и то и дело проверял, там ли оно.

Он надевал его изредка, когда уж очень невмоготу становилось жить с ним в разлуке или когда бывал очень голоден, а рыба прискучила. Тогда он крался по тёмным туннелям вверх, высматривая случайных гоблинов. Порой он даже отваживался заглядывать туда, где горели факелы: глаза у него болели, он жмурился, но он был в безопасности! Да, в полной безопасности. Никто его не видел, не замечал, и вдруг — р-раз! — пальцы его впивались в горло гоблина. Всего несколько часов назад он надевал кольцо и поймал гоблинёнка. Как тот заверещал! От него осталась пара косточек про запас, но сейчас Голлуму хотелось чего-нибудь понежнее.

— В полной безопас-с-сности, — шептал он себе под нос. — Он не увидит нас-с-с, правда, моя прелес-с-сть? Нет, не увидит, и мерс-с-ский мечиш-ш-шко нам будет не с-с-страшен, не страш-ш-шен.

Вот какие планы копошились в его злобном умишке, когда он вдруг зашлёпал к лодке и исчез в темноте. Бильбо решил, что только он его и видел. Но на всякий случай немного подождал: всё равно он не представлял себе, как отсюда выбраться.

Внезапно он услышал пронзительный крик.

Мурашки побежали у него по коже. Где-то не очень далеко в темноте бранился и причитал Голлум. Он был на островке, рылся то там, то сям, искал и копался, но безрезультатно.

— Где оно? Куда задевалос-с-сь? — услышал Бильбо. — Потерялос-с-сь, моя прелес-с-сть! Потерялос-с-сь. Нес-с-счастные мы, горемычные, моя прелес-с-сть, оно потерялос-с-сь!

— Что случилось? — окликнул его Бильбо. — Что потерялось?

— Пус-с-сть не с-с-спраш-ш-шивает нас-с-с! — взвизгнул Голлум. — Его не кас-с-сается! Голлм! Потерялос-с-сь, голлм, голлм!

— Я тоже потерялся! — закричал в нетерпении Бильбо. — И хочу найтись. Я выиграл, ведь ты обещал. Иди теперь сюда. Иди и выводи меня, а потом будешь искать дальше!

Как ни был несчастен Голлум, Бильбо всё равно не мог проникнуться к нему сочувствием. И потом, от вещи, которая нужна Голлуму позарез, наверняка хорошего ждать нечего.

— Иди сюда! — закричал Бильбо громче.

— Нет, нет, моя прелес-с-сть, пус-с-сть подождёт! — прошипел Голлум. — Мы ещё поищем, оно потерялос-с-сь, голлм.

— Но ты так и не ответил на последний вопрос,

а обещание надо держать, — настаивал Бильбо.

— Пос-с-следний вопрос-с-с! — повторил Голлум. И вдруг из темноты послышалось пронзительное шипение: — Что же у него в кармаш-ш-шке? Пус-с-сть с-с-скажет. С-с-сперва пус-с-сть с-с-скажет.

Вообще-то у Бильбо не было причин не говорить Голлуму отгадку. Но его раздосадовала вся эта канитель. В конце концов, он выиграл, почти честно и притом с риском для жизни.

— Разгадки отгадываются, а не подсказываются, — возразил он.

— Но загадка была нечес-с-стная, — ответил Голлум. — Вопрос-с-с, а не загадка, моя прелес-с-сть, не загадка.

— Ну, раз мы перешли на простые вопросы, то я спросил первым, — ответил Бильбо. — Что ты потерял?

— Что у него в кармаш-ш-шке, моя прелес-с-сть?

Свист и шипение раздались вдруг опять так громко и пронзительно, что Бильбо посмотрел в ту сторону и, к своему ужасу, увидел две устремлённые прямо на него горящие точки. По мере того как у Голлума росло подозрение, его глаза разгорались всё ярче.

— Что ты потерял? — настаивал Бильбо.

Теперь глаза у Голлума загорелись зелёным огнём, и два огонька начали приближаться с угрожающей быстротой. Голлум бешено грёб к берегу. Пропажа и подозрение вызвали такой прилив ярости в его душе, что никакой кинжал был ему теперь не страшен. Бильбо не мог, конечно, догадаться, что привело в такое бешенство гадкое создание, но понял, что всё пропало, сейчас Голлум убьёт его. Он повернулся и бросился бежать, не разбирая дороги, по тёмному туннелю, который привёл его сюда. Он старался держаться поближе к стенке и вёл по ней рукой.

— Что у него в кармаш-ш-шке? — услышал он громкое шипение и всплеск, когда Голлум выпрыгнул из лодки в воду.

— Интересно, что у меня там такое? — спросил себя Бильбо, ковыляя по туннелю. Он сунул левую руку в карман. На вытянутый палец ему скользнуло холодное кольцо.

Шипение послышалось уже совсем за его спиной. Бильбо обернулся и увидел зелёные фонарики — глаза Голлума. Совершенно потеряв голову от страха, Бильбо рванулся вперёд, споткнулся о корень и хлопнулся на землю плашмя.

В одно мгновение Голлум его настиг. Но прежде

чем Бильбо успел хоть что-нибудь сделать — перевести дух, вскочить на ноги или вытащить кинжал, — Голлум пробежал мимо, не обратив на него никакого внимания и шёпотом ругаясь и причитая.

Что это значило? Голлум отлично видел в темноте. Даже сейчас, оставшись позади, Бильбо различал впереди бледный свет, исходивший из глаз Голлума. Бильбо с трудом поднялся и осторожно двинулся вслед за Голлумом. Ничего другого ему не оставалось. Не ползти же обратно к озеру. Глядишь, может, Голлум и выведет его куда-нибудь на волю, сам того не зная.

— Мес-с-сть! Мес-с-сть! — шептал Голлум. — Мес-с-сть, Бэггинсу! Оно ис-с-счезло! Что у него в кармаш-ш-шке? Мы догадываемс-с-ся, моя прелес-с-сть, догадываемс-с-ся. Бэггинс-с-с наш-ш-шёл его, наш-ш-шёл подарок на день рождения!

Бильбо навострил уши. Он наконец и сам начал догадываться. Он ускорил шаги, нагнал Голлума и пошёл за ним, держась на безопасном расстоянии. Тот по-прежнему быстро шлёпал вперёд, не оглядываясь и вертя головой из стороны в сторону, — Бильбо замечал это по слабому отсвету на стенах.

— Подарок на день рождения! З-з-злодейс-с-

ство! Как мы потеряли его, моя прелес-с-сть? Яс-с-сно, яс-с-сно. Когда мы в пос-с-следний рас-с-с с-с-скрутили здес-с-сь ш-ш-шею мерз-з-зкому пис-с-скуну. Так, так! Оно брос-с-сило нас-с-с, пос-с-сле с-с-стольких лет! Оно ис-с-счезло, похищ-щ-щено, голлм!

Неожиданно Голлум сел и зарыдал. Жутко и жалко было слушать, какие он издавал свистящие, булькающие, хлюпающие звуки. Бильбо остановился и прижался к стене. Постепенно Голлум перестал плакать и опять начал бормотать. Он, видимо, вёл спор с самим собой.

— Незачем ис-с-скать, незачем. Мы не можем вс-с-спомнить вс-с-се мес-с-ста, где бываем. Бес-с-сполезно. Оно в кармаш-ш-шке у Бэггинс-с-са. Мерс-с-ский пролаза наш-ш-шёл его, мы уверены. Нет, мы только догадываемс-с-ся, моя прелес-с-сть, только догадываемс-с-ся. Мы не узнаем, пока не поймаем мерс-с-ское с-с-создание, пока не с-с-свернём ему ш-ш-шею. Но ведь он не знает, что может делать подарок, правда? Он будет прос-с-сто держать его в кармаш-ш-шке. Он не мог уйти далеко. Он потерялс-с-ся, мерс-с-ское пронырливое с-с-создание. Он не знает дороги отс-с-сюда, не знает, он с-с-сам говорил. Да, говорил, но он хитрый. Он не говорит разгадки, моя

прелес-с-сть! Не говорит, что у него в кармаш-ш-шке. Он с-с-сумел войти — значит, с-с-сумеет и выйти. Он убежал к задней двери. Значит, и мы пойдём к задней двери. Там его с-с-сцапают гоблинс-с-сы. Там ему не выйти, моя прелес-с-сть. Гоблин-с-сы! Ес-с-сли наш-ш-ше с-с-сокровище у него, оно дос-с-станется гоблинс-с-сам, голлм! Они догадаютс-с-ся, что оно умеет делать. Мы никогда не будем в безопас-с-сности, никогда, голлм! Гоблинс-с-с наденет его и ис-с-счезнет. Гоблинс-с-с будет тут, но мы его не увидим. Даже наш-ш-ши ос-с-стрые глас-с-ски его не заметят. И тогда гоблинс-с-с притворитс-с-ся, подкрадетс-с-ся и с-с-сцапает нас-с-с, голлм, голлм! Хватит болтать, моя прелес-с-сть, торопис-с-сь. Ес-с-сли Бэггинс-с-с пошёл в ту с-с-сторону, надо догонять. Дальш-ш-ше! Ос-с-сталось недалеко! С-с-скорее!

Голлум вскочил, как подброшенный, и зашлёпал с невероятной быстротой вперёд. Бильбо поспешил за ним, по-прежнему соблюдая осторожность. Теперь главной его заботой было не хлопнуться опять и не наделать шума. В голове у него крутился вихрь — смесь надежды и отчаяния. Оказывается, найденное им кольцо — волшебное! Оно делает невидимым! Бильбо, конечно, знал из старинных сказок о таких вещах,

но как-то трудно поверить, что ты сам совершенно случайно нашёл такое кольцо. Однако верь не верь, а ведь Голлум с его глазами-фонарями проскочил мимо него.

Они бежали всё дальше и дальше: Голлум — шлёп-шлёп — впереди, шипя и бранясь, Бильбо позади, бесшумно, как истинный хоббит. Вскоре они добежали до того места, где по обе стороны, как Бильбо заметил ещё на пути к озеру, открывались боковые ходы. Голлум сразу принялся считать их: «Один с-с-слева, один с-с-справа, так. Два с-с-справа, два с-с-слева, так, так, так». И так далее.

Считая, он продвигался всё медленнее, шаги его становились всё неувереннее, а бормотание плаксивее: ведь он удалялся от воды, и ему делалось страшно. Гоблины могли выскочить в любой момент откуда угодно, а кольцо-то он потерял. Наконец он остановился у небольшой дыры слева. «С-с-седьмой с-с-справа, так! Ш-ш-шес-с-стой с-с-слева, так! — шептал он. — Здес-с-сь. Дорога к задней двери, так. Проход здес-с-сь!»

Он заглянул туда и отшатнулся.

— Мы не с-с-смеем идти дальш-ш-ше, моя прелес-с-сть, не с-с-смеем. Там гоблинс-с-сы, много гоблинс-с-сов. Мы чуем их. С-с-с! Как нам пос-с-

ступить? Провалитьс-с-ся им, утопитьс-с-ся! Надо обождать здес-с-сь, моя прелес-с-сть, немного обождать и ос-с-смотреться.

Таким образом, всё застопорилось: Голлум вывел-таки Бильбо на правильную дорогу, но Бильбо не мог пройти! У входа, сгорбившись и свесив голову между колен, сидел Голлум, глаза его мерцали холодным светом.

Бильбо тише мышки отделился от стены. Но Голлум сразу насторожился, потянул воздух носом, глаза его загорелись зелёным огнём. Он тихо, но угрожающе зашипел. Голлум не мог видеть хоббита, но темнота обострила его слух и нюх. Он пригнулся, упёршись плоскими ладонями в землю, и вытянул шею вперёд, почти касаясь носом каменного пола. Глаза его излучали слабый свет, в этом свете был едва различим его чёрный силуэт, но Бильбо чувствовал, что Голлум, как натянутый лук, готовый распрямиться, собрался для прыжка.

Бильбо и сам замер на месте и почти перестал дышать. Он был в отчаянии. Необходимо выбраться отсюда, из этого страшного мрака, пока у него остались силы. Надо бороться. Ударить кинжалом злобную тварь, убить, опередить его, пока он не убил Бильбо. Нет, это будет нечестно.

Бильбо невидим, а у Голлума нет кинжала, да он ещё и не пытался убить его, Бильбо. И потом, Голлум такой одинокий, такой несчастный и заброшенный. Внезапно сердце Бильбо наполнилось сочувствием, жалостью, смешанной со страхом, он представил себе череду бесконечных беспросветных дней, без всякой надежды на лучшую жизнь, — лишь жёсткий камень, холодная рыба, вечное шныряние и бормотание. Все эти мысли молнией пронеслись у Бильбо в голове, он содрогнулся. И вдруг совершенно неожиданно его озарила новая мысль, и он, словно подброшенный приливом решимости и энергии, прыгнул!

Для человека такой прыжок был бы не бог весть как труден, но ведь это был ещё и прыжок в неизвестность… Бильбо перелетел прямо через голову Голлума, на метр в высоту, два с половиной в длину. Ему было невдомёк, что он чуть не размозжил себе череп о низкий свод туннеля.

Голлум откинулся назад и попытался схватить хоббита, но поздно — лапы его цапнули только воздух, а Бильбо, приземлившись на свои крепкие мохнатые ножки, помчался по боковому ходу. Он улепётывал не оборачиваясь. Сперва шипение и брань слышались прямо за спиной у Бильбо, потом прекратились. Раздался душераздирающий

крик, полный злобы и отчаяния. Голлум был побеждён. Дальше он бежать не смел. Он проиграл: упустил добычу и потерял то единственное, чем дорожил. У Бильбо от его крика чуть сердце от страха не выскочило, но он продолжал бежать. Потом слабый, как эхо, но полный угрозы, до него донёсся вопль: «Вор, вор! Бэггинс-с-с вор! Ненавис-с-стный, ненавис-с-стный, навс-с-сегда, навсс-сегда!»

Потом наступила тишина. Но и тишина испугала Бильбо. «Если гоблины так близко, что он их почуял, — думал он, — тогда они слышали его визг и брань. Осторожнее, а то эта дорога приведёт к плохому концу».

Проход был низкий и пол грубо обработан. Для хоббита места хватало, но всё же он несколько раз ушиб пальцы ног, споткнувшись о торчащие камни. «Низковато для гоблинов, во всяком случае, для крупных», — подумал Бильбо. Он не знал, что даже самые крупные гоблины могут передвигаться с огромной скоростью внаклонку, касаясь руками земли.

Вскоре пологий спуск кончился и опять начался подъём, делаясь всё круче и круче. Бильбо пришлось снизить скорость. Туннель сделал поворот, тропа пошла резко вниз, и там, в конце короткого

спуска, Бильбо увидел свет, падавший из-за следующего поворота. Не красный, как от костра или факелов, а белый, дневной, какой бывает только под открытым небом. Бильбо пустился бегом. Он буквально скатился вниз, завернул за последний угол — и очутился на площадке, освещённой солнечным светом. После стольких часов мрака свет ослепил его, но на самом деле то была всего лишь полоса света, падавшая из раскрытой большой каменной двери. Бильбо замигал и вдруг увидел гоблинов: те в полном вооружении с обнажёнными мечами сидели перед дверью, не спуская глаз с ведущего к ней туннеля. Они были настороже, начеку, наготове.

Гоблины увидели Бильбо раньше, чем он их. Да, увидели! То ли нечаянно, то ли нарочно, решив выкинуть фокус со своим новым господином, кольцо исчезло! Гоблины бросились к Бильбо с дикими воплями восторга.

Боль утраты и страха охватила Бильбо, как раньше Голлума, и, забыв про кинжал, он с горя сунул руки в карманы. О радость, кольцо было там в левом кармане! Оно наделось ему на палец — и гоблины застыли как вкопанные. Они ничего не понимали: только что он был тут и вдруг пропал. Они опять завыли, на этот раз не от

восторга, а от разочарования.

— Где он? — вопили одни.

— Нырнул назад в туннель! — кричали другие.

— Сюда! — орали третьи. — Туда!

— Посмотреть за дверью! — рявкнул капитан гоблинов.

Послышались свистки, забряцало оружие, зазвенели клинки, гоблины, рыча и ругаясь, забегали взад и вперёд, натыкаясь друг на друга, падая и постепенно разъяряясь. Поднялась страшная суматоха, кутерьма и тарарам.

Бильбо до смерти перепугался, но у него хватило здравого смысла нырнуть за большую бочку, из которой пила стража, чтобы его не сшибли с ног, не затоптали и не поймали на ощупь.

— Надо добраться до двери, во что бы то ни стало добраться до двери! — повторял он себе, но решился на это не сразу. Дальше всё происходило, как в игре в жмурки, только страшней. Вокруг метались гоблины, бедняга хоббит раза два увернулся, потом был сбит с ног гоблином, который не мог понять, на что налетел, потом Бильбо встал на четвереньки, проскользнул под ногами у капитана, поднялся во весь рост и кинулся к двери.

Дверь всё ещё не была заперта, но какой-то

стражник почти полностью прикрыл её. Бильбо попробовал её толкнуть, но даже с места не сдвинул. Попробовал протиснуться в щель, но застрял. Какой ужас! Пуговицы его курточки зацепились за косяк. Бильбо уже видел, что там за дверью: несколько ступенек сбегали вниз, в узкое ущелье между высокими скалами, солнце вышло из-за облаков и ярко освещало пейзаж по ту сторону двери. Но Бильбо не мог вырваться из тисков!

Внезапно один из гоблинов заорал:

— Рядом с дверью тень! Там кто-то есть!

Сердце у Бильбо бешено заколотилось, он рванулся изо всех сил, пуговицы разлетелись в стороны! Разодрав куртку и жилет, Бильбо вырвался наружу и поскакал по ступенькам, как козлик, а ошеломлённые гоблины остались подбирать его красивые медные пуговицы.

Разумеется, они тут же с гиканьем и криками кинулись за ним вдогонку. Но гоблины не любят солнечный свет, ноги у них слабеют, голова кружится. Им было не поймать Бильбо, который с кольцом на пальце перебегал в тени деревьев быстро, бесшумно, стараясь не появляться на солнце. Вскоре, ругаясь и брюзжа, гоблины побрели назад стеречь дверь.

Бильбо спасся!



6. Из огня да в полымя



Бильбо удрал от гоблинов, но понятия не имел, где находится. Он потерял капюшон, плащ, еду, пони, пуговицы и друзей. Он брёл и брёл куда глаза глядят. Наконец тени гор упали на тропу перед Бильбо. Он оглянулся: солнце садилось за горы *позади* него! Тогда он посмотрел вперёд и увидел уходящие вниз склоны. Внизу сквозь деревья кое-где проглядывали поляны.

— Боже милосердный! — воскликнул Бильбо. — Кажется, я вышел по другую сторону Туманных Гор! Где же, о где же Гэндальф и гномы? Только

бы они не остались во власти гоблинов!

Он шёл да шёл, поднялся из впадинки, перевалил через её край и опять стал спускаться. Но всё время его терзала одна крайне неприятная мысль: а не должен ли он теперь, когда на пальце у него волшебное кольцо, вернуться в кошмарные туннели и разыскать своих друзей. Только он пришёл к решению, что это его долг, и почувствовал себя вконец несчастным — как вдруг услыхал голоса.

Он остановился и прислушался — на гоблинов, кажется, непохоже. Он тихонько подкрался поближе. Каменистая тропка, по которой он шёл, вилась вниз, слева возвышалась скала, справа спускался склон с лощинами, заросшими кустарником и невысокими деревьями. В одной из лощин в кустах кто-то разговаривал.

Бильбо подполз ещё ближе — и вдруг между двух валунов мелькнул красный капюшон: оттуда выглядывал Балин, как всегда стоящий в дозоре. Бильбо чуть не захлопал в ладоши и не закричал от радости. Но сдержался. Он ещё не снял кольца, боясь какой-нибудь неожиданной и неприятной встречи, и теперь Балин смотрел прямо сквозь него.

«Устрою-ка я им сюрприз», — подумал Биль-

бо, пробираясь сквозь кусты, росшие по краю лощины.

Гэндальф спорил с гномами. Они обсуждали события, происшедшие с ними в туннелях, и решали, что делать дальше. Гэндальф убеждал гномов, что нельзя продолжать путь, оставив мистера Бэггинса в руках гоблинов и даже не выяснив, жив он или нет, и не попытавшись его спасти. А гномы выражали недовольство.

— В конце концов, он мой друг, — говорил волшебник, — и вовсе не так уж плох. Я за него отвечаю. Всё-таки безобразие, что вы его потеряли.

Гномы же утверждали, что вообще не надо было брать его с собой, и возмущались, почему он потерялся, а не держался около них, и зачем Гэндальф не выбрал кого-нибудь посообразительнее.

— Пока от него больше хлопот, чем пользы, — сказал кто-то. — Коли ещё идти обратно искать его в тёмных туннелях, так плевать я на него хотел!

— Да, я взял его с собой, а я ничего бесполезного не беру. Или вы мне помогаете искать его, или я ухожу и — расхлёбывайте неприятности сами. А вот если мы найдём его, вы ещё не раз поблагодарите меня. Почему ты сам убежал, Дори, а его бросил?

— Вы бы тоже бросили, — огрызнулся Дори, — если бы вас схватили в темноте за ноги, дёрнули и поддали в спину ножищей!

— Так чего же ты не подобрал его после?

— Господи помилуй! Вы ещё спрашиваете! Гоблины в темноте дерутся, кусаются, валятся друг на друга, бьют кого попало… Вы мне чуть голову не отхватили Глемдрингом, а Торин тычет во все стороны Оркристом. Тут вы вдруг ослепляете всех вашей вспышкой, гоблины с визгом отступают, вы кричите: «Все за мной!» — и все вам повинуются. То есть мы думали, что все. Вы прекрасно понимаете, что нам некогда было себя пересчитывать. Мы проскочили мимо часовых, за дверь и скатились сюда. И вот мы здесь, а Взломщика нет, чтоб ему пусто было!

— А Взломщик тут как тут! — заявил Бильбо, выступая вперёд и снимая кольцо.

Бог ты мой, как они подскочили от неожиданности! Как завопили от удивления и радости! Гэндальф был изумлён не меньше других, но, пожалуй, доволен больше. Он подозвал Балина и сделал ему выговор, высказав всё, что думает о дозорных, у которых посторонний может свалиться как снег на голову. Надо сказать, после этого случая Бильбо сильно вырос в глазах гномов.

Если раньше, несмотря на уверения Гэндальфа, они сомневались в том, что он взломщик первой категории, то теперь их сомнения рассеялись. Балин был ошарашен больше других. И все гномы признали Бильбо ловкачом.

Бильбо до того был доволен похвалами, что, посмеявшись в душе, ничего не сказал про кольцо, а когда его стали расспрашивать, ответил:

— Ну, просто подкрался потихоньку, по-хоббитовски.

— Даже мыши не удавалось прокрасться у меня под носом и остаться незамеченной, — проговорил Балин. — Снимаю перед вами капюшон. — Что он и сделал, добавив: — Балин, к вашим услугам.

— Мистер Бэггинс, ваш слуга, — ответил Бильбо.

Потом они потребовали у него отчёта о приключениях с той минуты, как он потерялся. И он рассказал им всё… кроме того, что нашёл кольцо («Подожду пока», — решил он). Особенно их заинтересовало состязание в загадках, а когда он описал Голлума, они, сочувствуя, пришли в ужас.

— И тут, когда он уселся рядом со мной, я не смог ничего придумать, — закончил Бильбо, — и

просто спросил: «Что у меня в кармане?». И он не отгадал с трёх раз. Тогда я сказал: «Ты обещал? Обещал! Теперь выводи меня!» Но он бросился на меня и хотел убить, я побежал и упал, и он не заметил меня в темноте. Тогда я пошёл за ним следом и услыхал, как он бормочет что-то себе под нос. Он думал, что я сам знаю, как выбраться из-под горы, и побежал к задней двери. А потом вдруг взял и уселся при выходе из туннеля, так что я не мог пройти. Тогда я перепрыгнул через него и пустился наутёк.

— А как же стража? — спросили гномы. — Разве стражников не было?

— Были! И ещё сколько! Но я от них увернулся и удрал. Дверь была еле приотворена, я застрял и потерял кучу пуговиц... — Он с сожалением поглядел на порванную одежду. — Но я всё равно протиснулся — и вот я здесь!

Гномы глядели на него по-новому, с уважением: он так запросто рассказывал про то, как увернулся от стражников, перепрыгнул через Голлума и протиснулся в дверь, словно всё это не доставило ему никакого труда и волнений.

— Что я вам говорил? — засмеялся Гэндальф. — Мистер Бэггинс далеко не так прост, как вы думаете.

При этом он бросил на Бильбо странный взгляд из-под косматых бровей, и у хоббита мелькнуло подозрение, что волшебник догадывается о той части истории, которую он выпустил.

У него тоже накопилось много вопросов. Может быть, Гэндальф объяснил всё гномам раньше, но Бильбо-то этого не слыхал. Он хотел знать, каким образом волшебник вывел гномов и что это за лощина.

Чародей, не скроем, всегда был не прочь лишний разок похвастаться своей мудростью. Поэтому он с удовольствием рассказал Бильбо, что они с Элрондом прекрасно знали о злых гоблинах, живущих в этой части гор. Но раньше главные ворота выходили на другую тропу, более лёгкую и доступную, где гоблины часто ловили путников, которых ночь застигла вблизи ворот. По-видимому, люди забросили ту дорогу и гоблины устроили новые ворота в конце тропы, по которой шли гномы. Произошло это, видно, совсем недавно, ибо до сих пор дорога считалась вполне безопасной.

Так вот, едва Гэндальф услыхал вопль Бильбо, он мигом сообразил, что произошло. Он убил вспышкой гоблинов, кинувшихся на него, и успел скользнуть в щель как раз в тот момент, когда

она захлопывалась. Он шёл по пятам за погонщиками и пленниками, дошёл до тронного зала, а там сел в уголке и сотворил самый удачный из своих колдовских трюков.

— Очень деликатное было дело, — сказал он, — всё висело на волоске!

Но Гэндальф недаром столько практиковался в колдовстве с помощью огня и света (даже хоббит, если помните, всю жизнь не мог забыть чудесные фейерверки на праздниках Старого Тука). Что было дальше, мы знаем. Гэндальфу было известно о задней двери, как гоблины называли нижние ворота, где Бильбо потерял пуговицы.

— Гоблины устроили там ворота давным-давно, — сказал Гэндальф, — отчасти как лазейку, если понадобится бежать, отчасти как средство попасть на ту сторону гор; по ночам они делают туда вылазки и набеги и всячески разбойничают. Они строго охраняют эту дверь, и до сих пор никому не удавалось в неё проскочить. Теперь они будут стеречь её ещё строже.

Гэндальф засмеялся, остальные тоже. Что говорить, убытки их были велики, но зато они прикончили Верховного Гоблина и множество простых гоблинов в придачу и сами спаслись, так что пока, можно считать, находились в выгодном

положении.

Но волшебник быстро вернул их к действительности.

— Мы уже отдохнули, — сказал он, — пора двигаться дальше. Ночью сотни гоблинов пустятся за нами в погоню, а смотрите — тени уже удлинились. До сумерек нам надо уйти на несколько миль вперёд. Если хорошая погода сохранится, то взойдёт луна, и это нам на руку. Гоблины, правда, не очень-то боятся луны, но мы по крайней мере увидим, куда идти. Да, да! — ответил он на новые расспросы хоббита. — Ты потерял счёт времени, пока блуждал в туннелях. Сегодня четверг, гоблины поймали нас в понедельник ночью, вернее, во вторник утром. Мы проделали много миль, прошли через самое сердце гор и теперь очутились на другой стороне — словом, порядочно спрямили. Но вышли не туда, куда привела бы нас первоначальная тропа. Мы взяли слишком к северу, впереди нам предстоит малоприятная местность. И пока мы чересчур высоко. Итак, в путь!

— Я страшно хочу есть, — простонал Бильбо, только сейчас осознавший, что ничего в рот не брал с позапозапрошлого вечера. Каково это для хоббита, только представьте! Теперь, когда

возбуждение прошло, он ощутил, что пустой животик обвис и ноги дрожат.

— Ничем не могу помочь, — ответил Гэндальф. — Разве что ты вернёшься и вежливо попросишь гоблинов отдать тебе твоего пони и поклажу.

— Нет уж, благодарю покорно! — воскликнул Бильбо.

— В таком случае затянем потуже кушаки и зашагаем дальше. Лучше остаться без ужина, чем самим превратиться в ужин.

По дороге Бильбо посматривал по сторонам, чем бы закусить: чёрная смородина только цвела, орехи ещё не созрели, ягоды боярышника не поспели. Бильбо пожевал щавеля, зачерпнул воды из горного ручейка, пересекавшего тропинку, и даже проглотил три ягодки земляники, но голода не утолил.

Они шли и шли. Неровная каменистая тропка пропала. Исчезли кусты, высокая трава между валунами, участки дёрна, обглоданного кроликами, исчезли чебрец и шалфей, мята и жёлтые горные розочки. Путники очутились на широком крутом склоне, усеянном камнями — остатками оползня. Когда они начали спускаться, камни и щебень посыпались у них из-под ног. Потом заскакали

обломки камней покрупнее, приведя в движение осыпь, потом стали срываться большие глыбы. Вскоре весь склон выше и ниже их тронулся с места, и они поехали вниз, среди пыли, треска и грохота скачущих камней.

Спасли их деревья. Путники докатились до границы сосновой рощи, переходившей внизу, в долине, в густой тёмный лес. Одни задержались, уцепившись за нижние ветви деревьев, другие (в том числе маленький хоббит) спрятались за стволы, чтобы укрыться от грозного наступления валунов. Вскоре опасность миновала, осыпь остановилась, лишь далеко внизу, среди папоротника и корней деревьев, ещё слышался отдалённый грохот сорвавшихся камней.

— Так! Это нас сильно продвинуло вперёд, — заметил Гэндальф. — Если гоблины сюда сунутся, обойтись без шума им будет нелегко.

— Неужели? — иронически пробормотал Бомбур. — Зато легко будет сбрасывать нам камни на голову.

Гномы и Бильбо чувствовали себя неважно и, морщась, потирали изодранные и ушибленные места.

— Пустяки! Сейчас мы свернём и окажемся в стороне от осыпи. Надо торопиться! Оглянитесь

вокруг!

Солнце давно село за горы, сумерки сгущались, путники быстро ковыляли по дорожке, которая полого спускалась прямо на юг. Лесной мрак становился всё гуще и беззвучнее. Ветер совсем стих, и даже шёпота ветвей не было слышно в лесу.

— Неужели мы пойдём дальше? — спросил Бильбо, когда стемнело настолько, что он смутно видел лишь колыхание бороды Торина рядом с собой, и стало так тихо, что дыхание гномов казалось громким шумом. — Пальцы на ногах у меня разбиты, ноги ноют, живот болтается, как пустой мешок.

— Ещё немного, — сказал Гэндальф.

Прошла, как им показалось, целая вечность, и вдруг они вышли на поляну, ярко освещённую луной. Чем-то место это им всем не понравилось, хотя ничего определённо плохого они сказать не могли.

Внезапно у подножия горы послышался вой — жуткий, заунывный. Он раздавался справа и слева, всё ближе и ближе. То были волки, воющие на луну, волки, собирающиеся в стаю.

Хотя поблизости от родной норки мистера Бэггинса волков не водилось, он узнал вой сразу. Его достаточно часто описывали в сказках, а один

из старших кузенов Бильбо по туковской линии, большой любитель путешествовать, не раз выл по-волчьи, чтобы напугать Бильбо. Но слышать волков вот так, в лесу, ночью, при луне — это было слишком! Даже волшебное кольцо — слабое средство против волков, особенно против страшной стаи, жившей под сенью гоблинской горы в Диком Краю. Такие волки обладают ещё более тонким нюхом, чем гоблины, им не обязательно видеть свою жертву.

— Что делать, как быть?! — закричал Бильбо. — Спасшись от гоблинов, попались волкам!

Слова его стали пословицей, хотя теперь в подобной неприятной ситуации мы говорим «из огня да в полымя».

— На деревья, быстро! — приказал Гэндальф. Они кинулись к деревьям, окружавшим поляну, и мигом взобрались на самые верхние ветки, которые только могли их выдержать. Вы бы животики надорвали, если бы увидели (естественно, с безопасного расстояния), как гномы сидели на ветвях и бороды у них свисали вниз — точь-в-точь спятившие старички вздумали поиграть в мальчишек. Фили и Кили взгромоздились на верхушку высокой лиственницы, которая стала теперь похожа на рождественскую ёлку. Дори,

Нори, Ори, Ойн и Глойн устроились с большим удобством на высоченной сосне с солидными ветвями. Бифур, Бофур, Бомбур и Торин сидели на другой сосне. Двалин и Балин вскарабкались на высокую стройную ель с редкими ветвями и пытались отыскать себе местечко в гущине верхушки. Гэндальф, который был значительно выше прочих, подобрал себе такую высокую сосну, куда остальные не могли бы взобраться. Гэндальфа совершенно скрыли ветки, только глаза его сверкали в лунном свете.

А Бильбо? Бильбо никуда не мог залезть и бегал от ствола к стволу, словно потерявший норку кролик, за которым гонится собака.

— Опять ты бросил Взломщика! — заметил Нори, заглядывая вниз.

— Не могу же я вечно таскать его на спине, — возразил Дори, — то по туннелям, то по деревьям! Кто я, по-твоему? Носильщик?

— Его съедят, если мы не предпримем никаких мер, — проговорил Торин. Вой слышался всё ближе и ближе, окружая их кольцом. — Дори! — окликнул он, ибо Дори сидел ниже всех на самом удобном дереве. — Скорее подай руку мистеру Бэггинсу!

Дори, несмотря на своё ворчанье, был гном

очень порядочный; он спустился пониже и протянул руку, но и тут бедняга Бильбо не мог достать до неё. Дори пришлось слезть на землю и нагнуться, чтобы Бильбо забрался к нему на спину. В эту минуту волки с воем выбежали на поляну. Сотни волчьих глаз уставились на Дори и Бильбо. И всё-таки Дори не бросил хоббита в беде: он дождался, пока тот перелез с его плеч на дерево, и только тогда подпрыгнул и ухватился за нижнюю ветку. Как раз вовремя! Волк щёлкнул зубами и чуть не сдёрнул Дори за плащ. В одно мгновение вся стая сгрудилась вокруг дерева, волки с воем запрыгали у ствола, глаза их горели, языки свисали наружу.



Но даже дикие-предикие варги (так назывались злые волки по ту сторону Туманных Гор) не умеют лазать по деревьям. На какое-то время путешественники оказались в безопасности. На их счастье, ночь была тёплая и безветренная. На деревьях и вообще-то долго не просидишь, а уж когда холод да ветер и внизу караулят волки, то и подавно.

Эта поляна, окружённая кольцом деревьев, очевидно, была местом сборища волков. Они всё

прибывали и прибывали. Волки, принюхиваясь, обошли поляну кругом и скоро определили каждое дерево, где кто-нибудь да прятался. Всюду они поставили часовых, остальные (насколько можно судить, не одна сотня) уселись большим кружком. В центре сидел громадный серый волк и говорил на ужасном языке варгов. Гэндальф понимал язык варгов, Бильбо нет, но и так можно было догадаться, что речь идёт только о жестоких и злых делах. Время от времени варги хором отвечали серому вожаку, и каждый раз, слыша их жуткое рявканье, хоббит чуть не падал от страха с сосны.

Сейчас я вам расскажу, что услышал Гэндальф и чего не понял Бильбо. Варги и гоблины нередко действовали сообща, совершая свои чёрные дела. В ту пору гоблины частенько устраивали набеги, чтобы добыть пищу или рабов. В таких случаях они призывали на помощь варгов и потом делились с ними добычей. Иногда гоблины ехали на варгах верхом, как на конях. На эту самую ночь был как раз намечен большой набег. Варги явились сюда на свидание с гоблинами, а те опаздывали. Причиной, как мы знаем, послужила смерть Верховного Гоблина и вообще суматоха, вызванная гномами, Бильбо и волшебником,

которых, вероятно, разыскивали в туннелях до сих пор.

Несмотря на все опасности, подстерегающие людей в этой отдалённой стране, некоторые храбрецы в последнее время начали возвращаться сюда с юга, рубить деревья и строить себе дома в более светлых лесах — по долинам и по берегам рек. Их постепенно набралось много, все они были отважные, хорошо вооружённые люди, даже варги не смели нападать на них при ярком солнечном свете. Вот варги и сговорились с гоблинами напасть ночью на деревню, ближнюю к горам. Если бы их план удался, на следующий день в деревне никого не осталось бы в живых: никого, кроме тех, кого гоблины взяли бы в плен.

Жуткие это были речи; опасность угрожала не только храбрым лесорубам, их жёнам и детям, но и самому Гэндальфу с его друзьями. Варги разозлились и удивились, обнаружив их на месте сбора. Они заподозрили, что друзья лесорубов явились шпионить за ними и отнесут новости в деревню, и тогда гоблинам и волкам придётся драться не на жизнь, а на смерть, вместо того, чтобы с лёгкостью разделаться со спящими — сожрать или утащить их. Поэтому варги решили

караулить пленников по крайней мере до утра, чтобы эти существа не удрали. К тому времени с гор придут гоблины, а гоблины умеют лазать по деревьям или валить их.

Теперь вам понятно, почему Гэндальф, прислушивавшийся к рычанию и тявканью варгов, отчаянно испугался, даром что был волшебник. Он понял, что они попались, и ещё неизвестно, удастся ли им спастись. Но он решил, что так просто не сдастся, хотя, сидя на верхушке дерева в окружении волков, много сделать не сможет. Сперва он обобрал со своей сосны крупные шишки, потом поджёг одну из них посохом и швырнул в волков. Шишка с шипением упала волку на спину, его лохматая шкура сразу же загорелась, он с жутким воем заметался по поляне. За первой полетела вторая, третья — одна горела голубым пламенем, другая красным, третья зелёным. Они взрывались, ударяясь о землю, и разлетались цветными искрами, пуская густой дым. Самая большая шишка стукнула вожака по носу, он подпрыгнул на три метра в воздух, а потом принялся носиться кругом, кусая с испуга и злости своих подданных.

Гномы и Бильбо ликовали и кричали от радости. Страшно было смотреть, в какую ярость

пришли волки. Они перебудоражили лес. Волки вообще боятся огня, а этот огонь был особенный, сверхъестественный. Искра, попадая на шкуру, впивалась в неё, прожигала волка насквозь, и, если он не начинал кататься по земле, его быстро охватывало пламя. Скоро по всей поляне катались волки, пытаясь загасить искры; те, которые уже пылали, с громким воем носились вокруг, поджигая других.

— Что за шум сегодня ночью в лесу? — удивился Повелитель орлов. Он сидел на вершине утёса, и чёрный силуэт его вырисовывался в лунном свете. — Я слышу голоса волков! Уж не гоблины ли там безобразничают?

Несколькими взмахами крыльев он поднялся в воздух, и немедленно двое орлов снялись со скал по обе стороны от него и последовали за ним. Описывая круги, они внимательно смотрели вниз и наконец заметили кольцо варгов — маленькую точку далеко-далеко под собой. У орлов острое зрение, они видят мельчайшие предметы с большого расстояния. Глаза Повелителя орлов Туманных Гор могли смотреть прямо на солнце, не мигая, или с высоты в милю видеть ночью кролика, бегущего в траве. Он не мог разглядеть сидевших в ветвях, но видел мечущихся волков

и вспышки огня, слышал вой и тявканье. А ещё он увидел отблеск лунного света на копьях и шлемах гоблинов: длинные цепи этих злых существ, извиваясь, двигались по склонам гор от ворот в лес.

Орлов не назовёшь добрыми. Бывают они трусливыми и жестокими. Но орлы древней породы северных гор были гордые, могучие и благородные — самые замечательные из птиц. Они не любили гоблинов и не боялись их. Когда орлы удостаивали гоблинов своим вниманием (что бывало редко, ибо орлы их не едят), то налетали на гоблинов сверху и гнали к пещерам, не давая им вершить разбой. Гоблины ненавидели и боялись орлов, но не могли добраться до их гнёзд на вершинах скал и прогнать с гор.

Этой ночью Повелителем орлов овладело любопытство, он захотел узнать, что творится в лесу. По его приказу множество орлов покинули вершины и, медленно кружа над лесом, стали постепенно снижаться туда, где кольцом сидели волки и ждали гоблинов.

Они хорошо сделали, что спустились! Там, внизу, творилось что-то страшное и невообразимое. Загоревшиеся волки, убежав в лес, подожгли его в нескольких местах. Стояло лето, на восточных

склонах давно не выпадало дождей. Пожелтелый папоротник, хворост, густой ковёр из сосновых иголок, кое-где сухие деревья охватило пламенем. Вокруг прогалины бушевал огонь. Но караульные волки не оставили деревьев, на которых прятались гномы. Они бесновались и с воем прыгали на стволы, ругали гномов на своём ужасном наречии, языки их вываливались из пасти, глаза горели свирепым красным огнём.

Внезапно на поляну с криками выскочили гоблины. Они думали, что там идёт бой с лесорубами. Но узнав, в чём дело, одни сели на землю от хохота, другие замахали копьями и застучали древками о щиты. Гоблинам огонь не страшен.

Скоро они придумали план, показавшийся им самим замечательно остроумным. Они собрали волков в стаю и накидали вокруг стволов папоротника и валежника. Они до тех пор бегали вокруг, топая и хлопая, хлопая и топая, пока не потушили пожар, но гасить огонь возле деревьев, где сидели гномы, не стали. Наоборот, они подбросили туда ещё листьев, сучьев и папоротника. Вокруг гномов образовалось кольцо дыма и пламени. Распространиться наружу гоблины ему не давали, зато оно стягивалось всё теснее, и вскоре ползучее пламя перекинулось на ку-

чи валежника и листьев, нагроможденных под деревьями гномов. Дым ел Бильбо глаза, он уже ощущал жар костра, сквозь дымовую завесу он видел, как гоблины пляшут вокруг их деревьев. Позади кольца воинов, танцующих с копьями и топорами, стояли на почтительном расстоянии волки, наблюдали и выжидали.

И тут гоблины затянули страшную песню:

Пятнадцать птиц на ветвях качались,
Под ветром перья у них трепыхались.
Но крыльев — увы! — не досталось пташкам.
Как же снова вспорхнуть бедняжкам?
Покончим с ними каким путём?
Зажарим? Сварим? Съедим сырьём?

Потом они перестали плясать и закричали:

— Летите, птички! Летите, коли можете! Слезайте оттуда, птички, а то зажаритесь прямо в гнёздышках! Пойте, птички, пойте! Чего молчите?

— Убирайтесь прочь, негодники! — прокричал в ответ Гэндальф. — Ещё не время для гнёзд. Кто озорничает с огнём, тех наказывают!

Гэндальф хотел их подразнить и показать, что

не боится. Но на самом деле он боялся, а ведь он был волшебник! Как будто не слыша его, гоблины продолжали петь:

Жги лес! Огонь до небес!
Пламя, играй! Факел, пылай!
Ночь, посветлей! Нам веселей,
Э-гей!

Жарь их, пеки! Добавь-ка муки!
Ну-ка, ну-ка — перца и лука!
Петрушки и соли — жалко нам, что ли?
Ночь, посветлей! Нам веселей!
Э-гей!
Э-ге-ге-гей!
Э-гей!

При возгласе «э-гей!» пламя лизнуло ствол дерева под Гэндальфом, потом перескочило на соседние деревья. Кора загорелась, нижние ветки затрещали.

Тогда Гэндальф забрался на самую верхушку. Из его посоха вырвалось невиданное ослепительное сверкание. Волшебник приготовился спрыгнуть с высоты прямо на копья гоблинов. Тут бы ему

и конец, но зато он, наверное, убил бы немало врагов, свалившись им на головы. Но он не успел прыгнуть.

В этот миг с неба на него упал Повелитель орлов, схватил в когти — и взмыл ввысь.

Вопль гнева и изумления вырвался у гоблинов. Гэндальф что-то сказал Повелителю орлов, тот громко крикнул, и тотчас сопровождавшие его чёрные птицы ринулись вниз, как огромные чёрные тени. Волки завыли и заскрежетали зубами. Гоблины завопили и затопали от ярости, напрасно бросая в воздух свои тяжёлые копья. Орлы кидались на них, сильными взмахами чёрных крыльев сбивали гоблинов с ног или гнали прочь, в лес. Орлиные когти царапали их. Другие орлы схватили гномов, которые вскарабкались теперь на самые верхушки и покачивались там, замирая от страха.

Бедняжку Бильбо чуть опять не бросили одного! Он еле успел уцепиться за ноги Дори, когда того последним подхватил орёл. Они взвились вверх над суматохой и пожаром, Бильбо болтался в воздухе, руки у него буквально вырывались из плеч.

Гоблины и волки разбежались теперь по всему лесу. Несколько орлов ещё кружили над полем

битвы. Внезапно пламя охватило деревья до самых вершин, они с треском запылали. Вся поляна обратилась в шквал искр и дыма. Бильбо вовремя оказался в воздухе, ещё минута — и он бы погиб.



Вскоре зарево пожара осталось далеко внизу — красное мерцание на чёрном фоне. Орлы подымались всё выше широкими плавными кругами. Никогда Бильбо не забыть этого полёта. Он крепко вцепился в щиколотки Дори и стонал: «Руки, мои руки!», а Дори кричал: «Ноги, мои ноги!»

У Бильбо всегда кружилась от высоты голова. Ему делалось дурно, если он заглядывал вниз с края небольшого обрыва; он недолюбливал приставные лестницы, не говоря уже о деревьях (до сих пор ему не приходилось спасаться от волков). Можете вообразить, как кружилась у него голова теперь, когда он взглядывал вниз и видел под собой тёмную землю да кое-где поблескиванье лунного света на горной породе или на поверхности ручья, пересекавшего равнину.

Вершины гор всё приближались — каменные острия, торчащие вверх из черноты. Может, там внизу и стояло лето, но тут было очень холодно. Бильбо закрыл глаза и прикинул — долго ли ещё продержится. Он представил себе, что произойдёт, если он отпустит руки. Его замутило.

Как раз когда силы покидали его, полёт закончился. Бильбо разжал пальцы и со стоном упал на твёрдую площадку. Он лежал и радовался, что не сгорел в пожаре, и боялся свалиться с узкого

выступа в чёрный провал. В голове у него всё путалось после ужасных событий последних трёх дней, а также от голода. Неожиданно он услышал собственный голос:

— Теперь я знаю, каково куску бекона, когда вилка снимет его со сковородки и положит назад на полку.

— Нет, не знаешь! — возразил ему голос Дори. — Сало всё равно рано или поздно опять попадёт на сковородку, и ему это известно. А мы, смею надеяться, не попадём. И потом, орлы не вилки!

— И скалы не опилки! Ой! — произнёс Бильбо, садясь, и с беспокойством посмотрел на орла, который примостился неподалёку. Интересно, какую ещё он болтал чепуху и не обиделся ли орёл. Не следует обижать орлов, если ты всего лишь маленький хоббит и лежишь ночью в горном орлином гнезде.

Но орёл точил клюв о камень, отряхивал перья и не обратил на его слова никакого внимания. Вскоре подлетел другой орёл.

— Повелитель приказал тебе принести пленников на Большой Уступ! — прокричал он и улетел.

Первый орёл взял Дори в когти и исчез в ночном мраке, оставив Бильбо одного. Бильбо начал было размышлять, что означает слово «пленни-

ки» и скоро ли он попадёт вместо кролика орлам на ужин, но тут орёл вернулся за ним, схватил за куртку на спине и взмыл вверх. На этот раз лететь пришлось недалеко. Бильбо очутился на широком уступе. Он лежал, замерев от страха. Сюда не вела ни одна тропа, сюда можно было только прилететь, а отсюда — улететь или спрыгнуть в пропасть. Остальные путешественники уже сидели там, прислонившись спиной к скале.

Повелитель орлов тоже был там и беседовал с Гэндальфом. Выходило, что Бильбо никто не собирался есть. Волшебник и главный орёл, судя по всему, были знакомы и даже в дружеских отношениях. Дело в том, что Гэндальф, частенько бывавший по роду своих занятий в горах, однажды оказал услугу орлам, вылечив их повелителя от раны, нанесённой стрелой. Так что «пленники» означало лишь «пленники гоблинов» и ничего более. Прислушиваясь к их беседе, Бильбо понял, что теперь-то они окончательно покинут ужасные горы. Гэндальф просил Великого орла, чтобы орлы перенесли его самого, гномов и Бильбо как можно дальше, это сократило бы им путь через равнину. Однако Повелитель орлов не соглашался относить их туда, где поблизости живут люди.

— Они станут стрелять в нас из больших тисовых луков, — пояснил он, — подумают, что мы прилетели за их овцами. И у них есть для этого основания. Нет! Мы рады были вырвать у гоблинов из рук игрушку и рады отблагодарить лично вас, но рисковать жизнью ради гномов не согласны.

— Хорошо, — сказал Гэндальф, — тогда отнесите нас просто как можно дальше к югу, по вашему усмотрению. Мы вам и так многим обязаны. А сейчас мы умираем с голода.

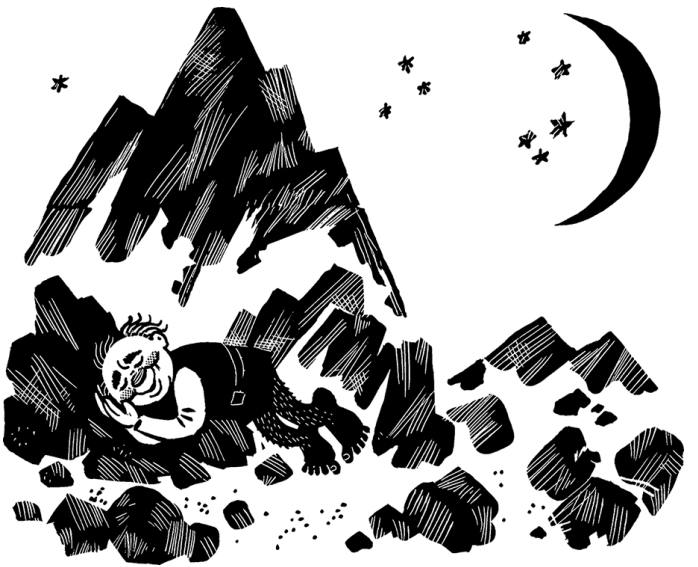
— Я уже умер, — пропищал Бильбо слабым голосом, но его никто не услышал.

— Этому горю помочь нетрудно, — сказал Повелитель орлов.

Немного погодя вы могли бы увидеть яркий весёлый огонь костра на уступе скалы и тёмные фигурки около него — это гномы готовили ужин. От костра шёл дивный аромат жаркого. Орлы принесли на скалу хворосту, кролика, зайцев и барашка. Гномы ловко справились со всеми приготовлениями. Бильбо так ослаб, что не мог помогать, да и в любом случае толку от него было бы мало: он не умел свежевать кроликов и разделывать мясо, так как мясник всегда доставлял ему мясо разделанным — только жарь. Гэндальф тоже прилёг отдохнуть.

Так закончились приключения в Туманных Горах.

Вскоре желудок Бильбо приятно отяжелел, хотя в душе он и предпочёл бы хлеб с маслом, а не куски мяса, зажаренного на палочках. Он почувствовал, что готов заснуть. Свернувшись на жёстких камнях, он уснул и спал крепче, чем когда-либо на перине у себя дома.



7. Небывалое пристанище



На другое утро хоббита разбудило взошедшее солнце. Он встал с намерением посмотреть на часы и поставить на огонь чайник… но тут же обнаружил, что он вовсе не дома. Он сел и стал с тоской думать о том, как приятно было бы сейчас умыться и почистить зубы…

Ни умыться, ни почистить зубы, ни получить на завтрак чаю, жареного хлеба и копчёной свинины ему не удалось. Пришлось довольствоваться холодной бараниной и кроликом, после

чего они начали собираться в путь.

Теперь ему позволили взобраться орлу на спину и держаться за перья. Гномы прокричали прощальные слова, обещая когда-нибудь отблагодарить Повелителя орлов, — и пятнадцать громадных птиц взмыли в небо. Солнце всё ещё стояло низко, воздух был свежий, туман лежал в долинах и вился вокруг вершин. Бильбо приоткрыл глаза и увидел, что земля далеко внизу, а горы остались позади и всё уменьшаются в размерах. Бильбо опять зажмурился и ещё крепче вцепился в перья.

— Не щиплись! — сказал недовольно орёл. — Что ты трусишь, как кролик? Хотя ты и впрямь смахиваешь на кролика. Прекрасное утро, приятный ветерок. Что может быть лучше полёта?

Бильбо хотел ответить: «Тёплая ванна и поздний завтрак на лужайке перед домом», но не посмел и только самую чуточку отпустил пальцы.

Через какое-то время орлы, должно быть, завидели ту цель, к которой направлялись, и начали опускаться. Они опускались большими кругами по спирали, довольно долго, так что хоббит не вытерпел и опять открыл глаза. Земля теперь была гораздо ближе, внизу виднелись деревья —

кажется, дубы и вязы, — обширные луга и речка. И прямо на пути у реки, которой из-за этого приходилось делать петлю, из земли торчал вверх каменный холм, скала, словно передовой пост далёких гор или гигантский обломок, заброшенный сюда на равнину каким-то невообразимым великаном.

Сюда-то, на верхушку скалы, сели один за другим орлы и опустили своих пассажиров.

— Счастливый путь! — закричали они. — Куда бы он ни лежал! И пусть примет вас в конце родное гнездо!

У орлов принято так говорить, когда они хотят быть любезными.

— Да несёт вас попутный ветер туда, где плывёт солнце и шествует луна, — ответил Гэндальф. Он знал, как полагается вежливо ответить.

Верхушка скалы представляла собой площадку, от неё вниз, к реке, вели ступеньки и вытоптанная тропа. Реку в этом месте можно было перейти вброд по большим плоским камням. Компания задержалась здесь, чтобы обсудить свои планы.

— Я с самого начала намеревался по возможности благополучно переправить вас через горы, — начал волшебник. — Благодаря моему умелому руководству и, что не столь важно, удач-

ному стечению обстоятельств, с этой задачей я справился. В конце концов, это не моё приключение. Я, может быть, приму в нём ещё разок участие, но сейчас меня ждут другие неотложные дела.

Гномы застонали от огорчения. Бильбо не мог сдержать слёз. Они-то уж разлакомились, решив, что Гэндальф останется с ними до самого конца и будет всегда вызволять их из затруднений.

— Я же не собираюсь исчезать сию минуту, — сказал Гэндальф. — Подожду ещё денёк-другой. Возможно, я помогу вам выпутаться из теперешнего положения, да мне и самому нужна кое-какая помощь. У нас нет еды, нет вещей, нет лошадей, и вам неизвестно, где вы находитесь. Это я сейчас объясню. Вы сейчас на несколько миль севернее той тропы, которой должны были следовать, если бы не сбились второпях с горной дороги. В здешних местах людей мало, но недалеко отсюда живёт Некто. Он и выбил ступеньки в скале, которую, если не ошибаюсь, называет Каррок. Сюда он заходит редко и уж во всяком случае не днём, дожидаться его здесь бесполезно. И даже опасно. Мы должны сами его разыскать. Если при встрече всё обойдётся мирно, я с вами распрощусь и пожелаю, как орлы, счастливого

пути, куда бы он ни лежал.

Гномы умоляли не бросать их, сулили драконово золото, серебро и драгоценности, но он оставался неумолим.

— Там увидим, — отвечал волшебник на все уговоры. — Хочу думать, что я и так уже заслужил часть вашего золота. То есть вашим оно будет, когда вы его сумеете добыть.

Наконец они отстали от него. Выкупались в речке, которая у брода была мелкой, чистой, с каменистым дном, и, обсушившись на солнышке, почувствовали себя освежёнными, хотя ушибы и царапины ещё болели, и, конечно, они проголодались. Перейдя вброд на тот берег (хоббит ехал у кого-то на спине), путешественники зашагали по высокой зелёной траве вдоль раскидистых дубов и высоких вязов.

— А почему скала называется Каррок? — спросил Бильбо, шедший теперь рядом с волшебником.

— Он называет её Каррок, потому что так ему хочется.

— Кто называет?

— Некто, о ком я говорил. Очень важная персона. Прошу, будьте с ним вежливы. Пожалуй, я буду представлять вас постепенно, по двое. И

не вздумайте его раздражить, а то бог знает, что может получиться. Предупреждаю — он очень вспыльчив и прямо-таки ужасен, когда рассердится, но в хорошем настроении вполне мил.

Гномы, услыхав, о чём волшебник толкует с Бильбо, столпились вокруг них.

— И к такой личности вы нас ведёте? Разве вы не могли подыскать кого-нибудь подобрее? И нельзя ли объяснить попонятней? — забросали они его вопросами.

— Именно к такой! Нет, не мог! Я и так объяснил достаточно понятно, — сердито ответил волшебник. — Если непременно желаете знать, его имя Беорн. Он меняет шкуры.

— Как! Меховщик? Который делает из кролика котика, когда не удаётся превратить его в белку? — спросил Бильбо.

— Боже милостивый, ну конечно, естественно, само собой разумеется — нет! — вскричал Гэндальф. — Сделайте одолжение, мистер Бэггинс, не говорите глупостей. И потом, заклинаю тебя всеми чудесами света, Бильбо, не упоминай ты больше слова «меховщик», пока находишься в радиусе ста миль от его дома! Чтобы никаких таких слов, как «меховая накидка, муфта, меховой капюшон, меховое одеяло» и тому подобное! Да,

он меняет шкуры, но свои собственные! Он является то в облике громадного чёрного медведя, то в облике громадного могучего черноволосого человека с большими ручищами и большой бородой. Одни говорят, будто он — медведь из старинного и знаменитого рода чёрных медведей, живших в горах, пока не пришли великаны. Другие говорят, будто он потомок людей, живших в горах до тех пор, пока там не завёлся Смог и другие драконы и пока с севера не пожаловали гоблины. Не знаю, конечно, но мне кажется, что правильнее второе предположение. Во всяком случае, на нём нет ничьих чар, кроме своих собственных. Живёт он в дубовой роще в просторном деревянном доме, держит скот и лошадей, которые не менее чудесны, чем он. Они на него работают и разговаривают с ним. Он их не ест и на диких животных тоже не охотится. Он держит ульи, бесчисленные ульи с большими злыми пчёлами, и питается главным образом сливками и мёдом. В обличье медведя он скитается далеко от дома. Однажды я застал его сидящим в одиночестве на вершине Каррока ночью; он смотрел, как луна садится на Туманные Горы, и бормотал на медвежьем языке: «Придёт день, все они сгинут, и тогда я вернусь назад». Потому-то я и думаю, что некогда

он пришёл с гор.

Бильбо и гномам нашлось теперь над чем поразмыслить, так что они замолчали и перестали приставать с расспросами к Гэндальфу. Они брели и брели, то вверх, то под уклон. Припекало. Бильбо до того проголодался, что охотно поел бы желудей, если бы они уже созрели и падали на землю.

Наконец во второй половине дня они заметили, что цветы стали расти так, как будто их нарочно посеяли. Каждый сорт отдельно. Особенно много было клевера: целые моря красного клевера, короткого белого, сладко пахнущего мёдом, розового. В воздухе стояло сплошное жужжание и гудение. Повсюду трудились пчёлы. И какие! Крупнее шершней. Бильбо в жизни ничего похожего не видел.

«Такая ужалит, — подумал он, — так я вдвое распухну!»

— Уже близко, — сказал Гэндальф. — Начались пчелиные угодья.

Вскоре показалась гряда могучих древних дубов, а за ними — высокая живая колючая изгородь, через которую не пролезть и не увидеть, что за ней.

— Вам лучше обождать здесь, — сказал вол-

шебник. — Когда позову или свистну, следуйте за мной. Но только помните — парами, с промежутком в пять минут. Бомбур у нас самый толстый, он сойдёт за двоих и будет последним. Пойдёмте, мистер Бэггинс! Где-то тут должны быть ворота.

С этими словами волшебник двинулся вдоль изгороди, забрав с собой оробевшего Бильбо.

Вскоре они увидели высокие и широкие ворота, а за ними — сад и низкие деревянные постройки: несколько бревенчатых с соломенными крышами амбаров, конюшен и сараев и длинный низкий жилой дом. С южной, внутренней, стороны высокой изгороди рядами стояли бесчисленные островерхие ульи, крытые соломой. В воздухе слышался несмолкаемый гул гигантских пчёл, которые беспрестанно влетали в ульи и вылетали оттуда, вползали и выползали.

Волшебник и хоббит толкнули тяжёлые скрипучие ворота и пошли по широкой дорожке к дому. Прямо по траве к ним подбежали рысцой холёные гладкие лошадки с очень умными мордами, внимательно посмотрели на вошедших и ускакали к строениям.

— Они доложат ему о приходе чужих, — промолвил Гэндальф.

Наконец путь им преградил дом, который вме-

сте с двумя пристройками образовывал двор. Посредине двора лежал ствол большого дуба, подле валялись отрубленные сучья. Тут же стоял громадный человек с густой чёрной бородой и чёрными волосами, с могучими голыми руками и ногами. На нём была шерстяная туника до колен, он опирался на громадный топор. Лошадки стояли рядом, уткнув морды ему в плечо.

— Ух! Вот они! — сказал человек лошадям. — На вид не страшные, ступайте! — Он громко захохотал. — Кто вы такие и что вам надо? — спросил он нелюбезно. Он возвышался над Гэндальфом, как скала. Что же касается Бильбо, то он свободно прошёл бы у человека под ногами, даже не задев головой края серой туники.

— Я — Гэндальф! — заявил волшебник.

— Первый раз слышу! — пробурчал человек. — А это что за фитюлька? — спросил он, насупив чёрные мохнатые брови и наклоняясь, чтобы разглядеть хоббита.

— Это мистер Бэггинс, хоббит безупречной репутации, из очень хорошей семьи, — ответил Гэндальф.

Бильбо поклонился. Шляпы он снять не мог, ибо не имел её.

— Я волшебник, — продолжал Гэндальф. — Ра-

зумеется, я о вас слышал. Вы не знаете меня, но, может быть, знаете моего кузена Радагаста? Он живёт близ южной границы Чёрного Леса.

— Как же, славный малый, хоть и волшебник. Одно время я с ним часто виделся. Ладно, теперь я знаю, кто вы или за кого себя выдаёте. Что вам надо?

— Сказать по правде, мы потеряли наши пожитки, заблудились и очень нуждаемся в помощи или хотя бы в добром совете. Дело в том, что в горах нам досталось от гоблинов.

— Го-облинов? — переспросил человек уже менее нелюбезным тоном. — Ого, значит, вы им попались в лапы? А зачем, спрашивается, вы к ним полезли?

— Это получилось нечаянно. Они застигли нас врасплох во время ночлега в горах. Мы совершали переход из западного края в здешний. Но это долгая история.



— Тогда проходите в дом и расскажите хоть часть, коли на это не уйдёт целый день, — сказал человек, открывая дверь внутрь.

Следуя за ним, Гэндальф и Бильбо очутились в просторном холле, где посредине был сложен очаг. Несмотря на летнюю пору, пылали поленья, и дым поднимался кверху к почерневшим балкам, ища выхода в крыше. Они миновали этот темноватый зал, освещённый лишь огнём очага да светом, падавшим через потолочную дыру, и вышли через небольшую дверку на веранду, стоящую на деревянных сваях. Обращённая на юг, она ещё хранила дневное тепло, солнце пронизывало её косыми лучами и золотым дождём падало в сад, заросший цветами до самых ступенек веранды.

Они сели на деревянные скамьи; Гэндальф приступил к рассказу, а Бильбо раскачивал коротенькими ножками, не достававшими до полу, посматривал на цветы в саду и гадал, как они называются, — половины из них он никогда раньше не видал.

— Я шёл в горах с одним-двумя друзьями… — начал волшебник.

— Одним-двумя? Я вижу только одного, да и того еле могу разглядеть, — прервал его Беорн.

— По правде говоря, мне не хотелось вам мешать, я боялся, что вы заняты. Если позволите, я подам сигнал.

— Подавайте, так и быть.

Гэндальф пронзительно свистнул, и тут же Торин и Дори показались из-за угла дома на садовой дорожке, а через минуту стояли перед ними и низко кланялись.

— Вы хотели сказать — с одним-тремя! — заметил Беорн. — Это уже не хоббиты, а гномы!

— Торин Оукеншильд, к вашим услугам! Дори, к вашим услугам! — проговорили оба гнома, снова кланяясь.

— Спасибо, я в ваших услугах не нуждаюсь, — ответил Беорн. — Зато вы, видно, нуждаетесь в моих. Я не очень-то долюбливаю гномов. Но коли вы и вправду Торин, сын Трейна, внук Трора, а ваш спутник вполне порядочный гном, и вы враги гоблинов и не замышляете никаких каверз в моих владениях… кстати, как вы здесь очутились?

— Они шли в земли своих отцов, что лежат к востоку за Чёрным Лесом, — вставил Гэндальф. — Мы по чистой случайности оказались в ваших владениях. Мы переходили Верхний Перевал и думали попасть на дорогу, проходящую южнее

ваших земель. И тут на нас напали злые гоблины. Об этом я и собирался вам рассказать.

— Ну, так и рассказывайте, — нетерпеливо сказал Беорн, не отличавшийся вежливостью.

— Разразилась страшная гроза. Каменные великаны перебрасывались обломками скал, поэтому мы укрылись в пещере — я, хоббит и ещё несколько гномов…

— По-вашему, два — это несколько?

— Нет, конечно. Но нас было больше…

— Куда же они подевались? Убиты, съедены, вернулись домой?

— Н-нет. Они, очевидно, постеснялись явиться все сразу, когда я свистнул. Видите ли, мы просто боимся быть вам в тягость.

— Давайте свистите! Раз уж всё равно навязались в гости, так одним-двумя больше — погоды не делает, — проворчал Беорн.

Гэндальф опять свистнул — и в то же мгновение перед ними предстали Нори и Ори.

— Вот это да! — сказал Беорн. — Быстро, ничего не скажешь. Где вы прятались, у Гэндальфа в табакерке? Пожалуйте сюда.

— Нори, к вашим услугам, Ори, к ва… — начали они, но Беорн их прервал:

— Благодарствую. Когда ваши услуги пона-

добятся, я их сам попрошу. Садитесь и давайте продолжать, а то не успеем дослушать историю до ужина.

— Как только мы заснули, — продолжал Гэндальф, — щель в задней стене пещеры раздвинулась, оттуда выскочили гоблины и схватили хоббита, гномов и вереницу наших пони…

— Вереницу? Да вы что — бродячий цирк? Или везли с собой горы поклажи? Или для вас шестеро значит вереница?

— Нет, нет! По правде говоря, с нами было больше шести пони, так как нас тоже было больше… ага, вот ещё двое.

В эту минуту появились Балин и Двалин и поклонились так низко, что вымели бородами каменный пол. Громадный человек нахмурился, но гномы до того старались быть вежливыми, так кивали, кланялись, перегибались в пояснице и махали перед его коленями своими капюшонами с истинно гномовской вежливостью, что Беорн перестал хмуриться и отрывисто расхохотался. Уж очень они были смешные!

— И в самом деле, цирк, — сказал он. — Входите, господа весельчаки, входите. Как ваши имена? Услуги мне сейчас не нужны, только имена. Садитесь и перестаньте так суетиться.

— Балин и Двалин, — ответили гномы, не смея обидеться, и, опешив, сели прямо на пол.

— Дальше! — приказал Беорн волшебнику.

— На чём я остановился? Ах, да. Меня не схватили. Я убил парочку гоблинов вспышкой из посоха…

— Славно! — вставил Беорн. — Значит, иногда и волшебник может на что-то пригодиться.

— …и проскользнул в трещину, когда она закрывалась. Я последовал за ними в главный зал, где толпились гоблины — Верховный Гоблин с тридцатью или сорока вооружёнными стражниками. Я подумал: «Если бы даже гномы не были скованы вместе — что может поделать дюжина против такой уймы?»

— Дюжина? В первый раз слышу, чтобы восемь называлось дюжиной. Или у вас в табакерке есть ещё кто-то в запасе?

— Да, вот ещё одна пара, Фили и Кили, — проговорил Гэндальф, когда перед ними возникли эти двое и принялись улыбаться и кланяться.

— Хватит, хватит, — оборвал их Беорн. — Сядьте и молчите! Продолжайте, Гэндальф!

И Гэндальф продолжал, пока не дошёл до схватки во мраке у нижних ворот и до того ужасного момента, когда обнаружилось, что потерялся

мистер Бэггинс. «Мы пересчитали друг друга, и выяснилось, что хоббита нет. Нас осталось всего четырнадцать».

— Четырнадцать?! Значит, от десяти отнять один будет четырнадцать? Это что-то новенькое! Вы хотите сказать «девять», или же мне представили не всех членов отряда.

— Да, разумеется, вы ещё не видели Ойна и Глойна. А-а-а, вот и они. Вы извините их за лишнее беспокойство?

— Ладно. Пускай идут! Скорей входите и садитесь! Послушайте, Гэндальф, всё равно получается так: вы, десять гномов и хоббит, который потерялся. Итого двенадцать, а не четырнадцать. Может, волшебники считают не так, как люди? Но сейчас-то уж, пожалуйста, продолжайте.

Беорн старался не показать виду, как его заинтересовала эта история. Встарь он знавал именно ту часть гор, о которой шла речь. Он кивал головой и одобрительно ворчал, слушая про то, как нашёлся хоббит, как они катились по каменной круче, и про волчью стаю в лесу.

Когда Гэндальф дошёл до того места, как они залезли на деревья, а волки расселись под ними, Беорн встал и зашагал взад и вперёд, бормоча:

— Меня бы туда! Они бы у меня не отделались

фейерверком!

— Ну, что ж, — сказал Гэндальф, очень довольный тем, что рассказ производит впечатление, — я сделал всё, что мог. И вот мы сидим на деревьях, волки беснуются внизу — и тут с гор являются гоблины и видят нас. Они завопили от восторга и запели издевательские песни: «Пятнадцать птиц…»

— Боже милостивый! — простонал Беорн. — Не уверяйте меня, будто гоблины не умеют считать. Умеют. Двенадцать не пятнадцать, и они это отлично знают.

— Я тоже. Там ещё были Бифур и Бофур. Просто я не осмелился представить их раньше. Вот они.

При этих словах появились Бифур и Бофур.

— И я! — выпалил Бомбур, с пыхтеньем догоняя предыдущую пару. Он был очень толстый и к тому же рассердился, что его оставили на конец, поэтому очень запыхался. Он отказался выжидать пять минут и прибежал сразу.

— Ну, вот, теперь вас действительно пятнадцать, а раз гоблины умеют считать, то, значит, столько и сидело на деревьях. Можете наконец закончить ваш рассказ без помех.

Только тут мистер Бэггинс понял, как умно поступил Гэндальф. Перерывы подогревали

любопытство Беорна, а постепенный рассказ Гэндальфа помешал Беорну прогнать гномов сразу, как подозрительных попрошаек. Беорн избегал приглашать к себе в дом гостей. Друзей у него было мало, жили они довольно далеко от него, и он никогда не принимал больше двух друзей за один раз. А тут на его веранде собралось целых пятнадцать незнакомцев!

К тому времени, когда волшебник закончил рассказ о том, как их спасли орлы и перенесли на скалу Каррок, солнце село за Туманные Горы и в саду пролегли длинные тени.

— Отличный рассказ! — сказал Беорн. — Давненько такого не слыхал. Может, вы всё и сочиняете, но рассказ заслуживает ужина. Хотите есть?

— Да, очень! — ответили гости хором. — Большое спасибо!

В холле теперь совсем стемнело. Беорн хлопнул в ладоши, и вбежали четыре красивейших белых пони и несколько рослых серых собак. Беорн что-то сказал на непонятном языке, состоявшем из звуков, которые издают звери. Послушные животные вышли и снова вернулись, неся в пасти по факелу. Они зажгли факелы от пламени очага и воткнули их в подсвечники, прикреплённые на столбах, окружавших очаг. Собаки, когда хотели,

стояли на задних лапах и держали в передних всё, что нужно. Они ловко достали доски и козлы, прислонённые к стене, и расставили перед очагом.

Потом послышалось «бя-бя-а-а» — и вбежало несколько белоснежных овец под предводительством большого угольно-чёрного барана. Одна овца держала во рту белую скатерть с вышитыми по углам фигурами животных, другие несли на своих широких спинах подносы с чашами и деревянными тарелками, ножами и деревянными ложками. Собаки быстро разложили всё это на столах. Столы были такие низкие, что даже Бильбо удобно было сидеть. Пони придвинул к торцу стола две скамеечки с широкими плетёными сиденьями на коротких толстых ножках — для Гэндальфа и Торина, а на дальнем конце поставил большой чёрный, тоже невысокий и тоже с плетёным сиденьем стул для Беорна. Беорн сел и вытянул свои толстые ноги далеко под стол. Вероятно, сиденья, как и столы, нарочно сделали низкими, чтобы чудесным животным, служившим Беорну, ловко было сидеть. Ну, а на что же уселись остальные? О них тоже позаботились. Пони прикатили круглые, как барабаны, колоды, гладко отёсанные и отполированные и удобные

даже для Бильбо. Скоро все разместились за столом во главе с Беорном. В холле, наверное, давно не бывало такого многочисленного сборища.

И тут начался ужин или обед (назовите, как хотите), какого они не видали с тех пор, как покинули Последний Домашний Приют. Вокруг трепетало пламя факелов и очага, а на столе горели две высокие красные восковые свечи. Пока гости насыщались, Беорн развлекал их, рассказывая своим густым раскатистым голосом истории про дикие земли и особенно про тёмный, полный опасностей лес, который простирался далеко на Север и на Юг и преграждал путь на Восток, — про ужасный Чёрный Лес.

Гномы слушали и качали головами, так как знали, что скоро им предстоит проникнуть в глубину Чёрного Леса и что после Туманных Гор лес этот — самое опасное из препятствий, подстерегающих их на пути к цитадели дракона. Поев, они тоже принялись рассказывать истории, но Беорн был сонный и слушал невнимательно. Гномы тараторили про золото, серебро и драгоценности, про кузнечное ремесло, а Беорна такие вещи мало интересовали: в холле не было ни одного золотого или серебряного предмета и, кроме ножей, ничего металлического.

Гномы долго ещё сидели за столом и пили мёд из деревянных чаш. Снаружи совсем стемнело. В огонь подбросили поленьев, факелы загасили, языки пламени плясали перед ними, а вокруг возвышались столбы, и верхушки их уходили вверх в темноту, как у деревьев в лесу. Может быть, тут было замешано волшебство, только Бильбо слышался шорох листвы в стропилах и уханье совы. Потом он начал клевать носом, голоса стали затихать, удаляться… и вдруг он вздрогнул и проснулся.

Проснулся оттого, что входная дверь заскрипела и хлопнула. Беорн исчез. Гномы сидели на полу перед очагом, скрестив ноги, и пели песню. Вот некоторые куплеты, но не все, их было гораздо больше, и пели гномы долго-долго:

Дул ветер, мрачный и сырой,
И вереск гнулся под горой.
Смешала тень и ночь и день
Угрюмой сумрачной порой.

Дул ветер с тёмных стылых гор,
Под ним стонал окрестный бор.
Скрипел. стонал, во тьме шуршал
Листвы тревожный разговор.

Дул ветер прямо на восток,
И лес промок, и лес продрог.
Кустарник стыл, и в небе плыл
Лохматых туч густой поток.

Дул ветер прямо к той горе,
Где прячется дракон в норе,
Где сизый дым плывёт над ним
И тает в лунном серебре.

Бильбо опять задремал. Внезапно поднялся Гэндальф.

— Пора спать, — сказал он, — пора нам, но не Беорну. Здесь в холле мы можем спать спокойно, ничего не боясь, но, предупреждаю, помните о том, что посоветовал нам Беорн на прощанье: ни в коем случае не выходите из дому до восхода солнца, а то вам придётся плохо.

Бильбо увидел, что у боковой стены, между ней и столбами, им уже постелили на низком помосте. Для Бильбо приготовили соломенный тюфячок и шерстяные одеяльца. Он свернулся калачиком и с удовольствием закутался в одеяла, несмотря на летнюю пору. Огонь затухал. Бильбо заснул. Среди ночи он проснулся: в очаге тлели угли, гномы и Гэндальф дышали ровно и, види-

мо, крепко спали. Луна теперь стояла высоко и заглядывала в дыру в потолке, на полу лежало пятно лунного света. Снаружи слышалось ворчание и какой-то шум, будто за дверями ворочался большой зверь. Бильбо подумал: не Беорн ли там в медвежьем обличье и не съест ли он их? Потом он закутался в одеяло с головой и, несмотря на свои страхи, снова уснул.

Когда он проснулся окончательно, было уже позднее утро. Кто-то из гномов споткнулся о Бильбо и брякнулся на пол. То был Бофур. Когда Бильбо открыл глаза, он ворчал и сердился.

— Вставай, лежебока, а то завтрака не достанется.

Бильбо вскочил как встрёпанный.

— Завтрак? — закричал он. — Где?

— Большая часть у нас в желудках, — отозвались гномы, бродившие по холлу, — а то, что осталось, — на веранде. Мы с восхода ищем Беорна и не можем найти. Зато нашли на веранде накрытый к завтраку стол.

— А где Гэндальф? — спросил Бильбо, выскакивая на веранду.

— Где-то шатается, — ответили ему.

Волшебник не возвращался до вечера. Только на закате он вошёл в комнату, где ужинали хоб-

бит и гномы. Опять им подавали чудесные звери. Беорна не было ни слышно, ни видно с прошлого вечера, и гномы недоумевали.

— Где же наш хозяин? И где вы пропадали целый день? — закричали все при виде Гэндальфа.

— Отвечаю на вопросы по порядку, и то после ужина! У меня с утра ни кусочка во рту не было.

Наконец Гэндальф отодвинул тарелку и кувшин (он съел целых два хлеба, намазанных маслом, мёдом и сметаной, и выпил по крайней мере литр медового напитка) и достал трубку.

— Сперва отвечу на второй вопрос, — проговорил он. — Бог ты мой! Это помещение прямо создано для того, чтобы пускать кольца дыма!

Они ещё долго не могли ничего из него вытянуть, так как он увлёкся пусканием колец: колечки у него облетали вокруг столбов, меняли форму и окраску, наконец погнались друг за другом и вылетели в потолочную дыру.

— Я разбирался в медвежьих следах, — ответил наконец Гэндальф. — Сегодня ночью тут, видимо, гостила уйма медведей. Я сразу понял, что Беорн один не мог натоптать столько следов, и притом следов самой различной величины. Я бы сказал, что всю ночь до рассвета здесь плясали медведи мелкие и крупные, средние и великаны. Они

сошлись со всех сторон, кроме одной: никто не пришёл с запада, с гор. И туда ведут следы только одного медведя. Я дошёл по ним до скалы Каррок, там они спустились в реку, а на тот берег я уже не стал перебираться — река там чересчур глубокая и течение сильное. Следы на той стороне уходили прямо в сосновые леса на восточном склоне Туманных Гор, где у нас произошла такая миленькая встреча с варгами. Таким образом, я, кажется, ответил и на первый вопрос, — закончил Гэндальф.

Бильбо показалось, будто он понимает, к чему клонит волшебник.

— Как же быть, если он приведёт сюда варгов и гоблинов? — воскликнул он. — Нас всех перебьют! Вы же раньше говорили, что он с ними не дружит!

— Ну так что? И сейчас говорю. Не болтай глупостей. Иди-ка лучше спать, а то голова у тебя уже плохо варит.

Хоббит и впрямь чувствовал себя разбитым, и ему оставалось только лечь спать. Он уснул под пение гномов. Засыпая, он по-прежнему думал о Беорне; ему приснилось, что сотни чёрных медведей медленно и тяжело кружатся в пляске при лунном свете. Он проснулся среди ночи, когда

все спали, и услышал то же шарканье, сопенье и ворчанье за дверью, что и предыдущей ночью.

Наутро их разбудил сам Беорн.

— А, так вы ещё тут? — сказал он. Он приподнял хоббита за шиворот и засмеялся: — Я вижу, ты ещё не съеден варгами, гоблинами и злыми медведями! — И самым неуважительным образом ткнул мистера Бэггинса в живот: — Наш пончик опять отъелся на сдобе и мёде. Пойдём, добавим ещё!

И все пошли с ним завтракать. На этот раз Беорн был в прекрасном расположении духа и очень смешил их разными забавными историями. Им не пришлось долго гадать, где он пропадал и почему так любезен, — он скоро сам им рассказал. Он совершил поход за реку в горы и, надо заметить, обернулся замечательно быстро. Побывав на обгорелой волчьей поляне, он убедился, что по крайней мере часть рассказанного гномами — правда. Он поймал в лесу варга и гоблина и узнал от них, что патрули гоблинов вместе с варгами ещё разыскивают гномов. Их очень озлобила смерть Верховного Гоблина и обожжённый нос вожака волков, а также гибель многих главных варгов от пожара, устроенного волшебником. Они затевали набег на земли, лежащие вблизи Ту-

манных Гор, чтобы поймать гномов и отомстить людям и всем существам в округе, укрывающим, как они подозревали, гномов.

— Рассказ ваш был отменный, — заключил Беорн, — но теперь, когда я убедился в его правдивости, он мне ещё больше по душе. Я предлагаю вам любую помощь, какая в моих силах. Жили бы вы, как я, на краю Чёрного Леса, вы бы тоже никому не верили на слово. После такого случая я буду лучше относиться ко всем гномам. Надо же, убили Верховного Гоблина, самого Верховного Гоблина! — И он рассмеялся свирепым смехом.

— А что вы сделали с гоблином и варгом? — полюбопытствовал Бильбо.

— Идите посмотрите! — ответил Беорн, и они последовали за ним. На воротах торчала голова гоблина, а тут же за воротами на дереве была прибита шкура волка. Беорна страшно было иметь врагом. Но им-то он был теперь друг, и Гэндальф почёл за лучшее откровенно рассказать ему всю историю и цель их путешествия.

Вот какую помощь пообещал Беорн. Он предоставит каждому гному пони, а Гэндальфу лошадь, чтобы им добраться до леса. Он даст в дорогу провизии, которой при умелой экономии хватит на несколько недель. Провизия будет лёгкой и удоб-

ной для перевозки — орехи, мука, запечатанные кувшины с сушёными фруктами, глиняные горшочки с мёдом и особого приготовления кексы, которые очень долго сохраняют свои питательные свойства. Достаточно съесть кусочек такого кекса, и у тебя хватит сил надолго. Только Беорн знал секрет их приготовления: в них входил мёд, как почти во всю его пищу. Были эти кексы вкусны, хотя и вызывали жажду. Он предупредил, что воду везти с собой не надо, так как всю дорогу до леса будут попадаться ручьи и источники.

— Но путь через Чёрный Лес будет трудным, опасным и неизведанным, — сказал Беорн. — Ни воды, ни пищи там не добудешь. Орехи ещё не созрели, а кроме орехов, там не растёт ничего съедобного. Все живые существа в лесу — злобные, скверные и диковинные. Я дам вам мехи для воды, луки и стрелы. Но не думаю, чтобы в Чёрном Лесу нашлась какая-нибудь подходящая дичь и питьё. Тропу пересекает Чёрный Ручей с сильным течением. Не вздумайте в нём купаться или пить из него: я слыхал, что он заколдован и напускает сонливость, забывчивость. Не стоит стрелять в дичь, а то, погнавшись за добычей, в сумраке леса можно потерять тропинку, этого же делать ни под каким видом нельзя. Вот и все мои

советы. В лесу я уже ничем вам помочь не смогу, рассчитывайте на свою удачу, на собственную храбрость и на те припасы, которые я вам даю с собой. На границе леса прошу отослать домой всех пони и лошадь. Желаю успеха. Мой дом всегда открыт для вас, если вам случится возвращаться этой дорогой.

Они его, естественно, поблагодарили, отвесили множество поклонов, подметая пол капюшонами, произнесли неоднократно «к вашим услугам, о господин просторных деревянных чертогов!» Но на душе у них скребли кошки от его зловещих слов. До них наконец дошло, что путешествие их опаснее, чем они воображали, и даже если они преодолеют все трудности, в конце пути их ждёт дракон.

Всё утро они провели в сборах. В полдень они поели с Беорном в последний раз, сели на своих новых скакунов и, попрощавшись с хозяином, выехали за ворота. Покинув его владения, обнесённые высокой изгородью, они взяли к северу, а потом повернули на северо-запад. Следуя совету Беорна, они пренебрегли главной лесной дорогой, проходившей по южной границе его владений. Беорн предупредил их, что этой дорогой теперь часто пользуются гоблины, а сама дорога, как он

слыхал, на востоке сильно заросла и упирается в непроходимые болота. В нескольких же днях езды к северу от Каррока прячется тропинка, мало кому известная, которая ведёт через Чёрный Лес прямо к Одинокой Горе.

— Гоблины, — заключил Беорн, — не посмеют пересечь реку ближе, чем за сотню миль от Каррока и моего дома — ночью он недурно охраняется. Но на вашем месте я бы поспешил: если они устроят набег скоро, то успеют перейти реку к югу и прочешут весь этот край леса, чтобы отрезать вам путь. А варги, надо сказать, бегают быстрее, чем пони. Итак, отправляйтесь скорее!

Они скакали молча, выбирая почву помягче или покрытую травой; слева темнели горы, впереди придвигалась линия деревьев, окаймлявших реку. Солнце до самого вечера золотило луга.

Как-то трудно было всё время помнить о гоблинах и погоне, и, отъехав на несколько миль от дома Беорна, они снова принялись болтать, петь и перестали думать про тёмную лесную дорогу, поджидавшую их впереди. Вечером, когда стало смеркаться и на фоне заката засверкали вершины, путешественники остановились на ночлег и выставили караульных. Но спали неспокойно, и во сне им слышался вой волков и крики

гоблинов.

Утро предвещало погожий день. По земле стлался белый туман, воздух был прохладный, но вскоре на востоке встало красное солнце, туман рассеялся, и не успели ещё тени укоротиться, как путники снова отправились в путь. Они ехали уже два дня, но ничего и никого не видели, кроме травы и цветов, птиц и одиноких деревьев, да изредка благородных оленей, которые паслись или дремали в тени рощиц. На третий вечер они так торопились скорее достичь въезда в лес, что не останавливались до самой ночи и даже некоторое время ехали ночью при луне. В сумерках Бильбо то слева, то справа чудились неясные очертания большого медведя, кравшегося в том же направлении. Но когда он сказал об этом Гэндальфу, тот ответил только:

— Ш-ш! Не обращай внимания!

На следующий день они выехали до рассвета. Как только рассвело, они увидели чёрную мрачную стену леса, который словно выступал им навстречу или поджидал их. Дорога пошла вверх; хоббиту почудилось, будто их обступает тишина. Голоса птиц слышались всё реже. Не стало оленей, даже кролики пропали. В середине дня они достигли кромки Чёрного Леса и спешились, что-

бы отдохнуть под нависшими ветками первых деревьев. Стволы были толстые, узловатые, ветки искривлённые, листья длинные и тёмные. Плющ обвивал деревья и стлался по земле.

— Ну, вот и Чёрный Лес! — сказал Гэндальф. — Самый большой лес в северном краю. Как он на ваш взгляд? Теперь придётся отослать назад чудных пони.

Гномы недовольно заворчали, но Гэндальф посоветовал вести себя осмотрительнее.

— Беорн не так далеко, как вы думаете, и вообще надо обещания выполнять. Беорн — опасный враг. У мистера Бэггинса глаза получше ваших: он свидетель, что каждую ночь с наступлением темноты рядом появлялся большой медведь или сидел поодаль и наблюдал при свете луны за нашим лагерем. Он не только охранял вас и следил, туда ли вы едете, но и присматривал за своими пони. Беорн вам друг, но своих животных он любит, как родных детей. Вы даже не представляете, какое одолжение он вам сделал, разрешив ехать на своих пони так далеко и так быстро.

— А как насчёт лошади? — спросил Торин. — Вы, кажется, не упомянули, что вы её отсылаете.

— Я и не отсылаю.

— Как же ваше обещание?

— Это моё дело. Я не отсылаю лошадь оттого, что возвращаюсь на ней сам!

Так они услыхали, что Гэндальф собирается бросить их на опушке Чёрного Леса, и пришли в отчаяние. Но как его ни убеждали, решения он не переменил.

— Обо всём этом мы договорились на Карроке, — возразил он. — Спорить бессмысленно. Как я уже говорил, меня ждут неотложные дела на Юге. Я и так из-за вас опаздываю. Может быть, мы ещё встретимся до конца приключения, а может быть, и нет. Это зависит от того, насколько вы удачливы, отважны и сообразительны. Я посылаю с вами мистера Бэггинса, ведь я вам не раз говорил, что он не так прост, как вы думаете. Скоро вы в этом убедитесь. Так что не унывай, Бильбо, не хмурься! Не унывайте, Торин и К°! Экспедицию затеяли вы сами. Думайте всё время о сокровищах, которые вас ждут, и выбросьте из головы лес и дракона! По крайней мере — до завтрашнего утра!

Наутро он повторил то же самое. Пришлось им наполнить мехи водой из прозрачного родника, бившего у самого входа в лес, и расседлать пони. Поклажу они поделили между собой поровну, но Бильбо счёл свою долю невыносимо тяжёлой,

ему совсем не улыбалось тащить тюк на спине много миль.

— Не волнуйтесь, — утешил его Торин. — Тюк полегчает слишком скоро, ещё захотите, чтобы мешки стали тяжелее, когда провизия начнёт подходить к концу.

Наконец они простились со своими пони и повернули их головами к дому. Те весело затрусили обратно, явно радуясь тому, что оставляют позади мрак Чёрного Леса. Бильбо мог бы поклясться, что в ту минуту, как пони повернули к дому, от леса отделилась тёмная фигура, схожая с медвежьей, и пустилась за ними вслед.

— До свиданья! — сказал Гэндальф Торину. — Всем, всем до свиданья! Идите через лес прямо, не сходите с тропы, а то вряд ли найдёте её снова и вряд ли выйдете из Чёрного Леса. В таком случае ни мне, ни кому другому вас больше не видать.

— А нам обязательно идти через лес? — простонал хоббит.

— Да, обязательно! — отрезал волшебник. — Или вы идёте насквозь через лес, или откажитесь от сокровищ. Да я и не позволю вам теперь пойти на попятный, мистер Бэггинс. Мне стыдно за вас! Как вы можете даже думать так? Теперь вы отвечаете передо мной за всех гномов.

— Нет, нет! — начал оправдываться Бильбо. — Вы меня не так поняли. Я хотел сказать — нет ли дороги в обход?

— Есть, если тебе хочется топать лишние двести миль к Северу, а потом вдвое больше к Югу. Нет, уж лучше держитесь лесной тропы, не падайте духом, уповайте на будущее, и, если вам невероятно повезёт, вы, может быть, и выйдете в один прекрасный день из леса и увидите впереди Длинное Болото, а за ним — возвышающуюся на Востоке Одинокую Гору, где живёт старина Смог. Будем надеяться, что он вас не ждёт.

— Утешили, нечего сказать, — проворчал Торин. — До свиданья! Не хотите идти с нами, так лучше уж поезжайте. Хватит разговоров!

— Тогда до свиданья, и пусть свидание состоится! — произнёс Гэндальф и, повернув лошадь, поехал на Запад. Но он не мог утерпеть, чтобы не сказать самых последних напутственных слов. Он повернулся и приставил ладони ко рту.

— До свида-а-анья! Пожа-а-алуйста, осторо-о-ожней! Не сходи-и-ите с тропы-ы! — донеслось до них еле слышно.

Затем Гэндальф пустил лошадь галопом и скрылся из виду.

— До свиданья, до свиданья, скатертью доро-

га! — проворчали гномы, сердясь ещё больше оттого, что отъезд Гэндальфа их ужасно огорчил. Предстояла самая опасная часть путешествия. Каждый взвалил на плечи тяжёлый тюк и кожаный мешок с водой, потом они повернулись спиной к солнечному свету и вступили в Чёрный Лес.



8. Пауки и мухи



Они вошли в лес, словно в мрачный туннель, пройдя гуськом под аркой, которую образовывали два высоких дерева, склонившихся друг к другу, — такие старые и настолько задушенные плющом, что на ветках лишь кое-где виднелись побуревшие листочки. Вскоре дневной свет остался у входа в лес, далеко позади, словно яркая светящаяся дырочка. Узкая тропинка вилась между стволами. Тишина сделалась столь глубокой, что звук шагов гулко отдавался в лесу и казалось, деревья нагибаются и прислушиваются.

Когда глаза их привыкли к полумраку, они стали кое-что различать по сторонам в тёмно-зелёном сумраке. Иногда тоненькому солнечному лучику удавалось прорваться сквозь листву и спутанные ветки. Но это было редко, а потом и вовсе прекратилось.

В лесу прыгали чёрные белки. Зоркие и любопытные глаза Бильбо, освоившись в темноте, подмечали, как, вильнув пушистым хвостом, белки удирали с тропинки и прятались за стволы. В подлеске, в плотных слоях сухих листьев слышались шорох, возня, шныряние и ворчание. Но кто издавал все эти звуки, Бильбо не мог разглядеть. Что было самое противное — так это паутина: густая, необыкновенно толстая, она протягивалась от дерева к дереву, оплетала нижние ветки по обе стороны тропы. Тропу паутина не пересекала нигде, по волшебной ли причине или по какой другой — неизвестно.

Прошло немного времени, и они возненавидели лес так же горячо, как ненавидели гоблинские туннели; им казалось, что из него уже никогда не выбраться.

Под лесной полог не проникало ни единого дуновения чистого воздуха, там навсегда застыли духота, темнота и тишина. Даже гномов это угне-

тало, хотя они и привыкли работать в шахтах и подолгу жили под землёй. А уж хоббит — даром что жил в норке — любил проводить летние дни на воздухе и теперь совсем задыхался.

Хуже всего было ночью. Тьма становилась непроглядной, и это не преувеличение — они действительно ничего не видели. Нет, пожалуй, неправда, что ничего: они видели чьи-то глаза. Ночью в окружающей тьме начинали вспыхивать огоньки, на путников нацеливались пары глаз — жёлтые, красные, зелёные, — потом исчезали и возникали уже в другом месте. Порой огоньки сверкали откуда-то сверху, с веток, и это было очень страшно. Но больше всего Бильбо не нравились отвратительные, бледные, выпуклые глаза. «Как у насекомых, — думал он, — только что-то чересчур большие».

Ночью они не мёрзли, но всё же сначала пытались поддерживать сторожевой костёр. Вскоре, однако, пришлось от костров отказаться, так как стоило зажечь огонь — и из темноты на путешественников со всех сторон начинали пялиться сотни и сотни глаз, хотя сами обладатели глаз оставались невидимыми. Что ещё хуже — огонь привлекал тысячи серых и чёрных мотыльков, подчас величиной с ладонь; они вились и тре-

пыхались у самого лица. Мотыльки надоедали невыносимо, равно как и огромные чёрные, как вакса, летучие мыши. Пришлось по ночам дремать в сплошной, наводящей жуть тьме.

Всё это, как казалось хоббиту, продолжалось целую вечность. Он всегда хотел есть, потому что теперь приходилось экономить продукты. Дни следовали за днями, а лес ничуть не менялся, и путники встревожились. Запасы провизии иссякали. Гномы попробовали стрелять белок и потратили уйму стрел, но сбили лишь одну. Когда её зажарили, она оказалась несъедобной, и белок оставили в покое.

Их мучила жажда, так как запасы воды убывали, а им пока не попалось ни одного источника или ручейка. Так всё и шло, пока однажды дорогу им не преградил поток, неширокий, но быстрый, казавшийся тоже чёрным. Хорошо, что Беорн предостерёг их, а то они непременно напились бы воды и наполнили бы пустые мехи. А теперь они задумались, как перейти поток, не входя в воду. Когда-то тут, видно, пролегали деревянные мостки, но сейчас от них остались лишь обломанные столбики у самого берега.

Бильбо встал на колени и, вглядевшись в черноту, вдруг воскликнул:

— У того берега лодка! Что бы ей быть на нашей стороне!

— Как вы думаете, далеко она? — спросил Торин. Гномы уже убедились, что у Бильбо самые зоркие глаза.

— Совсем недалеко. Метрах в десяти, не больше.

— Всего десять метров! Я думал, тут по крайней мере двадцать пять! Что делать, я теперь не так хорошо вижу, как сто лет назад. Впрочем, десять или двадцать пять — какая разница? Нам всё равно не перепрыгнуть ручей, а плыть или идти вброд опасно.

— Умеет кто-нибудь забрасывать верёвку?

— Что толку? Даже если удалось бы зацепить лодку, она наверняка привязана.

— По-моему, нет, — сказал Бильбо, — но в такой темноте не разглядишь.

— Дори самый сильный, но Фили самый молодой, и глаза у него лучше видят, — сказал Торин. — Фили, подойди сюда, видишь ты лодку, о которой говорит мистер Бэггинс?

Фили долго всматривался и, наконец разглядев лодку, определил, как мог, расстояние. Ему принесли верёвку, самую длинную из взятых с собой, и привязали к её концу большой железный

крюк — из тех, которыми пристёгивали тюки к ремням, когда несли их на спине. Фили взял крюк в руку, покачал его на ладони и швырнул через поток.

Крюк плюхнулся в воду!

— Недолёт! — заметил Бильбо, следивший за процедурой. — Ещё полметра, и он бы зацепился за лодку. Попробуй ещё раз. Думаю, что, если ты и дотронешься до мокрой верёвки, чары тебе не повредят.

Фили вытянул верёвку и взялся за крюк, но проделал это с большой опаской. Вторично он зашвырнул верёвку дальше.

— Спокойно! — сказал Бильбо. — Ты закинул крюк за дальний борт. Тяни полегоньку.

Фили стал медленно тянуть, и вскоре Бильбо сказал:

— Осторожней! Крюк лежит на борту, надо, чтобы он не соскользнул.

Крюк зацепился за борт, верёвка натянулась, Фили тащил и тащил, но безрезультатно. Ему на помощь пришёл Кили, потом Ойн и Глойн. Они тянули изо всех сил и вдруг все разом хлопнулись навзничь. Но Бильбо был начеку, он перехватил у них верёвку и задержал палкой чёрную лодочку, которую быстро понесло течением.

— Помогите! — закричал Бильбо, и подоспевший на крик Балин схватил лодку за корму.

— Значит, всё-таки она была привязана, — сказал Балин, глядя на обрывок фалиня[7], прикреплённый к лодке. — Удачный рывок, друзья, и удачно, что наша верёвка оказалась крепче.

— Кто поплывёт первый? — спросил Бильбо.

— Я, — ответил Торин, — и со мной вы, Фили и Балин. Больше в лодке никто не поместится. Затем Кили, Ойн, Глойн и Дори, потом Ори, Нори, Бифур и Бофур. И последними — Двалин и Бомбур.

— Всегда я последний, мне надоело, — запротестовал Бомбур. — Пусть сегодня кто-нибудь другой будет последним.

— А зачем ты такой толстый? Вот и плыви, когда в лодке меньше груза. И не вздумай ворчать и оспаривать приказания, а то с тобой произойдёт что-нибудь скверное.

— Тут нет вёсел. Как же перебраться на другой берег? — поинтересовался хоббит.

— Дайте мне ещё одну верёвку и ещё крючок, — попросил Фили. Привязав крюк к верёвке, он закинул её в темноту как можно дальше и выше.

---

[7] Примечания: 7
Верёвка, которой шлюпка привязывается к судну или пристани.

Крюк не свалился вниз — следовательно, застрял в ветвях.

— Залезайте, — скомандовал Фили, — кто-нибудь будет тянуть за верёвку, которая в ветвях, а кто-нибудь из оставшихся пусть держит первую верёвку. Когда мы переправимся на тот берег, тяните лодку обратно.

Таким образом они все благополучно переправились через заколдованный поток. Только что Двалин вылез из лодки на берег с мотком верёвки в руках, а Бомбур (кстати, не перестававший ворчать) собирался последовать за ним, как вдруг действительно произошло нечто скверное. Впереди на тропке послышался бешеный стук копыт, из темноты возник силуэт мчащегося оленя. Олень врезался в отряд гномов, раскидал их в разные стороны и взвился в воздух. Он перемахнул через поток одним прыжком, но… ему не удалось достичь того берега невредимым. Торин, едва ступив первым на противоположный берег, натянул лук и вложил стрелу на тот случай, если поблизости притаился хозяин лодки. Торин был единственный, кто удержался на ногах и сохранил присутствие духа; теперь он уверенно и метко послал стрелу в оленя. Приземлившись, зверь пошатнулся, его поглотила тьма леса, по-

слышался звук спотыкающихся копыт, потом всё стихло.

Только все хотели воздать хвалу меткому стрелку, как послышался отчаянный возглас Бильбо:

— Бомбур в воде! Бомбур тонет!

Мечты об оленине вышибло у них из головы. Увы! То была правда. Когда олень вылетел из лесу и опрокинул Бомбура, толстяк стоял на суше только одной ногой. Падая, Бомбур нечаянно отпихнул лодку от берега, попытался ухватиться за скользкие корни, руки у него сорвались, он плюхнулся в воду, а лодку закрутило и унесло по течению.

Все кинулись к ручью и увидели над водой капюшон Бомбура. Они быстро кинули ему верёвку с крюком и вытянули его на сушу. Бомбур, естественно, промок насквозь, и это было ещё ничего, но вот беда: он спал, сжимая верёвку в руке, да так крепко, что руку не могли разжать. Он продолжал спать, несмотря на все попытки его разбудить.

Они всё ещё стояли над ним, проклиная его неуклюжесть и свою невезучесть и оплакивая утрату лодки, лишённые теперь всякой возможности подобрать убитого оленя, как вдруг в отдалении послышались звуки рога и лай собак.

Неожиданно впереди на тропе показалась белая лань, настолько же ослепительно белоснежная, насколько олень был чёрен. Прежде чем Торин успел предостерегающе крикнуть, гномы вскочили и выстрелили из луков. Ни одна стрела не попала в цель. Лань повернулась и исчезла среди деревьев так же бесшумно, как появилась, и гномы напрасно продолжали пускать стрелы ей вслед.

— Стойте! Перестаньте! — закричал Торин, но поздно: гномы в возбуждении расстреляли последние стрелы. И теперь подаренные Беорном луки стали бесполезны.

Уныние охватило всю компанию, и в последующие дни оно ещё усилилось. После заколдованного ручья тропа вилась точно так же, лес был всё тот же. Если бы они знали о лесе побольше, то догадались бы, что приближаются к восточной опушке леса и ещё немного терпения и отваги и они выйдут в более редкий лес, куда проникает солнце. Но они не догадывались. К тому же они попеременно несли тяжёлого Бомбура — четверо тащили его, а остальные несли их поклажу. Не полегчай тюки за последние дни, им бы нипочём не справиться. Но даже тяжёлые тюки лучше тяжёлого Бомбура. Толстяк, к сожалению, не

заменял собой мешков с едой. Настал день, когда у них почти не осталось ни пищи, ни питья. В лесу ничего не росло — лишь губки на деревьях да растения с бледными листьями и неприятным запахом.

Через четыре дня после того, как они переправились через поток, начался сплошной буковый лес. Путники сперва обрадовались этой перемене: пропал подлесок, темнота перестала быть такой густой, освещение сделалось зеленоватым. Однако светились лишь бесконечные ряды прямых серых стволов, возвышающихся, словно колонны в громадном сумеречном зале. Появился ветерок, зашелестела листва, но и шелест был какой-то печальный. Сверху слетали листья, напоминая о том, что приближается осень. Под ногами шуршал сухой ковёр, накопившийся от прежних осеней.

Два дня спустя они заметили, что тропа пошла под уклон, и скоро оказались в ложбине, заросшей могучими дубами.

— Да кончится когда-нибудь этот проклятый лес?! — проговорил Торин. — Кто-то должен залезть на дерево, просунуть голову сквозь листву и оглядеться. Надо выбрать самое высокое дерево у самой тропы.

Конечно, под «кто-то» разумелся Бильбо. Выбор пал на него потому, что забираться — так уж забираться на самую верхушку, а для этого надо быть очень лёгким, чтобы выдержали тонкие ветки. Несчастный мистер Бэггинс был не большой мастак лазать по деревьям, но делать нечего — его посадили на нижние ветки исполинского дуба, росшего на обочине, и хочешь не хочешь, а пришлось карабкаться вверх. Бильбо продирался сквозь густые сучья, ветки хлопали его по лицу, кололи глаза, Бильбо перепачкался зелёным и чёрным о старую кору, много раз чуть не сорвался и наконец, преодолев самый трудный участок, где буквально не за что было ухватиться, долез до верха. А пока лез — только и думал, есть ли на дереве пауки и удастся ли ему спуститься вниз, не свалившись.

Наконец голова его оказалась над лиственной крышей. Свет ослепил Бильбо. Снизу его окликали гномы, но он ничего не отвечал и, зажмурившись, только крепче вцеплялся в ветки. Солнце сверкало так ярко, что он долго не мог открыть глаза, когда же открыл, то увидел море тёмной зелени, колышущейся на ветру. Бильбо долго наслаждался ветерком, ласкавшим ему лицо и волосы. Наконец крики гномов, которые

там, внизу, буквально лопались от нетерпения, напомнили ему о деле. Он стал оглядываться по сторонам, но сколько ни гляди — кругом было сплошное море зелени.

На самом-то деле, как я уже говорил, до опушки леса оставалось недалеко. Будь Бильбо посообразительнее, он бы понял, что высокое дерево, на котором он сидел, росло на дне широкой впадины, и с верхушки невозможно было заглянуть за край этой большой чаши и увидеть, как далеко простирается лес. Но Бильбо этого не понял, и поэтому полез вниз в совершенном отчаянии. Исцарапанный, потный, несчастный, он спустился во мрак леса и долго не мог ничего различить вокруг. Его отчёт поверг и остальных в отчаяние.

— Лес нигде, нигде не кончается. Что нам делать? Какой толк было посылать хоббита? — восклицали они, как будто Бильбо был виноват во всём.

В этот вечер они доели последние крохи, а проснувшись наутро, опять ощутили грызущий голод. Лил дождь и уже просачивался кое-где через густой полог леса. Во рту у них пересохло от жажды, но дождь не принёс облегчения — не будешь же стоять, высунув язык, и ждать, когда на язык упадёт капля. Единственное утешение

им неожиданно доставил Бомбур!

Он вдруг проснулся, сел и задумчиво поскрёб затылок. Он никак не мог взять в толк, где он и почему такой голодный: он забыл всё, что происходило после пирушки в доме хоббита в то майское утро. Немалых трудов им стоило убедить его, что всё было так, как они рассказывают.

Услыхав, что есть нечего, он горько заплакал.

— Зачем я только проснулся! — воскликнул он. — Я видел такие прекрасные сны! Мне снилось, будто я бреду по лесу вроде этого, на деревьях горят факелы, с веток свисают фонари, на земле пылают костры. В лесу идёт пир, идёт и не кончается. Лесной король сидит в короне из листьев, все распевают весёлые песни, а уж какие там блюда и напитки! Я просто описать не могу.

— Тем лучше, — сказал Торин. — Раз ты не способен говорить ни о чём другом, кроме еды, то лучше помолчи. Нам и так от тебя одни неприятности. Если б ты сейчас не проснулся, мы оставили бы тебя в лесу, и смотри тогда свои дурацкие сны. Думаешь, легко тебя тащить после такого долгого поста?

Что им оставалось делать? Они затянули потуже кушаки на тощих животах, взвалили на плечи тюки и поплелись дальше по тропинке,

даже не надеясь выйти живыми из леса. Они брели весь день из последних сил, да ещё Бомбур непрерывно стонал и жаловался, что ноги у него подкашиваются и он сейчас ляжет и уснёт.

Вдруг Балин, шедший впереди, воскликнул:

— Что это? Между деревьями мелькнул огонь!

Они остановились и стали всматриваться. И в самом деле: вдали мелькнул красный огонёк, потом ещё и ещё. Путники торопились вперёд, нимало не задумываясь — а вдруг это гоблины или тролли. Вскоре они разобрали, что это свет от множества факелов и костров.

— Сны-то мои сбываются, — пропыхтел Бомбур, еле поспевавший сзади. Он хотел бежать прямо туда, но остальные не забыли предостережений чародея и Беорна.

Они долго спорили и наконец решили выслать двух разведчиков — пусть подползут поближе к огням и постараются что-нибудь выяснить. Но тут опять вышла заминка: никому не улыбалось заблудиться и навсегда потерять своих товарищей. Под конец голод поборол благоразумие: не в силах более слушать, как Бомбур расписывает яства на лесном пире, они все вместе покинули тропу и углубились в лес. Проблуждав некоторое время между стволами, перебираясь ощупью

от дерева к дереву, они наконец увидели ярко освещённую, расчищенную и выровненную полянку. Там было полно народу — ни дать ни взять, эльфы! Одетые в зелёную и коричневую одежду, они сидели на пнях вокруг костра. Позади них на деревьях торчали факелы, но что самое замечательное — они ели, пили и веселились.

Аромат жареного мяса был так притягателен, что путники, не сговариваясь, выпрямились во весь рост и шагнули сквозь кусты на полянку, одержимые одним желанием — выпросить поесть. Но едва они ступили в круг, как все огни погасли, словно по мановению волшебной палочки, кто-то из эльфов поддал ногой поленья, взвился сноп сверкающих искр, и костёр потух. Путники очутились в беспросветной тьме и долго не могли отыскать друг друга. Проблуждав во мраке, налетая на деревья, хватаясь за стволы, спотыкаясь о пни, аукая во весь голос и наверняка перебудив всех обитателей леса на много километров вокруг, они наконец ухитрились собраться и на ощупь пересчитать друг друга. К этому времени они совершенно запутались, где дорожка, и безнадёжно заблудились, во всяком случае — до утра.

Оставалось только лечь спать, не сходя с места.

Пролежали они недолго. Бильбо только-только задремал, как вдруг Дори, стоявший на часах, громко шепнул:

— Опять огоньки. Больше, чем прежде.

Они опять вскочили и бросились в ту сторону, где ясно слышались голоса и смех. Но едва они приблизились к кострам, повторилось то же самое, что и в предыдущий раз.

Пришлось опять лечь спать.

Но история с огнями на этом не кончилась. Когда время зашло далеко за полночь, их разбудил Кили:

— Вон там целый пожар — костры, факелы; слышите — поют, играют на арфах!

Они послушали-послушали и, не в состоянии преодолеть искушения, снова встали и пошли. Результат оказался самый плачевный. Этот пир был ещё пышнее, ещё роскошнее прежних, во главе пирующих сидел лесной король в венке из листьев на золотоволосой голове, точь-в-точь король из бомбуровского сна. Эльфы передавали по кругу чаши, одни играли на арфах, другие пели. В их блестящие волосы были вплетены цветы, драгоценные камни сверкали у них на воротниках и кушаках, лица и голоса были исполнены веселья. Песни были такие звонкие и прекрасные, что

Торин выступил на середину круга…

Поющие умолкли на полуслове, настала мёртвая тишина; все огни погасли, на месте костров поднялись столбы чёрного дыма, зола и пепел запорошили гномам глаза. Лес снова наполнился их криками и воплями.

Бильбо бегал кругом и звал, звал:

— Дори, Нори, Ори, Ойн, Глойн, Фили, Кили, Бомбур, Бифур, Двалин, Балин, Торин Оукеншильд!

Те, невидимые в темноте, делали то же самое, добавляя ещё «Бильбо!» Но постепенно крики гномов стали затихать, удаляться, потом, как показалось хоббиту, превратились в вопли о помощи, потом всё стихло, и Бильбо остался один в полной тишине и темноте.

То был один из самых скверных моментов в его жизни. Бильбо довольно быстро решил, что до утра делать ничего не надо: бессмысленно блуждать во мраке по лесу и выбиваться из сил, не имея никакой надежды на завтрак, чтобы их восстановить. Бильбо сел, прислонился спиной к дереву и, в который раз, стал вспоминать свою далёкую норку, прекрасные кладовые. Он погрузился в мечты о беконе, яйцах и жареном хлебе, как вдруг почувствовал чьё-то прикосновение.

К его руке прижалась какая-то крепкая липкая верёвка, а когда он попытался встать, тут же упал, так как ноги его оказались спутаны той же гадостью.

И вдруг из-за спины у него появился здоровенный паук. Он-то и начал обматывать Бильбо паутиной, пока тот дремал. Бильбо видел его глаза, чувствовал, как притрагиваются мохнатые лапы; паук трудился на совесть, опутывая и опутывая Бильбо своими мерзкими нитями. Хорошо, что Бильбо вовремя очнулся, — ещё минута, и он бы уже не смог шевельнуться. И тогда паук впрыснул бы ему яд, как проделывают с мухами обыкновенные пауки. Бильбо стал отчаянно отбиваться от гадкой твари кулаками и вдруг вспомнил про кинжал. Как только он выхватил его, паук отпрыгнул назад, а Бильбо тем временем перерубил нити, опутывавшие ноги. Теперь настал его черёд нападать, и он накинулся на паука. Если бы паук знал, что ему грозит, он бы пустился наутёк сразу, но он явно не привык к «добыче» с таким жалом, и Бильбо успел нанести ему удар кинжалом в голову. Паук заскакал, заплясал, дико задёргал лапами, и тогда Бильбо уложил его вторым ударом. Но тут же упал сам и надолго потерял сознание.

Когда он пришёл в себя, его окружал обычный тусклый дневной полумрак. Паук лежал рядом мёртвый, клинок кинжала был в чёрных пятнах. Убить гигантского паука в темноте, в одиночку, без помощи волшебника, гномов или кого бы то ни было — это, я вам скажу, было неслыханное событие в жизни мистера Бэггинса. Он почувствовал себя совсем другим — более храбрым и беспощадным. Он вытер кинжал о траву и вложил в ножны.

— Отныне я буду называть тебя Жалом, — сказал он клинку.

Затем он отправился на разведку. В лесу царило безмолвие. Прежде всего следовало разыскать друзей; далеко уйти они не могли, разве что их взяли в плен эльфы или кто-нибудь похуже. Бильбо понимал, что кричать тут небезопасно, поэтому долго стоял на месте и раздумывал, в какой стороне тропа и куда двинуться на поиски гномов.

«Зачем мы не послушались советов Беорна и Гэндальфа! — сокрушался он. — А теперь мы так всё запутали. „Мы“! Хорошо, если „мы“, а то одному так страшно!»

Наконец он припомнил, откуда неслись ночью крики о помощи; к счастью (а оно ему сопутство-

вало с рождения), он определил это более или менее правильно и тут же стал красться в том направлении. Как я уже не раз говорил, хоббиты, как никто, умеют бесшумно ступать по лесу; кроме того, Бильбо надел кольцо.

Он осторожно крался до тех пор, пока не различил впереди клубок черноты, слишком густой даже для Чёрного Леса — словно клок тёмной ночи, который забыл рассеяться с наступлением дня. Подобравшись ближе, он понял, что это паутина, намотанная в несколько слоёв. И тут он увидел над собой пауков: гигантские, страшные-престрашные, они сидели на ветвях. Бильбо задрожал: кольцо кольцом, а вдруг они его почуют? Стоя за деревом, он некоторое время наблюдал их в тишине и покое леса и вдруг понял, что отвратительные твари разговаривают друг с другом! Голоса их походили на тоненький скрип и свист, но он разобрал слова. Они говорили про гномов!



— Жаркая была схватка, но дело того стоило, — сказал один. — Ну и жёсткая у них шкура, зато внутри они наверняка сочные.

— Да, да, повисят немножко — ещё вкуснее станут, — подхватил другой.

— Не передержите их, — подал голос третий, — чтоб не засохли, а то что-то худоваты. Видно, плохо питались последнее время.

— Убейте их сейчас, говорю вам, — просвистел четвёртый, — а потом пусть повисят дохлые.

— Да они и так уже дохлые, поверьте мне, — возразил первый.

— Ничего не дохлые. Сейчас один крутился — видно, очухался. Идём — покажу.

И толстый паук быстро побежал к ветке, с которой рядком свисала дюжина больших свёртков. Только тут Бильбо заметил их в тени дерева и ужаснулся: из свёртков торчали — где гномова нога, где нос, где кончик бороды, а где капюшон.

Паук направился к самому толстому из свёртков.

«Должно быть, бедняга Бомбур», — подумал Бильбо.

Паук сильно ущипнул Бомбура за кончик носа. Бомбур был явно жив. Раздался приглушённый вопль, и торчащая нога метко лягнула паука.

Послышался звук, как будто ударили по выдохшемуся футбольному мячу; взбешённый паук свалился с ветки, но вовремя ухватился за собственную нить.

Остальные расхохотались.

— Ты прав, — сказали они, — завтрак жив-здоров и лягается.

— Сейчас перестанет, — злобно прошипел паук и полез наверх.

Бильбо понял, что настал момент действовать. Добраться до пауков он не мог, стрелять было нечем. Оглядевшись, он увидел углубление — очевидно, русло пересохшего ручья, — где валялось много камней. Бильбо недурно метал камни. Недолго думая, он подобрал гладкий, как яйцо, камень, очень удобно лёгший в ладонь. Мальчиком Бильбо много упражнялся, швыряя камни в разные предметы, так что кролики, белки и птицы разбегались и разлетались без оглядки, едва завидев, как он наклоняется. Став взрослым, он много времени отдавал метанию колец, дротика, стрельбе по прутику, игре в кегли, шары и другие тихие игры метательного и швырятельного свойства. Бильбо вообще много чего умел помимо того, что пускал кольца дыма, загадывал загадки и стряпал. Просто мне некогда

было рассказать об этом раньше. И сейчас тоже некогда. Пока он подбирал камни, паук долез до Бомбура, и через секунду тому бы несдобровать. И тут Бильбо бросил камень. Бац! — камень ударил паука по макушке, и паук без чувств шлёпнулся с дерева на землю, задрав лапы.

Второй камень со свистом прорвал большую паутину и наповал сразил паука, сидевшего в центре. В колонии пауков поднялась паника, и на время, могу вас уверить, они и думать забыли про гномов. Видеть Бильбо они не могли. Но сообразили, с какой стороны летят камни. С молниеносной быстротой они помчались по веткам, выбрасывая нити во всех направлениях. Пространство наполнилось смертоносными качелями.

Но Бильбо уже перебежал на другое место. Ему захотелось раздразнить пауков, раззадорить, как следует разозлить. Когда к месту, где он раньше стоял, сбежалось штук пятьдесят пауков, Бильбо принялся швырять в них камнями, а потом, приплясывая между деревьями, запел песню, чтобы привлечь внимание пауков, а также гномов:

Жирный паук
Взгромоздился на сук

И не видит меня
Среди белого дня.

Эй, старый дурак,
Я подам тебе знак,
Паутину бросай
И меня догоняй!

Может, и не слишком складная дразнилка, но не забывайте — он сочинил её сам, экспромтом, в самый неподходящий момент. Песенка своё дело сделала: пока он пел, кидался камнями и топал ногами, буквально все пауки бросились к нему. Одни спрыгнули и бежали по земле, другие мчались по веткам и, раскачиваясь, перепрыгивали с дерева на дерево, третьи перекидывали новые нити через тёмное пространство. Пауки оказались гораздо проворнее, чем Бильбо ожидал. Очень уж они разозлились. Во-первых, им не понравились камни, во-вторых, пауки терпеть не могут, когда им говорят «жирный паук», ну, а уж «старый дурак» и подавно обидно всякому!

Бильбо бросился на новое место, но пауки разбежались теперь по всей поляне и быстренько начали плести паутину между стволами. Очевидно, замысел их был таков: очень скоро хоббит

неминуемо очутится в западне — и путь ему будет отрезан. Но, окружённый со всех сторон охотящимися на него насекомыми, Бильбо нашёл в себе мужество затянуть ещё одну песенку:

Паутины вьётся нить,
Мне готовят сети,
Но меня им не скрутить
Ни за что на свете.

Вот я, вот! Вам везёт,
Слушайте, глядите!
Пауки, дураки,
Ну-ка догоните!

Тут он повернулся и увидел, что последний свободный промежуток между двумя высокими деревьями тоже затянут паутиной, но, по счастью, не настоящей густой сеткой, а отдельными толстыми нитями, наспех протянутыми туда-сюда. Бильбо вытащил кинжал, перерубил их и с пением побежал дальше.

Пауки заметили кинжал и, хотя вряд ли поняли, что это такое, всей оравой погнались за хоббитом по земле и по ветвям; их мохнатые лапы мелькали, челюсти щёлкали, глаза вылезали из орбит, пауки задыхались от ярости.

Бильбо забежал далеко в глубь леса, потом совершенно бесшумно прокрался обратно, а пауки помчались дальше в том же направлении.

Времени у Бильбо было в обрез: скоро обескураженные пауки, потеряв его, вернутся к гномам. До этого он должен успеть спасти своих друзей. Самое трудное влезть на ту длинную ветвь, на которой болтаются свёртки. Сомневаюсь, чтобы он справился, если бы с ветки не свисала липкая нить, неосторожно оставленная каким-то пауком. Бильбо взобрался по ней наверх, обдирая кожу с ладоней, и столкнулся нос к носу со старым толстым противным пауком, карауливших пленников. Он занимался тем, что время от времени щипал их, чтобы распознать, который сочнее, и как раз думал угоститься до возвращения остальных, как вдруг мистер Бэггинс без долгих размышлений пырнул его кинжалом, и паук шлёпнулся с дерева мёртвый.

Следующей задачей было освободить ближайшего гнома. Но как? Разрубить нить, на которой тот висит? Несчастный свалится на землю с большой высоты. Бильбо дополз до первого свёртка, качая ветку, отчего бедные гномы запрыгали и задёргались. «Фили или Кили, — подумал Бильбо, увидев кончик голубого капюшона. — Скорей

всего — Фили», — решил он, разглядев длинный острый нос, торчавший из свёртка. Перегнувшись вперёд, Бильбо ухитрился перерезать почти все крепкие липкие нити, опутавшие Фили, и тот, брыкаясь, предстал его глазам. Боюсь, что Бильбо, не удержавшись, расхохотался при виде того, как Фили дёргал затёкшими руками и ногами и плясал на нити, державшей его под мышками, точь-в-точь как игрушечный плясунчик.

Наконец Фили с помощью Бильбо взобрался на ветку и тут показал себя с лучшей стороны — помог хоббиту освобождать остальных, хотя чувствовал себя прескверно: его мутило от паучьего яда и от того, что он провисел полдня и полночи, вращаясь вокруг своей оси и дыша только носом. Ему далеко не сразу удалось содрать клейкую паутину с ресниц и бровей, а бороду — ту и вовсе потом пришлось местами выстричь. Итак, вдвоём они принялись подтягивать на ветку каждого гнома по очереди и высвобождать из коконов. Всем было так же худо, как Фили, а тем, у кого нос был короче или кто получил большую дозу яда, и того хуже.

Таким путём они освободили Кили, Бифура, Бофура, Дори и Нори. Бедняга Бомбур до того был измучен (его, как самого толстого, щипали

чаще других), что скатился с ветки, хлопнулся на землю, на кучу листьев, и остался лежать без движения. Но пятеро гномов всё ещё болтались на конце ветки, когда начали возвращаться пауки, рассвирепевшие пуще прежнего.

Бильбо сразу перебежал по ветке и начал отгонять кинжалом пауков, лезущих наверх. Но, освобождая Фили, он снял кольцо, а надеть забыл, так что пауки теперь увидели его и засвистели, брызгая слюной:

— Мы тебя видим, змеёныш! Мы тебя высосем, так что от тебя только кости да кожа останутся! Ух! У него Жало! Пускай, всё равно мы до него доберёмся, повисит у нас вниз головой денька два!

Тем временем освобождённые гномы трудились, перерубая ножами нити на оставшихся пленниках. Ещё немного — и все будут свободны.

Но что дальше? Пауки изловили их довольно легко, но то ночью, в темноте, напав врасплох. На этот раз дело пахло смертным боем!

— Вниз! Спускайтесь! — закричал Бильбо гномам. — Не сидите там, вас сейчас поймают сетями!

Пауки густым потоком карабкались по соседним деревьям и ползли по веткам над головой

у гномов.

Гномы мигом попрыгали или попадали вниз — все одиннадцать, одной кучей. Они еле стояли на ногах от слабости. Теперь все очутились на земле, считая толстяка Бомбура, которого подпирали с боков его кузены — Бифур и Бофур. Бильбо прыгал вокруг, размахивая своим Жалом, а сотни разъярённых пауков пялили на них глаза со всех сторон — сбоку, сверху, снизу. Положение казалось безнадёжным.

И тут начался бой! У одних гномов были с собой ножи, у других — палки, кругом валялись камни, а у Бильбо был эльфовский кинжал. Они раз за разом отбивали атаки пауков и многих перебили. Но долго так продолжаться не могло.

Бильбо совсем умаялся, из гномов только четверо стояли твёрдо на ногах, пауки неминуемо одолели бы всех, как обессилевших мух.

Бильбо, ломавшему себе голову над тем, как быть дальше, оставалось только выдать гномам тайну своего кольца. Жаль, но делать нечего.

— Сейчас я исчезну, — сказал он. — Постараюсь отвлечь пауков на себя, а вы держитесь все вместе и прорывайтесь в противоположном направлении, влево, приблизительно туда, где мы видели костры эльфов.

Он с большим трудом втолковал им это — до того они обалдели от болтания в воздухе, от криков, от бросания камней и размахивания палками.

Мешкать было нельзя: пауки окружали их всё теснее. Бильбо надел кольцо и, к великому изумлению гномов, мгновенно исчез.

Сразу же между деревьями справа послышалось: «жирный паук», «старый дурак». Это привело пауков в замешательство. Они остановились. Некоторые побежали на голос. Слова «старый дурак» совершенно вывели их из себя, они просто потеряли голову. Балин, быстрее других смекнувший, в чём состоит план Бильбо, повёл гномов в наступление. Гномы сгрудились плотной кучкой, посылая град камней, отогнали пауков и прорвались сквозь их заслон.

В противоположной стороне пение и крики внезапно прекратились. Молясь, чтобы Бильбо не схватили, гномы продвигались вперёд. Слишком медленно! Они измучились и уже еле-еле ковыляли, а пауки шли по пятам. То и дело гномам приходилось оборачиваться и отражать врага. Многие пауки бежали по веткам у них над головой, выбрасывая длинные клейкие нити.

Дело оборачивалось совсем плохо, как вдруг снова возник Бильбо и неожиданно напал на

пауков сбоку.

— Бегите дальше! — прокричал он. — Я их задержу!

И он задержал их! Он метался взад и вперёд, перерубая нити, кромсая лапы, протыкая толстые тела! Пауки раздувались от бешенства, шипели и плевались, изрыгали страшные проклятия, но Жало внушало им такой страх, что они не осмеливались подходить близко. Никакие проклятия не помогали — добыча медленно, но верно ускользала от них.

Страшный бой длился долго — наверное, не один час. Наконец, когда Бильбо почувствовал, что ему больше не поднять руки, не сделать ни одного удара, преследователи вдруг оставили их в покое и, обманутые в своих ожиданиях, отправились восвояси, в свой тёмный угол леса.

И тут гномы заметили, что находятся на краю поляны, где раньше горели костры эльфов. Им пришло в голову, что здесь сохранилось доброе волшебство и паукам оно не по вкусу. Здесь путники могли отдохнуть и отдышаться.

Так они и сделали. Но отдышавшись, пристали к Бильбо с расспросами — главное, как он ухитрился исчезнуть. История с кольцом так их заинтересовала, что они забыли про всё на

свете. Балин потребовал заново пересказать происшествие с Голлумом, загадки и вообще всё с самого начала, но так, чтобы кольцо заняло своё надлежащее место. Вскоре свет стал меркнуть, и тогда посыпались другие вопросы: где они? Где тропа? Где взять еды? Что делать дальше? Все эти вопросы они задавали теперь Бильбо и явно ждали ответа от него. Как видите, они резко переменили своё мнение о мистере Бэггинсе и (как и предрекал Гэндальф) прониклись к нему уважением. Теперь они не ворчали на него — они ждали, что Бильбо предложит какой-нибудь потрясающий план. Они прекрасно понимали, что, если бы не хоббит, их бы уже не было в живых, поэтому благодарили его ещё и ещё. Кое-кто даже поклонился ему до земли, но от слабости не удержался на ногах и ткнулся носом в землю.

История кольца нисколько не уронила его в их мнении: они поняли, что кроме везения и кольца у него ещё есть смекалка и без неё ничего бы не вышло. Они до того расхваливали Бильбо, что он и впрямь почувствовал себя храбрым искателем приключений, а найдись что поесть, он стал бы ещё храбрее.

Но поесть было нечего. Бильбо думал и думал, как отыскать потерянную тропу, но его усталая

голова отказывалась соображать. Он просто сидел, уставившись на нескончаемые ряды деревьев. Все примолкли, закрыли глаза, но Балин долго ещё посмеивался и бормотал:

— Голлум! А я-то думал! Вот, значит, как он прошмыгнул у меня под носом! Теперь понятно! Ах, вы «просто крались, крались и подкрались», мистер Бэггинс? Вы «потеряли кучу пуговиц» в дверях? Ах ты, старый хитрец, хитрец, хи… хи… — Тут Балин тоже заснул.

И вокруг надолго воцарилась тишина.

Внезапно Двалин открыл глаза и огляделся.

— А где же Торин? — спросил он.

Вот ужас-то! Их и в самом деле было только тринадцать: двенадцать гномов и хоббит. Куда девался Торин? Какая его постигла участь? Заколдовали его или съели лесные чудовища? Содрогаясь от ужаса, гномы и Бильбо лежали, пока не заснули неспокойным сном. Их мучили кошмары. Вечер перешёл в ночь. И тут мы на время оставим их, пока они спят, усталые, измученные, даже не выставив караульных.

У Торина была несколько другая судьба. Торин, шагнув вперёд к костру, упал, как одурманенный. Крики заблудившихся гномов, вопли, когда их схватили и опутали пауки, звуки сражения на

следующий день — ничего этого Торин не слышал. Потом его подобрали лесные эльфы, связали и унесли с собой.

Да, разумеется, пирующие были лесными эльфами. Существа они были не злые, но с недоверием относились к чужим и всегда соблюдали крайнюю осторожность. Они были не так мудры, как высшие эльфы, но тоже умели искусно колдовать и были более коварны. Ведь большинство из них, в том числе их родственники с гор и холмов, происходили от древних племён, не посещавших славного Волшебного царства. А вот солнечные эльфы, морские эльфы и подземные эльфы жили и воспитывались в том царстве годами, становясь всё прекраснее, мудрее и ученее, и потом, возвратившись в Большой Мир, своё колдовское искусство употребляли на сотворение невиданной красоты. Лесные эльфы иногда появлялись в сумерках, в промежутках между заходом солнца и восходом луны, но предпочитали ночь и звёзды. Они бродили по густым лесам, каких в наше время совсем не осталось. Селились они на краю леса, откуда проще выезжать в поля на охоту, скакать верхом или просто бегать на просторе при лунном или звёздном свете. После прихода людей они ещё больше пристрастились

к сумеркам и мраку. Но всё-таки они оставались эльфами, а эльфы — Добрый Народ.

В большой пещере у восточной границы Чёрного Леса жил могущественный король лесных эльфов. Перед громадными каменными дверьми протекала река, сбегавшая с лесистых холмов, и дальше впадала в болота, расположенные у подножия гор. Эта большая пещера под землёй состояла из многочисленных залов и ходов, от неё ответвлялось множество мелких пещерок. И пещера, и коридоры были куда светлее и веселее гоблинских, совсем не такие глубокие и не такие опасные. Подданные короля, вообще-то говоря, жили и охотились по большей части на открытом воздухе, в лесах. Жили они на земле и на деревьях, из всех деревьев больше любили буковые. Пещера же была королевским дворцом, сокровищницей и крепостью при нападении врагов. Там же находились и темницы для пленных. Туда и потащили Торина, с которым обращались не слишком вежливо, так как гномов здесь не жаловали. В старину у эльфов даже случались войны с гномами, которых они обвиняли в краже эльфовских сокровищ. Справедливость требует сказать, что гномы объясняли это по-иному — они, мол, взяли то, что им принадлежало. Король

эльфов когда-то заказал им драгоценные украшения, дав для этого золото и серебро, а потом отказался платить за работу. И тогда гномы, не получив платы, оставили украшения у себя. У могущественного короля эльфов и в самом деле была слабость — он был скуповат. Сокровищница его ломилась от золота, серебра и алмазов, но он хотел ещё и ещё, чтобы сравняться в богатстве с прежними властелинами эльфов. Его народ не добывал руду, не обрабатывал металлы и драгоценные камни, не торговал и не возделывал землю. Любой гном это знал.

Но Торин и его предки не имели никакого отношения к той старой распре между эльфами и гномами. Поэтому, когда с него сняли чары и он проснулся, он был возмущён их обращением. И решил, что из него не вытянут ни одного слова про золото и драгоценности.

Король устремил на Торина суровый взгляд и стал его расспрашивать, но Торин на всё отвечал только одно: он умирает от голода.

— Зачем ты и твои спутники трижды нападали на мой народ во время пира?

— Мы не нападали, — отвечал Торин, — мы хотели попросить еды, ибо умирали от голода.

— Где сейчас твои друзья? Что они делают?

— Не знаю, вероятно, умирают от голода в лесу.

— Что вы делали в лесу?

— Искали пищу и питьё, ибо умирали от голода.

— А что вам там понадобилось? — вконец рассердившись, спросил король.

Но Торин стиснул губы и не пожелал отвечать.

— Отлично! — сказал король. — Уведите его и держите в подземелье, пока не скажет правды! Пусть сидит хоть сто лет!

Эльфы связали Торина ремнями и заперли в одну из самых дальних темниц с крепкой деревянной дверью. Ему дали вдоволь еды и питья, пусть и не очень изысканных, — ведь лесные эльфы не гоблины, и даже со злейшими врагами они обращались вполне сносно. Только к гигантским паукам были беспощадны.

Бедный Торин лежал в королевской темнице. Поев хлеба, мяса и попив воды, он теперь невольно испытывал чувство благодарности.

Потом он вспомнил про своих горемычных друзей. Ему недолго пришлось ломать себе голову над тем, что с ними стряслось, — очень скоро он всё узнал. Но об этом рассказывается в следующей главе, где пойдёт речь о новом приключении, в

котором хоббит снова показал, на что способен.



9. В бочках — на волю



На другой день после битвы с пауками Бильбо и гномы сделали последнюю отчаянную попытку выбраться из леса. Они поднялись и, пошатываясь, побрели в ту сторону, где, по мнению восьми друзей из тринадцати, проходила тропа. Но им не довелось узнать, кто был прав. Тусклый день начинал переходить в тёмный вечер, и вдруг кругом засветились сотни ярких факелов, словно сотни красных звёзд. Из темноты выпрыгнули лесные эльфы с луками и копьями и закричали

им: «Стой!»

О том, чтобы сопротивляться, не приходилось и думать. Даже если бы гномы и не обессилели до такой степени, всё равно их единственное оружие — ножи — не шло в сравнение со стрелами эльфов: эльфы попадали в птичий глаз в полной темноте. Поэтому путники сели и стали ждать. Все, кроме Бильбо: он надел кольцо и быстро отступил в сторонку. Потому-то, когда эльфы связали и выстроили гномов длинной цепочкой и пересчитали их, хоббит остался несосчитанным.

И шагов его эльфы также не расслышали, когда он трусил позади всей вереницы. Гномам завязали глаза. Бильбо еле поспевал за ними, так как эльфы подгоняли гномов безжалостно, не обращая внимания на то, что пленники устали и ослабели. Король велел им спешить, и они спешили.

Внезапно факелы впереди остановились, и хоббит нагнал эльфов, как раз когда те ступили на мост. Под мостом стремительно неслась тёмная река, мост упирался в ворота, закрывавшие вход в огромную пещеру, которая уходила в глубь крутого холма, поросшего лесом. Высокие буки спускались по склону до самого берега, так что корни их омывались водой.

По этому-то мосту и погнали пленников, но Бильбо несколько замешкался. Уж очень ему не понравился зияющий вход в пещеру. В последнюю минуту он всё-таки решил не бросать друзей одних и только-только проскочил вслед за последним эльфом, как ворота с лязгом захлопнулись.

Войдя внутрь и шагая по гулким, извилистым переходам, освещённым красным светом факелов, эльфы затянули песню.

Коридоры тут были не такие, как под горой гоблинов, — покороче, прорыты не так глубоко под землёй и потому менее душные. В просторном зале с колоннами, вырубленными прямо в скале, на резном деревянном кресле восседал король эльфов. На голове у него красовалась корона из ягод и красных листьев, ибо уже наступила осень. Весной он обычно носил корону из лесных цветов. В руке он держал резной дубовый посох.

К нему подвели пленников. Он посмотрел на них с неприязнью, но велел развязать их, так как увидел, что они изранены и измучены.

— Тем более что верёвки больше не нужны, — добавил король. — Кто сюда попал, тому не убежать через волшебные ворота.

Он долго и дотошно расспрашивал гномов — ку-

да они направляются, откуда и зачем. Но добился от них не больше, чем от Торина: гномы были сердиты и держались, прямо скажем, невежливо.

— Что мы тебе сделали, о король? — заявил Балин, который был теперь за старшего. — Разве преступление — заблудиться в лесу, проголодаться, попасть в паутину к паукам? Разве пауки — твои домашние животные, что ты так разгневался?

От таких вопросов король, естественно, рассердился ещё больше и ответил:

— Да, без спроса шататься по моим владениям — преступление. В лесу вы трижды нападали на моих подданных и взбудоражили пауков криками и буйством. После того переполоха, который вы учинили, я имею полное право знать, что привело вас сюда. Не ответите сразу — я продержу вас в тюрьме до тех пор, пока не научитесь уму-разуму и вежливости!

Король приказал посадить каждого гнома в отдельную камеру, дать всем поесть и попить, но не выпускать, пока хоть один из них не заговорит. Но он им не открыл, что Торин тоже у него в плену.

Обнаружил это Бильбо.

Бедный мистер Бэггинс! Как уныло тянулось

время, пока он жил здесь совсем один, прячась, не смея ни на минуту снять кольцо, почти не смыкая глаз, даже когда удавалось забиться в самый дальний, тёмный уголок. От нечего делать он принялся бродить по королевскому дворцу. Ворота запирались волшебным образом, но Бильбо всё-таки ухитрялся выскользнуть наружу. Лесные эльфы иногда выезжали гурьбой на охоту или по иным лесным делам или же отправлялись в земли, лежащие на Востоке. Если Бильбо проявлял достаточную прыть, то проскакивал вслед за эльфами. Это был опасный трюк, несколько раз его чуть не защемило воротами, когда они с грохотом захлопывались вслед за эльфами. Затесаться в их толпу Бильбо боялся, зная, что тень его видна, хотя при свете факелов она была тоненькая и колеблющаяся. Боялся он и того, что на него нечаянно натолкнутся.

Когда же он всё-таки выходил наружу, то без всякого толку: бросить товарищей он не хотел, да, собственно, без них и не знал, куда деваться. Он не мог всё время держаться подле охотников и свободно следовать за ними, поэтому так и не нашёл пути из лесу.

Страшась заблудиться, уныло бродил он неподалёку от ворот и поджидал оказии, чтобы

вернуться под землю. Охотник он был никудышный, поэтому в лесу всегда голодал, зато во дворце таскал еду со стола, когда поблизости никого не было, или из кладовых, так что голодным не оставался.

«Точно вор, который вынужден изо дня в день грабить один и тот же дом, — думал Бильбо. — Вот когда началось самое скучное, самое тоскливое приключение в нашем утомительном неуютном походе! Очутиться бы сейчас у себя дома, у тёплого очага, и чтобы лампа горела!» Как ему хотелось призвать на помощь волшебника, но об этом нечего было и мечтать. Наконец он понял следующее: если здесь кто-нибудь что-нибудь и сделает, то только мистер Бэггинс, один, без посторонней помощи.

Недели через две своей подпольной жизни, следя и следуя за стражниками, то есть шпионя за ними при каждом удобном случае, Бильбо выведал, где заперт каждый гном. Он разыскал все двенадцать камер в разных местах дворца и постарался изучить дорогу к ним. Каково же было его удивление, когда однажды он подслушал разговор двух стражников и узнал, что в тюрьме (в особо тайном месте) содержится ещё один гном.

Он, конечно, сразу догадался, что это Торин,

и вскоре догадка его подтвердилась. Преодолев множество трудностей, он ухитрился пробраться к камере и, пока поблизости никого не было, перекинулся несколькими словами с предводителем гномов.

Торин так настрадался в одиночестве, что уже не находил сил сердиться на свои злоключения и даже начал подумывать, не рассказать ли королю про сокровища и про цель похода (видите, до какой степени он был подавлен). Когда он услышал голосок Бильбо под дверью, то не поверил своим ушам. Впрочем, он быстро убедил себя в том, что не ошибается, подошёл к двери, и они долго шептались через замочную скважину.

После этого Бильбо украдкой передал каждому гному приказ Торина — а именно, что их предводитель Торин тут, с ними, и ни один не должен выдавать королю цель их поисков, пока Торин не отдаст такого распоряжения. Как видите, Торин воспрянул духом, выслушав, как хоббит спасал гномов от пауков. Он опять решил пока не откупаться от короля и посулить ему сокровища лишь в крайнем случае, когда не останется никаких надежд спастись другим способом. Иначе говоря, если глубокоуважаемый мистер Бэггинс-невидимка (а он очень высоко

вознёсся во мнении Торина) не сумеет придумать какой-нибудь выход.

Бильбо, однако, был настроен далеко не так радужно. Ему совсем не нравилось, что на него возлагают такие надежды.

Бильбо ломал-ломал себе голову над новой проблемой, так что чуть совсем не разломал её, но блестящих идей что-то не рождалось. Кольцо-невидимка — вещь, конечно, прекрасная, но его не наденешь на четырнадцать пальцев сразу. Впрочем, как вы догадываетесь, в конце концов Бильбо спас своих друзей, и вот каким образом.

Слоняясь, как всегда, по дворцу, Бильбо совал нос во все щели и однажды обнаружил чрезвычайно интересную штуку. Большие ворота не были единственным входом в пещеру! В одном месте под дворцом протекал поток, впадавший дальше к Востоку в реку Лесную. Там, где подземный поток вытекал из горы, имелся шлюз. Каменная крыша здесь почти касалась поверхности воды, с крыши опускали до самого дна решётку, чтобы никто не попал этим путём внутрь или наружу. Но решётку частенько поднимали, так как через шлюз проходила оживлённая речная торговля.

Если бы кто-нибудь проник этим путём, то

очутился бы в тёмном канале с грубо обтёсанными стенками, уводившем в самую сердцевину горы. Там, где река проходила под пещерами, каменный потолок был прорублен и люк, находившийся в королевских погребах, закрыт большой дубовой крышкой.

В погребах стояли бочки — видимо-невидимо бочек. Лесные эльфы, и в особенности их король, обожали вино, а виноград в этих краях не рос. Вино и некоторые другие товары ввозили от родичей с Юга или из ещё более дальних мест, где жили люди, занимавшиеся виноградарством.

Прячась за бочонками, Бильбо обнаружил крышку люка и узнал о её назначении. Он стал наведываться туда почаще, подслушивал болтовню королевских слуг и вскоре выяснил, что вино и прочие товары доставляются по реке или сушей от Долгого Озера. Оказывается, на озере до сих пор благополучно жили люди, построившие город на сваях прямо в воде, чтобы предохранить себя от разных врагов. Из Озёрного города бочки во дворец эльфов доставлялись по реке Лесной. Их скрепляли друг с другом наподобие плота и с помощью шестов или вёсел пригоняли вверх по течению. Иногда их грузили на баржи. Пустые же бочонки эльфы бросали в люк, поднимали

решётку шлюза, и бочонки, подхваченные потоком, выплывали на речной простор; они плыли себе, покачиваясь, по течению, пока их не прибивало к мыску у восточной оконечности Чёрного Леса. Там их собирали в кучу, связывали вместе и сплавляли дальше в Озёрный город, стоявший у того места, где река Лесная впадала в Долгое Озеро.

Бильбо потратил немало дней, размышляя о шлюзе и обдумывая, нельзя ли использовать его для побега. И наконец у него начал созревать отчаянный план.

Как-то вечером пленникам понесли ужин. Стражники затопали по коридору, унося факелы. Бильбо остался в темноте и тут услышал, как главный дворецкий желает начальнику стражи доброй ночи.

— А ну-ка зайдите ко мне, — добавил он, — отведайте винца, его только что привезли. Сегодня вечером придётся потрудиться — очистить погреба от пустых бочек, так что надо сперва выпить, чтоб работа спорилась.

— С удовольствием, — смеясь, отозвался начальник стражи. — Попробуем, годится ли оно для королевского стола. Сегодня во дворце пир, было бы негоже подавать наверх кислятину!

Услыхав это, Бильбо задрожал от волнения: он понял, что ему подвернулся случай привести в исполнение свой замысел.

Он шёл за эльфами по пятам, пока они не вошли в небольшое подвальное помещение. Тут они сели за стол, на котором стояли две большие кружки, начали пить и весело смеяться.

Бильбо неслыханно повезло! Обычно лесных эльфов не так-то просто напоить — вино должно быть очень крепким. Но это новое вино было, очевидно, высшего качества. Оно предназначалось лишь для королевских пиров, его пили небольшими кубками, а не такими кружищами, какие стояли на столе у главного дворецкого.

Скоро начальник стражи начал клевать носом, потом уронил голову на стол и захрапел. Дворецкий, не замечая, что его собутыльник спит, некоторое время продолжал болтать и смеяться, потом голова его тоже склонилась на стол — и он крепко заснул. Тут-то в комнатку и прокрался хоббит. Через минуту начальник стражи остался без ключей, а Бильбо бесшумно бежал по коридорам к камерам. Тяжеленная связка ключей оттягивала ему руки, время от времени ключи звякали и брякали, и несмотря на то, что на пальце у него было кольцо, сердце в груди замирало.

Сперва он отпер камеру Балина и, как только гном вышел, опять её запер. Можете себе представить, как обрадовался и удивился Балин, как тут же начал задавать вопросы про то, что затеял Бильбо, и вообще про всё, про всё.

— Некогда, некогда! — ответил хоббит. — Иди за мной без разговоров! Мы должны держаться вместе и бежать все вместе, это наш последний и единственный шанс. Если нас поймают, один бог знает, куда засадит вас король, да ещё закуёт по рукам и ногам. Не спорь, сделай милость!

Бильбо перебегал от двери к двери, пока его свита не разрослась до двенадцати душ. Ловкостью гномы, скажем прямо, не отличались — было темно, да они и засиделись. У Бильбо ёкало сердце каждый раз, как кто-нибудь из них налетал в темноте на соседа или ворчал себе под нос. «Проклятые гномы, опять устраивают тарарам!» — волновался Бильбо.

Но всё прошло хорошо, стражников они не встретили. В этот вечер в лесах и в дворцовых залах шёл пир по поводу осеннего праздника. Поэтому почти все эльфы беспечно веселились.

Наконец после долгих блужданий они добрались до темницы Торина, которая находилась в дальнем конце дворца, очень глубоко и, по сча-

стью, недалеко от погребов.

— Клянусь честью, — проговорил Торин, когда Бильбо шёпотом велел ему выйти и он разглядел в темноте фигуры своих друзей, — Гэндальф был прав, как всегда. Я вижу, вы взломщик на славу. Мы все перед вами в неоплатном долгу. Что же дальше?

Настал момент разъяснить план, но Бильбо совсем не был уверен в том, как к нему отнесутся гномы. Опасения его оправдались. Гномы были ужасно недовольны и громко запротестовали невзирая на своё крайне опасное положение.

— Мы непременно разобьёмся вдребезги, набьём себе шишек и под конец утонем! — заворчали они. — Мы думали, у тебя действительно стоящий план! Нечего было красть ключи и открывать камеры. Нет, это бредовая идея!

— Ну что же, — сказал Бильбо, расстроенный и раздосадованный, — отправляйтесь по своим камерам, если вам так нравится. Я вас опять запру, сидите себе, придумывайте план получше. Но предупреждаю: вряд ли мне выпадет другой такой случай завладеть ключами, даже если у меня возникнет такое желание.

Тут они опомнились и приутихли. Им, разумеется, оставалось делать только то, что предлагал

Бильбо, другого выхода не было. Пришлось красться вслед за хоббитом вниз, в нижние погреба.

Они миновали открытую дверь, там всё ещё, блаженно улыбаясь, крепко спали начальник стражи и дворецкий. Королевское вино навевает приятные сны. Но какое будет выражение лица у начальника стражи на следующий день! Добросердечный Бильбо осторожненько прицепил ему ключи к поясу. «Может, ему не так попадёт, — подумал мистер Бэггинс. — Он в сущности не злой и с пленниками обращался вполне сносно. То-то он удивится! Решит, наверное, что мы прошли через запертые двери с помощью колдовства. Прошли! Нет ещё, для этого надо действовать, и быстро!»

Балина поставили караулить начальника стражи и дворецкого и, если те очнутся, подать знак. Остальные отправились в соседний погреб с люком. Нельзя было терять ни минуты. Бочонки уже стояли приготовленные посреди погреба. Винные не годились, так как их днища было трудно вышибить, не наделав шума, и ещё труднее закрыть.

Но были там и другие бочки, в которых поставляли масло, яблоки и ещё всякую всячину. Скоро нашлось тринадцать сносных бочек — по числу

гномов. Некоторые оказались даже слишком просторны, и, залезая в них, гномы с тревогой подумали, как их будет трясти и швырять. Бильбо расстарался и добыл соломы и ещё чего-то мягкого и устроил гномов с наивозможным комфортом.



Наконец двенадцать гномов были благополучно упакованы. Больше всего хлопот доставил Торин — он вертелся и крутился в своём бочонке и ворчал, как пёс, укладывающийся спать в тесной конуре. Балин тоже напоследок поднял шум по поводу недостаточного числа отдушин и утверждал, что задыхается, когда и крышка-то ещё не была наложена. Бильбо со всей тщательностью заткнул щели, приладил крышки и

теперь, оставшись в одиночестве, лихорадочно суетился, доканчивая упаковку.

Он волновался не зря. Едва успел он прикрыть крышкой Балина (который был последним), как послышались голоса и замелькал свет. В погреба ввалились эльфы, заливаясь смехом, разговаривая и напевая обрывки песен. Они оставили весёлый пиршественный стол в одном из верхних залов и хотели как можно скорее вернуться назад.

— Где же старина Гэлион, где дворецкий? — воскликнул один. — Что-то я не видел его за столом. Он должен быть тут.

— Задам я старому копуше, коли запоздает, — подхватил другой. — У меня нет никакого желания торчать тут, когда наверху идёт веселье!

— Ха-ха-ха! — раздался хохот. — Старый каналья спит носом в кружку! Они тут с приятелем капитаном уже напировались.

— Тряхни его! Буди! — нетерпеливо закричали остальные.

Гэлиону очень не понравилось, что его трясут и будят, а тем более потешаются над ним.

— Это вы опоздали, — пробурчал он. — Я вас тут ждал без конца, а вы там напились и забыли про ваши обязанности. Неудивительно, что я заснул

от усталости.

— А никто и не удивляется, — подхватили они, — причина-то рядом, в кружке! Дай-ка нам глотнуть твоего снотворного, а уж тогда приступим к работе. Тюремщика будить не станем. Он уже своё получил.

Все они хлебнули по очереди винца и развеселились ещё больше. Но соображать не перестали.

— Помилуй, Гэлион! — закричали они, взявшись за бочонки. — Ты так рано начал пировать, что в голове у тебя всё перепуталось. Ты приготовил нам полные бочки вместо пустых.

— Делайте своё дело! — рявкнул дворецкий. — Полные! С пьяных глаз чего не покажется. Те самые бочки и есть, какие надо. Сбрасывайте, говорю!

— Ладно, ладно, — согласились они, подкатывая бочонки к люку. — Тебе отвечать, коли бочонки с лучшим королевским маслом и вином достанутся людям с озера.

Катите бочки
Во весь дух,
Столкните в речку —
Плюх-плюх-плюх! —

запели они, подкатывая с грохотом бочки к

люку и сбрасывая одну за другой в тёмную дыру. Одни бочки были действительно пустые, другие — с гномами, все они летели вниз и хлопались с громким всплеском в воду, иногда падали одна на другую, стукались о стенки туннеля, сталкивались и, крутясь и подскакивая, уносились по течению.

И в эту минуту Бильбо вдруг осознал, какой допустил промах. Возможно, вы давно заметили слабое место в его замысле и посмеиваетесь над Бильбо. Хорошо вам смеяться, но ещё неизвестно, как вели бы себя вы на его месте. Да, сам он не успел залезть в бочку, а если бы и успел, всё равно некому было его упаковать и закрыть крышкой. Казалось, на этот раз он бесповоротно теряет друзей и до конца жизни будет шнырять по пещерам и воровать. Если бы даже ему удалось убежать через главные ворота, едва ли он нашёл бы гномов. Как добраться сушей туда, куда выносит бочонки, он не знал. И что будет теперь с его друзьями? Ведь он не успел открыть им всё, что подслушал, им неизвестно, как он собирается поступить, покинув границы леса.

Наконец к люку подкатили последний бочонок! В отчаянии и полной растерянности бедняга Бильбо обхватил его руками и полетел вместе с

ним вниз. Бух! Он хлопнулся в холодную тёмную воду, и бочонок накрыл его сверху.

Он вынырнул, фыркая и отплёвываясь, и уцепился за обшивку, точно крыса, но сколько ни старался, не мог вскарабкаться наверх — бочонок всякий раз перевёртывался и окунал его. Бочонок был пустой и плыл, словно пробка. Уши у Бильбо были залиты водой, но он всё ещё слышал пение эльфов:

Эй, плывите полным ходом
В лес, откуда все вы родом,
В час, когда придёт рассвет,
Отправляйтесь солнцу вслед.

Внезапно с гулким стуком крышка люка захлопнулась, голоса стихли. Бильбо очутился в тёмном туннеле и поплыл в ледяной воде один-одинёшенек — ведь друзей, законопаченных в бочках, всё равно что нет.

Вскоре впереди замаячило серое пятно. Бильбо услышал скрип поднимаемых решёток и увидел, что очутился в гуще подпрыгивающих, толкущихся бочонков и бочек, которые теснились под сводом, стремясь вырваться на свободу, в открытую реку. Бильбо, как мог, увёртывался, чтобы его не задавило и не расплющило. Наконец давка

прекратилась, бочки начали разбегаться в стороны и постепенно, по одной выплывать из-под каменной арки на свет. И тут Бильбо порадовался, что не сумел оседлать бочку: у самого выхода между бочкой и низким сводом не оставалось места даже для хоббита.

Они поплыли по реке под нависающими ветвями деревьев, которые росли по берегам. «Интересно, думал Бильбо, — каково там гномам? Много ли воды набралось в бочки через щели?» Те бочки, которые сидели в воде глубже, очевидно, и содержали гномов. «Только бы крышки держались плотно!» — беспокоился он. Но скоро забыл и думать о гномах — ему стало не до них. Он приспособился держать голову над водой, но замёрз ужасно и боялся, что долго так не выдержит — либо замёрзнет насмерть, либо разожмутся пальцы — и он утонет.

Счастье опять улыбнулось ему: крутящимся течением к берегу пригнало несколько бочек, в том числе и бочонок Бильбо. Они застряли там, зацепившись за невидимую корягу. Бильбо воспользовался передышкой и перебрался на верх своего бочонка, пока тот упирался в соседние бочки. Там он растянулся, раскинув руки и ноги, чтобы удержать равновесие. Ветер дул резкий, но

всё же был не такой холодный, как вода. Немного погодя бочки отцепились, опять выплыли на середину реки и, вертясь, поплыли дальше. Как и предполагал Бильбо, удержаться на бочке оказалось неимоверно трудно. К счастью, Бильбо был лёгкий, а бочка большая и тяжёлая, к тому же через щели внутрь набралось порядочно воды. И всё-таки Бильбо чувствовал себя так же уютно, как если бы ехал верхом без уздечки и стремян на пузатом пони, который всё время норовит поваляться по траве.

Таким вот способом мистер Бэггинс достиг наконец места, где деревья по обоим берегам поредели и сквозь них проглянуло светлое небо. Река вдруг расширилась и слилась с Лесной, быстро бежавшей прочь от королевского дворца. Деревья больше не затеняли тусклой глади, и на её скользящей поверхности плясали прерывистые отражения облаков и звёзд. Потом быстрые воды Лесной прибили всю ватагу бочонков и бочек к северному берегу, где течением вымыло широкую бухту. Сюда-то на отлогий берег, покрытый галькой, вынесло большую часть бочонков, но несколько штук спервa ударилось о выступающую каменную гряду.

На берегу уже стояли люди. Ловко и быстро они

согнали баграми бочки в кучу на отмель, пересчитали, потом обвязали верёвкой и оставили до утра. Бедные гномы! Бильбо повезло больше. Он соскользнул с бочки в воду, вышел на берег и бросился к домишкам, которые заметил невдалеке от реки.

Теперь он не колебался, когда предоставлялась возможность поужинать без приглашения, он уже привык пробавляться чужим. Он по горькому опыту знал, что значит быть по-настоящему голодным. Между деревьями мелькало пламя костра, притягивая к себе Бильбо, мокрого, дрожащего, в изодранной одежде.

Не будем подробно останавливаться на том, как он провёл ночь, — нам некогда, мы приближаемся к концу их путешествия на Восток и к последнему, самому важному приключению. Естественно, сперва волшебное кольцо ему, как всегда, помогло, но потом его выдали мокрые следы и лужицы, которые он оставлял, когда шёл или сидел. К тому же у него разыгрался насморк, и он, как ни старался удержаться, всё время громогласно чихал. Вскоре в деревушке поднялась суматоха. Тогда Бильбо удрал в лес и унёс каравай хлеба, кожаную флягу с вином и пирог, которые ему не принадлежали. Пришлось

скоротать остаток ночи мокрым, вдали от костра, зато фляга помогла ему согреться, и он даже подремал немного на опавших листьях, хотя пора была осенняя и погода промозглая.

Проснулся он оттого, что удивительно громко чихнул. Был серый рассвет, около реки стоял весёлый шум. Там сооружали плот из бочек, эльфы-плотовщики собирались сплавлять их вниз к Озёрному городу. Бильбо снова чихнул. С него больше не капало, но он совершенно продрог. Окоченевшие ноги плохо ему повиновались, но всё же он доковылял до берега и влез на груду бочонков, никем не замеченный в общей суете. Солнце ещё не взошло, так что Бильбо не отбрасывал тени, и, к счастью, долго не чихал. Багры заработали. Эльфы, стоявшие на мелководье, принялись отпихивать бочки, плот заскрипел и закачался.

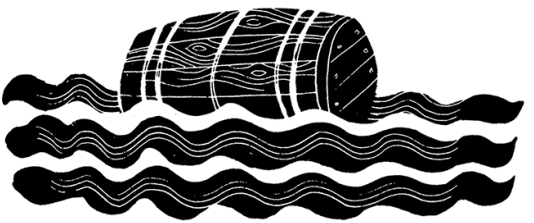
— Что-то нынче тяжёленьки! — ворчали эльфы. — И сидят слишком глубоко. В них точно что-то есть. Если бы приплыли днём, мы бы в них заглянули.

— Некогда! — прокричал плотовщик. — Толкайте!

И бочки наконец стронулись с места, сначала медленно, потом эльфы, стоявшие на каменном

мысу с шестами, оттолкнули их ещё разок, и бочки поплыли быстрее, быстрее, выскочили на середину реки, и их понесло к озеру.





10. Радушный приём



По мере того как они плыли дальше, становилось светлее и теплее. В скором времени река сделала поворот, обогнув круто поднимавшийся слева уступ, у подножия которого билась и бурлила вода, берега сгладились, деревья пропали из виду, и перед Бильбо открылась такая картина: впереди широко расстилалась низина, вся изрезанная ручейками, сотней извилистых ручейков, на которые распадалась здесь река; вода стояла в болотах и заводях, испещрённых островками. Но посредине равнины по-прежнему упорно

струилась сильная быстрая река. А вдалеке, уходя тёмной вершиной в растрёпанное облако, вздымалась Гора! Отсюда не видны были её соседки и холмистые подступы к ней. Гора вздымалась одиноко и глядела поверх болот на лес. Вот она — Одинокая Гора! Долгий путь прошёл Бильбо, много претерпел опасных приключений ради того, чтобы увидеть Гору. И как же она ему теперь не понравилась!

Из разговоров плотовщиков Бильбо узнал, что все сухопутные дороги с востока к Чёрному Лесу заглохли; что с той поры, как в горах обитали гномы, землетрясения изменили весь край. Болота и трясины разрастались, тропинки исчезали, всадники и пешие — тоже, если пытались отыскать дорогу среди топей. Тропа через Чёрный Лес, которой воспользовались гномы по совету Беорна, на своём восточном конце одичала. Только река предоставляла пока что единственный надёжный путь от северного края Чёрного Леса до равнины под сенью Горы.

Так что, сами видите, Бильбо удачно напал на единственную приличную дорогу. Если бы он знал, что весть об их побеге достигла ушей Гэндальфа, находившегося в ту пору очень далеко, и тот, обеспокоенный их судьбой, заканчивает свои

другие дела и собирается разыскивать Торина и К°, ему это доставило бы большое утешение. Но Бильбо, дрожавший на бочке, ничего не ведал. Он знал лишь, что река никак не кончается, что он смертельно голоден, схватил страшнейший насморк и что ему не нравится зловещий вид Горы, которая по мере приближения явно смотрит на него всё более неодобрительно и угрожающе.

Скоро, однако, река повернула к Югу, Гора осталась в стороне, к концу дня берега сделались скалистыми, и река, собрав воедино все свои разбежавшиеся веточки, превратилась в могучий, стремительный и глубокий поток.

Солнце уже село, когда, сделав ещё один крутой поворот, река влилась в Долгое Озеро. Долгое Озеро! Бильбо думал, что только в море бывает столько воды. Оно было такое широкое, что противоположные берега казались далёкими-далёкими, и такое длинное, что его северного конца вообще не было видно. Только зная карту, Бильбо помнил, что там, вдалеке, где мерцают звёзды Большой Медведицы, из Дейла в озеро сбегает река Быстротечная и вместе с Лесной заполняет бывшую горную долину. На южном конце озера вода спадала водопадом, и обе реки спешили дальше, уже вместе, в неведомые земли.

В вечерней тишине грохот водопада раздавался словно отдалённый рокот грома.

Близ устья Лесной стоял странный город, о котором упоминали эльфы в королевских погребах. Его выстроили не на суше (хотя и на берегу виднелись кое-какие строения), а прямо на озере. От сильного течения впадавшей здесь реки его защищал скалистый мыс. Широкий деревянный мост вёл с берега к высоким прочным сваям, на которых расположился деревянный город. Оживлённый, деловой, этот город всё ещё преуспевал, занимаясь торговлей; товары доставлялись сюда по реке с Юга до водопадов, оттуда их переправляли в город сушей. Но в прежние славные времена, когда на Севере процветал Дейл, Озёрный город был ещё богаче, ещё могущественнее, чем теперь, имел целую флотилию лодок, для того чтобы грузить золото и вооружённых воинов. В те времена случались войны и совершались деяния, память о которых осталась лишь в легендах. Груды развалин прежнего большого города виднелись в воде у берега, когда озеро в засуху мелело.

Многое уже забылось, хотя люди и пели старые песни про гномов — хозяев Горы, про королей Трора и Трейна из рода Дьюрина, про появление дракона и гибель властителей Дейла. В песнях

пелось и про то, как в один прекрасный день Трор и Трейн вернутся, и тогда золото потечёт рекой из ворот Горы, весь край огласится новыми песнями и радостным смехом. Но легенда легендой, а дела делами, и будничная жизнь текла своим чередом.

Едва на озере завидели плот, как от свай отделились лодки, плотовщиков окликнули, те бросили верёвки, на лодках заработали вёсла, плот стянули с быстрины и отвели за высокий мыс в залив. Там его пришвартовали к мосту. Вскоре должны были прибыть люди с Юга и одни бочки забрать с собой, а другие набить снедью, чтобы их опять доставили вверх по реке во дворец лесных эльфов. Покамест бочки остались качаться на воде, а плотовщики и лодочники отправились пировать в Озёрный город.

То-то они удивились бы, увидев, что творилось на берегу после их ухода, когда стемнело. Прежде всего Бильбо отрезал верёвки, выкатил одну бочку на сушу и вскрыл её. Послышались стоны — и оттуда вылез гном в самом жалком виде. В свалявшейся бороде застряла мокрая солома, всё тело так затекло и болело и так он был избит и исколочен, что еле удержался на ногах. Он побрёл по мелкой воде к берегу и там сразу

же со стоном повалился на песок. У него был вид, как у голодного пса, которого привязали в будке и забыли на неделю. То был Торин, и узнать его вы смогли бы только по золотой цепи и бывшему небесно-голубому, а теперь грязному и рваному капюшону с потускневшей серебряной кистью. Далеко не сразу он стал мало-мальски вежливо разговаривать с хоббитом.

— Ну что — живой вы или нет? — спросил наконец Бильбо довольно-таки сердито. Он, видно, забыл, что сам-то успел один раз сытно поесть, всё время свободно двигал руками и ногами и вволю дышал. — Не на свободе вы, что ли? Если хотите есть и намерены продолжать вашу дурацкую затею (да, да, вашу, а не мою), то похлопайте себя руками, разотрите ноги и постарайтесь помочь мне вынуть остальных, пока есть время!

Торин, конечно, внял голосу рассудка, с кряхтением поднялся и с грехом пополам помог хоббиту. Нелегко было им в темноте, копошась в холодной воде, распознать, в которых бочках сидят гномы. На стук и окрик отозвались только шестеро. Их откупорили и помогли им выбраться на берег, и они тут же повалились со стонами и охами на песок. Их до того промочило, скрючило и избило, что они не могли как следует прочувствовать

своего избавления и испытывать благодарность к избавителю.

Двалин и Балин пострадали больше всех, и ждать от них помощи было бесполезно. Бифур и Бофур были посуше и поцелее, но тем не менее легли на песок и не пожелали ничего делать. Фили и Кили, будучи помоложе и упакованные тщательнее в маленьких бочонках с большим количеством соломы, вылезли в довольно благополучном виде; они отделались всего несколькими синяками, а затёкшие руки и ноги скоро отошли.

— Ну, на всю жизнь нанюхался яблок! — проговорил Фили. — В бочке стоял такой яблочный дух… Без конца вдыхать запах яблок, когда не можешь шевельнуться, когда промёрз до костей и тебя мутит от голода — есть от чего сойти с ума. Я бы сейчас ел и ел что угодно, не останавливаясь, но яблока в рот не возьму.

Фили и Кили охотно взялись помогать, и вскоре оставшихся гномов вытащили на берег. Толстяк Бомбур то ли спал, то ли был без сознания. Дори, Нори, Ори, Ойн и Глойн наглотались воды и были чуть живы; их пришлось перенести на берег на руках.

— Итак, мы собрались вместе! — промолвил Торин. — Видимо, мы должны благодарить за это

судьбу и мистера Бэггинса. Он безусловно заслужил нашу благодарность, хотя и жаль, что он не подготовил более удобный способ транспортировки. Тем не менее ещё раз к вашим услугам, мистер Бэггинс. По-настоящему мы почувствуем благодарность, когда поедим и придём в себя. А пока — что делать дальше?

— Предлагаю идти в Озёрный город, — ответил Бильбо. — Что же ещё?

Ничего другого не оставалось, и, покинув остальных на берегу, Торин, Фили, Кили и хоббит направились вдоль озера к мосту. В начале моста стояли часовые, но они караулили не слишком бдительно, так как давно уже не было повода для беспокойства. Если не считать отдельных перебранок с лесными эльфами по поводу пошлины на пользование рекой, они были с ними в добрых отношениях. Больше поблизости никто не жил. Некоторые из молодых и вообще сомневались в существовании дракона и подсмеивались над дедками и бабками, которые утверждали, будто видали в молодости дракона, летавшего над городом. Неудивительно, что стражники пили и веселились у очага в караулке и не слышали, как вскрывали бочки, не слышали шагов четырёх лазутчиков. Они просто остолбенели, когда вошёл

Торин Оукеншильд.

— Кто ты такой, чего тебе надо? — завопили они, вскакивая и хватаясь за оружие.

— Я — Торин, сын Трейна, внук Трора, король Под Горой! — горделиво ответил гном, и в эту минуту он и выглядел как король, несмотря на порванную одежду и выпачканный капюшон. Золото сверкало у него на воротнике и кушаке, глаза горели глубоким таинственным огнём. — Я вернулся. Я хочу видеть вашего бургомистра.

Стражники пришли в неописуемое волнение. Те, кто поглупее, выбежали из караулки, как будто ожидали увидеть текущее по реке золото. Капитан выступил вперёд.

— А эти кто? — спросил он, указывая на Фили, Кили и Бильбо.

— Сыновья дочери моего отца, — ответил Торин, — Фили и Кили из рода Дьюрина. А это мистер Бэггинс, прибывший с нами с Запада.

— Если вы пришли с миром, положите оружие! — потребовал капитан.

— У нас его нет, — ответил Торин, и то была почти правда. Ножи у гномов лесные эльфы отобрали, Оркрист — тоже. У Бильбо, правда, оставался кинжал, но, как всегда, спрятанный под одеждой, и Бильбо промолчал. — К чему ору-

жие нам, кто воротился в своё королевство, как было предсказано встарь. Да мы и не могли бы сражаться против столь многих. Отведите нас к вашему бургомистру.

— Он на пиру, — возразил капитан.

— Тем более ведите! — взорвался Фили, которому эти церемонии надоели. — Мы устали, хотим есть после долгой дороги, среди нас больные. Поторапливайтесь, а то как бы вам не попало от вашего бургомистра.

— Хорошо, следуйте за мной, — согласился наконец капитан и в сопровождении шести солдат повёл их по мосту, в ворота и на главную площадь. Площадь, собственно, тоже была водой, и вокруг неё кольцом стояли на высоких сваях дома побольше. Потом они прошли по деревянной набережной, с которой вниз к воде спускались лестницы с многочисленными ступеньками. В одном самом большом доме (то была ратуша) сияли огни и раздавался гул голосов. Они вошли внутрь и остановились, ослеплённые светом, глядя на длинные столы и сидящих за ними людей.

— Я — Торин, сын Трейна, внук Трора, король Под Горой! Я вернулся! — воскликнул Торин в самых дверях, чтобы опередить капитана.

Все повскакивали с мест. Бургомистр тоже

встал с кресла. Но никто не был удивлён больше, чем плотовщики — эльфы, сидевшие в дальнем конце зала. Они столпились у стола, за которым сидел бургомистр, и закричали:

— Это пленники нашего короля, они сбежали из тюрьмы. Эти бродяги не желали объяснить, кто они такие и зачем шныряют в лесу и пугают наших эльфов.

— Правда это? — спросил бургомистр. Честно говоря, он не очень-то поверил в возвращение короля Под Горой (если таковой вообще существовал).

— Правда то, что нас незаконно схватили и по приказу короля эльфов заточили в темницу без всякого повода с нашей стороны. Мы совершали путешествие в свою страну, — ответил Торин. — Но никакие замки и никакие засовы не воспрепятствуют возвращению короля, предсказанному встарь. Насколько мне известно, ваш город не входит в царство лесных эльфов. Я говорю с бургомистром Озёрного города, а не с плотовщиками короля эльфов.

Бургомистр заколебался и вопросительно оглядел пирующих. Король эльфов считался могущественным правителем в этих краях. Бургомистр не хотел с ним ссориться, к тому же не

придавал большого значения старым песням. Его интересовали торговля, пошлины, грузы, золото, в них он понимал толк, благодаря чему и занимал свой теперешний пост. Но остальные были другого мнения, и вопрос быстро решился помимо бургомистра. Новость распространилась с быстротой пожара. В ратуше и снаружи раздавались приветственные возгласы, с набережной слышался топот бегущих ног. Кто-то затянул куплеты старых песен, в которых говорилось про возвращение короля Под Горой (то, что вернулся не сам Трор, а внук, их не смущало), кто-то подхватил песню, и она раскатилась над озером:

Король всех гор окрестных,
Пещер, ручьёв и скал,
Вернулся наконец-то
И править нами стал.

Опять в его короне
Сапфиры заблестят,
Куплеты старых песен
Повсюду зазвучат.

Зашелестят деревья,
И травы запоют,

И золотые реки
В долины побегут.

Сверкнут в траве озёра,
И зацветёт земля,
И кончатся раздоры
С приходом короля.

Вот такие были в ней слова, только она была гораздо длиннее и смешивалась с криками, звуками арф и скрипок. Поистине такого волнения в городе не помнил даже старейший из старцев. Лесные эльфы тоже дивились происходящему и немного испугались. Они ведь не знали, каким образом сбежал Торин, и начинали думать, что их король совершил серьёзную ошибку. Что касается бургомистра, то он почёл за лучшее прислушаться к гласу народа и хотя бы на время притвориться, будто верит Торину и его россказням. Он уступил ему своё большое кресло и усадил Фили и Кили рядом с Торином на почётные места. Даже Бильбо отвели место за головным столом, и в общей сумятице никто не попросил у него объяснить, откуда он-то взялся (ведь о нём в песнях не было ни одного самого отдалённого намёка).

Вскоре в город при всеобщем ликовании привели остальных гномов; ушибы и царапины им перевязали, их накормили, предоставили квартиры и ублажили самым восхитительным и исчерпывающим образом. Торина с компанией поселили в большом доме, дали им лодки и гребцов, целыми днями перед их домом толпился народ и распевал песни: стоило кому-нибудь из гномов высунуть нос на улицу, его радостно приветствовали. Песни пелись главным образом старые, но попадались и совсем новые, в которых с уверенностью говорилось про близкую гибель дракона и про то, как по реке в Озёрный город вот-вот потянутся суда с дорогими подарками. Вдохновителем этих новых песен был сам бургомистр, но они не привели гномов в особый восторг.

Тем временем они жили в довольстве, отъелись, потолстели и набрались сил. Собственно, через неделю они вполне оправились, нарядились в новую одежду из превосходной материи, каждый в свои цвета, бороды их были расчёсаны и ухожены, гномы выступали важно, а Торин ходил с таким гордым видом, будто уже отвоевал своё королевство и изрубил Смога на мелкие кусочки.

Вот тут-то, как он и прочил Бильбо, благодарность и уважение гномов к маленькому хоббиту стали расти с каждым днём. Никто больше не ворчал, не сетовал. Они пили за его здоровье, хлопали по спине и вообще всячески его обхаживали. Что было очень кстати, так как Бильбо находился далеко не в лучшем настроении. Он не мог забыть зловещего вида Горы, не переставал думать о драконе и, кроме того, был жестоко простужен. Три дня подряд он чихал и кашлял, сидел дома, а когда стал выходить, то всё равно его речи на банкетах ограничивались словами «бде очень бдиядно».

Тем временем лесные эльфы приплыли с грузами домой и произвели сенсацию во дворце своим сообщением. Я так и не знаю, что сталось с начальником стражи и главным дворецким. Никто из гномов во время своего пребывания в Озёрном городе, естественно, ни слова не проронил о ключах и о бочках, и Бильбо ни разу не надел кольца. Но кое-какие догадки у эльфов возникли, хотя мистер Бэггинс по-прежнему оставался для них загадкой.

Как бы то ни было, король знал теперь, зачем пожаловали сюда гномы, и сказал себе: «Так, так! Посмотрим! Всё равно без моего ведома через

Чёрный Лес им не провезти никаких сокровищ. Но скорее всего они плохо кончат, и поделом им!» Король нисколько не верил в то, что гномы захотят сражаться и сумеют победить такого опытного дракона, как Смог, и сильно подозревал, что они скорее всего предпримут попытку взлома. Это свидетельствует о его проницательности, которой не хватило людям из Озёрного города, хотя, как мы увидим в конце, король не совсем был прав. Послав своих шпионов на озеро и дальше, настолько близко к Горе, насколько позволял страх перед драконом, он стал ждать.

К концу второй недели Торин начал собираться в путь. Пока энтузиазм жителей не остыл, надо было заручиться их помощью. Тянуть было опасно. Он обратился к бургомистру и его советникам и объявил, что ему и его спутникам пора продолжать поход.

Тут впервые за всё время бургомистр удивился и немножко струхнул. И задумался — а вдруг Торин и в самом деле потомок прежних королей. Ему и в голову не приходило, что гномы отважатся идти на Смога. Он думал, что они обманщики, которых рано или поздно разоблачат и прогонят. Он ошибался. Ведь Торин действительно был внуком короля Под Горой, а на что не отважится

родовитый гном, если он задумал отомстить или вернуть свою собственность.

Но бургомистр и обрадовался, что гномы уходят. Содержать их было накладно: жизнь при них превратилась в сплошной затянувшийся праздник, а дела стали. «Пусть себе идут, сунутся к Смогу — посмотрим, как он их встретит!» — подумал он. А вслух сказал:

— Ну разумеется, о Торин, сын Трейна, внук Трора! Ты просто обязан отобрать свои сокровища. Час, который предсказывали старики, настал. Чем можем — тем вам поможем, но и вы уж отблагодарите нас, когда отвоюете королевство.

И вот в холодный осенний день, когда дул резкий ветер и с деревьев слетали листья, три большие лодки покинули Озёрный город, увозя гребцов, гномов, мистера Бэггинса и большие запасы продовольствия. Бургомистр и его советники вышли на ступени ратуши, чтобы пожелать им счастливого пути. Жители города пели им вслед песни. На воду упали некрашеные вёсла, лодки двинулись на Север. Наступил последний этап долгого путешествия.

И единственный, кто был удручён и несчастлив, это Бильбо.



11. На пороге



За два дня они пересекли Долгое Озеро и вышли в реку Быстротечную. Теперь Одинокая Гора возвышалась прямо перед ними. Против течения плыть было трудно. К концу третьего дня, проделав несколько миль вверх по реке, они причалили к левому, западному берегу и высадились на сушу. Здесь их ждали посланные раньше люди и пони с провизией и всем необходимым. Гномы, сколько могли, навьючили на пони, остальное сложили в палатку. Люди из Озёрного города, пригнавшие пони, не согласились переночевать

так близко к Горе даже одну ночь.

— Подождём, когда сбудутся песни! — сказали они.

В этой дикой местности легче было поверить в дракона, чем в Торина. Охранять запасы в палатке в сущности не требовалось, так как край был необитаемый. Поэтому свита покинула их и пустилась в обратный путь.

Наши путники провели тревожную ночь и несколько приуныли. На следующий день они сели на пони и продолжали путь. Балин и Бильбо, ехавшие сзади, вели на поводу двух пони, нагруженных тяжёлой поклажей; остальные прокладывали впереди тропу, ибо дорог не было. Они взяли к северо-западу от Быстротечной и всё приближались к большому отрогу Одинокой Горы, выступавшему им навстречу. Путешествие совершалось в тишине и безмолвии. Кончились смех, звуки арфы и пение; гордые надежды, зашевелившиеся было у них в душе, пока они внимали на озере старинным песням, угасли, место их заступил безысходный мрак. Они знали, что путешествие подходит к концу и конец может оказаться ужасным. Природа вокруг сделалась скудной и унылой, краски потускнели, тогда как, по словам Торина, в былые времена отличались

свежестью и разнообразием. Трава поредела, исчезли деревья и кусты — от них остались почерневшие корявые пни. Путники достигли Драконова Запустения, и достигли на исходе года. Они подъехали к самому подножию Горы, не встретив ничего угрожающего. Гора высилась прямо над ними, тёмная и жуткая. Они разбили лагерь на западном склоне большого отрога, кончавшегося бугром, который назывался Вороньей Высотой. Там когда-то находился сторожевой пост, но туда они пока не осмелились подняться — уж слишком это было оголённое место.

Прежде чем искать на западной стороне Горы потайную дверь, Торин выслал отряд разведчиков исследовать южный склон, где должны были находиться Главные ворота. Для этой цели он выбрал Балина, Фили с Кили и Бильбо. Те пробрались вдоль серых молчаливых утёсов к подножию Вороньей Высоты. Там река Быстротечная, сделав широкую петлю по долине, где некогда стоял Дейл, уходила от Горы в сторону озера, бурная и шумливая, как все горные реки. Берега её, голые и скалистые, обрывались в поток. Глядя сверху через узкую реку, которая пенилась и бурлила между валунов, они увидели в широкой долине темнеющие руины крепостных стен,

башен и старинных домов.

— Вот всё, что осталось от города Дейл, — промолвил Балин. — Склоны горы когда-то зеленели лесами, долина была изобильна и отрадна для глаз, в городе раздавался звон колоколов.

Голос Балина звучал печально, лицо помрачнело: он сопровождал Торина в тот день, когда появился дракон.

Идти дальше они не рискнули, а обогнули отрог и, спрятавшись за большим камнем, высунули головы: они увидели чёрное отверстие в высокой стене — Главные ворота. Оттуда выбегала река Быстротечная и оттуда же вырывались пар и чёрный дым. Вокруг всё было неподвижно, двигались лишь пар, вода, да изредка проносилась мрачная зловещая ворона. Тишину нарушал лишь шум потока, бегущего по камням, да хриплое карканье. Балин содрогнулся.

— Вернёмся! — сказал он. — Здесь нам делать нечего. Очень мне не нравятся эти противные птицы, они смахивают на вражеских лазутчиков.

— А дракон, значит, жив, сидит где-то под горой, если судить по дыму, — вставил хоббит.

— Скорее всего ты прав, хотя дым ещё ничего не доказывает, — возразил Балин. — Если бы

даже дракон улетел или притаился где-нибудь на одном из склонов, подкарауливая добычу, дым и пар, наверное, всё равно выходили бы наружу. Гора изнутри, вероятно, заполнена его зловонными испарениями.

Подавленные, стараясь не шуметь, возвращались они в лагерь под карканье ворон. Ещё так недавно, в июне, они гостили в прекрасном доме Элронда; сейчас только-только начиналась осень, но казалось, что прошла целая вечность. Они очутились в безлюдном, заброшенном месте, без всякой надежды на помощь. Путешествие их закончилось, но до конца приключения было по-прежнему далеко, а мужества и выдержки могло хватить лишь ненадолго.

Как ни странно, у мистера Бэггинса их осталось больше, чем у других. Он часто брал у Торина карту и рассматривал её, вдумываясь в значение рун и лунных букв. Именно он заставил гномов начать опасные поиски потайной двери на западных склонах. Они перенесли лагерь в длинную узкую долину, укрывшуюся за низкими отрогами. На этом западном склоне было меньше следов разбойничьих набегов дракона, даже сохранилось немного травы для их пони. Из этого нового лагеря, всегда закрытого тенью Горы, день

за днём, разбившись на отряды, они выходили на поиски. Если верить карте, где-то здесь высоко по склону пряталась потайная дверь. День за днём они возвращались в лагерь не солоно хлебавши.

И вдруг совершенно неожиданно они нашли то, что искали. Однажды Фили, Кили и хоббит прошли в конец узкой долины и копошились там среди камней. Около полудня, заглянув за большой, торчащий, точно столб, обломок скалы, Бильбо увидел нечто вроде грубых ступеней. Он подозвал двух гномов, и они в волнении начали подниматься втроём по ступенькам, которые вывели их на тропку, местами пропадавшую, местами всё-таки заметную, и так, по ней, пришли на гребень южного отрога, а оттуда — на узкий выступ, огибавший Гору. Поглядев вниз, они увидели, что прямо под ними лежит лагерь. Осторожно поднимаясь по скале, они прошли гуськом по узкому выступу, свернули за угол и очутились на небольшой укромной площадке, заросшей травой. Вход на неё снизу, от лагеря, виден не был. Скала, к которой примыкала площадка, была совершенно гладкая и ровная, точно сложенная каменщиком. Ни трещин, ни стыков, ничего похожего на косяки, притолоку или порог, никаких следов засова, щеколды или

скважины — и однако они не сомневались, что перед ними та самая дверь.

Они колотили по ней, толкали, пихали и наваливались на неё, умоляли открыться, произносили обрывки заклинаний, отворяющих двери, — скала оставалась неподвижной. Наконец, выбившись из сил, они растянулись на траве, а когда завечерело, начали спускаться вниз.

В ту ночь в лагере не утихало возбуждение. Наутро все покинули лагерь, оставив Бофура и Бомбура караулить пони и те припасы, что они захватили с реки. Остальные, пройдя долину, взобрались по найденной накануне тропе на узкий выступ. Там было не пронести тюков — тропинка обрывалась с одной стороны вниз на глубину пятидесяти метров. Зато каждый гном обмотал вокруг пояса верёвку. Они благополучно достигли травянистой ниши, там, наверху, устроили новый лагерь и подняли на верёвках из нижнего всё необходимое. Таким же способом они потом опускали друг друга, чтобы обменяться новостями с караульными или сменить Бофура. Бомбур ни под каким видом не желал подняться наверх — ни на верёвках, ни по тропе.

— Я не муха, чтобы порхать над обрывом, — отвечал он. — Закружится голова, наступлю себе на

бороду, и опять вас станет тринадцать. А верёвки меня не выдержат.

Как вы увидите позже, верёвки, к счастью для него, выдержали…

Тем временем друзья обследовали выступ дальше и обнаружили тропинку, которая вела наверх. Но далеко уходить побоялись, да и не видели надобности. На вершине царила тишина, лишь ветер шуршал в трещинах. Они разговаривали тихо, не пели, не перекликались — опасность подстерегала повсюду. Те, что возились с дверью, пока ничего не добились. В своём нетерпении они махнули рукой на руны и лунные буквы и без устали пытались определить на глаз, где именно на гладкой поверхности скалы прячется дверь. Они привезли из Озёрного города кирки и другие инструменты и сперва попробовали применить их. Но при первом же ударе о скалу рукоятки раскололись, чуть не повыдергав им руки из плеч, стальные части сломались или погнулись, точно свинцовые. Гномы поняли, что их навыки в горном деле бессильны против чар, которые заперли эту дверь. Они испугались и того шума, который сами же наделали: каждый удар усиливался эхом.

Бильбо до смерти надоело сидеть на пороге.

То есть никакого порога, разумеется, не было, просто гномы в шутку назвали так травянистый пятачок; они припомнили Бильбо его слова, сказанные ох как давно, когда к нему в норку нагрянули нежданные гости. Он тогда сказал, что они посидят на пороге и что-нибудь придумают. И вот теперь они сидели и сидели, думали и думали или бесцельно топтались поблизости, и лица их всё вытягивались и вытягивались.

Они было воспрянули духом, обнаружив тропу, но теперь совсем приуныли. И всё же не хотели сдаться и уйти ни с чем. Теперь и хоббит был не бодрее других. Он ничего не делал, только сидел, прислонившись к скале, и глядел на запад, поверх отрогов, поверх широких просторов, за чёрную стену Чёрного Леса, туда, где ему всё мерещились Туманные горы. Если его спрашивали, что он делает, хоббит отвечал:

— Вы же говорили, что моё дело сидеть на пороге и думать, как попасть внутрь, вот я и думаю.

Но подозреваю, что он думал не столько о деле, сколько о той стране, что лежала в голубой дали, о тихой родной стране и о своей хоббичьей норке под Холмом.

В траве посредине площадки лежал серый камень. Бильбо обычно сидел, уныло уставившись

на него или следя за большими улитками. Тем, видно, нравилась укромная площадка, прохладные стены, и они медленно ползали по ним, с удовольствием присасываясь к камню.

— Завтра пойдёт последняя неделя осени, — сказал однажды Торин.

— А за ней последует зима, — добавил Бифур.

— И наступит следующий год, — закончил Двалин, — и бороды у нас будут расти, пока не свесятся со скалы до самой долины, а здесь по-прежнему ничего не произойдёт. Чем только занимается наш Взломщик? Раз у него есть кольцо-невидимка, — значит, теперь с него и спрос больше, вполне мог бы пройти в Главные ворота и разведать как и что.

Бильбо услышал его слова (гномы находились наверху, как раз над нишей) и подумал: «Боже милостивый, так вот что они придумали! Несчастный я несчастный, вечно я должен вызволять их из неприятностей, во всяком случае, после отъезда волшебника. Что же мне делать? Так я и знал, что в конце меня ждёт что-то совершенно ужасное. Нет, я просто не в состоянии видеть ещё раз ту злосчастную долину Дейла. А дымящиеся ворота чего стоят!..»

Он так расстроился, что ночью почти не со-

мкнул глаз. На следующий день гномы разбрелись кто куда; одни, спустившись вниз, совершали моцион на пони, другие лазали по склону. Весь день Бильбо в унынии просидел в нише, глядя на камень или вдаль через узкий проход. У него было странное чувство, будто он чего-то ждёт. «Может, волшебник вдруг объявится», — думал он.

Когда он поднимал голову, то видел кусок дальнего леса. Вот солнце повернуло на запад — и на лес легло жёлтое пятно, как будто солнце осветило последнюю осеннюю листву. Вскоре большой оранжевый шар скатился к горизонту. Бильбо увидел довольно высоко над краем земли еле заметный бледный узенький серп новорождённой луны. В тот же момент он услышал у себя за спиной резкое щёлканье. Он обернулся: на сером камне сидел большущий дрозд, угольно-чёрный, с бледно-жёлтой грудкой, пестревшей тёмными точками. Щёлк! Дрозд схватил улитку и ударил ею об камень. Щёлк! Шёлк!

И вдруг Бильбо осенило! Забыв про осторожность, стоя на самом краю карниза, он стал громко звать гномов и махать руками. Гномы, спотыкаясь о камни, бросились к нему, недоумевая, что случилось.

Бильбо быстро всё объяснил. Все замолчали:

хоббит стоял у серого камня, гномы нетерпеливо ждали. Солнце спускалось всё ниже, и надежды их таяли. Солнце село в полосу багровых облаков и скрылось. Гномы застонали, но Бильбо по-прежнему стоял не двигаясь. Узенький серп начал спускаться к горизонту. Стало темнеть. И вдруг, когда все уже совсем отчаялись, сквозь просвет в облаках прорвался красный луч. Он проник через узкий проход в нишу и упал на гладкую поверхность скалы. Дрозд, который, склонив голову набок, тоже следил за ним со своего насеста бусинками глаз, вдруг застрекотал. От стены с треском отскочил каменный осколок. На высоте трёх футов от земли, в том месте, куда упал луч, в скале вдруг появилась дырочка.

Испугавшись, как бы не пропустить момент, гномы кинулись к скале и навалились на неё — она не подавалась.

— Ключ! Ключ! — крикнул Бильбо. — Где Торин?

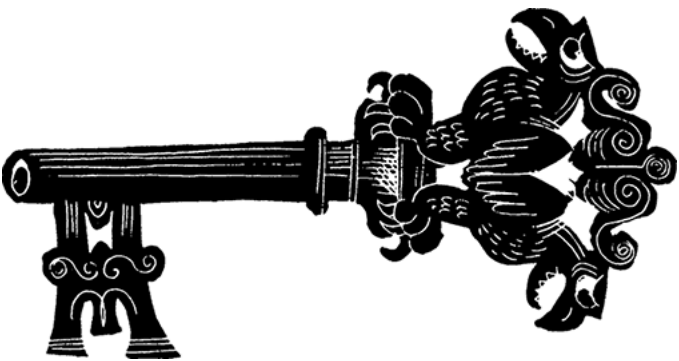
Подбежал Торин.

— Ключ! — закричал ему Бильбо. — Который был при карте! Скорее, а то будет поздно!

Торин выхватил ключ, висевший у него на груди, и вставил в дырочку. Ключ подошёл! Торин повернул его. Дзинь! Луч пропал, луна исчезла,

небо почернело.

Они опять нажали на дверь, и часть стены медленно-медленно отошла. Появились длинные прямые щели. Очертилась дверь в пять футов вышиной и в три шириной и беззвучно и тяжело распахнулась внутрь. Из глубины, словно пар, выплыла темнота, глазам их предстала глубокая зияющая чернота — разверстый вход в глубь Горы.



12. Что ждало их внутри



Гномы долго стояли перед дверью и спорили, и наконец Торин произнёс речь:

— Настало время для того, чтобы высокочтимый мистер Бэггинс, проявивший себя за долгое время пути как превосходный компаньон, как хоббит, исполненный отваги и находчивости, поражающими несоразмерностью с его небольшим ростом, и, если я могу так выразиться, наделённый запасом удачливости, который превышает обычный, отпущенный судьбой… Настало, повто-

ряю, время для того, чтобы он оказал нам услугу, ради которой его включили в нашу Компанию, и заработал обещанную долю.

Вы уже знакомы со стилем Торина в исключительно важных случаях, поэтому не буду пересказывать его речь дословно. Он распространялся ещё довольно долго. Случай был действительно важный, но хоббитом овладело нетерпение. Он тоже достаточно хорошо изучил Торина и сразу сообразил, к чему тот клонит.

— Если от меня ждут, чтобы я первым вошёл в потайную дверь, о Торин Оукеншильд, сын Трейна, да удлинится бесконечно твоя борода, — сказал Бильбо с раздражением, — то так и скажите! Я мог бы, конечно, отказаться. И так я уже вызволял вас дважды, а это в сделку не входило, так что кое-какую награду я уже заслужил. Но, как говаривал мой отец, «третий раз за всё платит». И пожалуй, я не откажусь. Я теперь больше верю в свою счастливую звезду, чем в былые времена (он имел в виду прошлую весну, перед тем как покинул родной дом, но ему казалось, что то было тысячу лет назад). Ладно, чтобы отвязаться, я согласен заглянуть туда разок. Кто составит мне компанию?

Он не ожидал, что раздастся хор добровольцев,

поэтому и не был разочарован. Фили и Кили явно чувствовали себя неловко и переминались с ноги на ногу. Все остальные даже и не скрывали своего нежелания присоединиться к Бильбо — все, кроме старого Балина, вечного караульного, который очень привязался к хоббиту. Он сказал, что во всяком случае зайдёт внутрь и, может быть, даже сделает с десяток шагов, чтобы в крайнем случае было кому позвать на помощь.

Что я могу сказать гномам в оправдание? Что они были намерены щедро заплатить Бильбо за его услуги. Раз они взяли его специально для того, чтобы он делал за них трудную работу, то и не возражали, чтобы он её сделал, коли сам не против. Но они непременно выручили бы его из беды, как поступили уже в начале путешествия при встрече с троллями, когда у них ещё не было никаких причин быть ему благодарными. Что правда, то правда: гномы не герои, а расчётливый народец, превыше всего ставящий деньги; попадаются гномы хитрые и коварные и вообще дрянные. Но есть и вполне порядочные, вроде Торина с Компанией, только не надо ждать от них слишком многого.

На бледном небе, запятнанном чёрными облаками, показались звёзды. Хоббит юркнул в

заколдованную дверь. Идти внутри Горы оказалось делом несложным. Это вам не гоблинские низкие туннели и не корявые подземные ходы в пещере лесных эльфов. Коридор в Горе был сделан гномами в расцвете их могущества и мастерства: прямой, как по линейке, с гладким полом и гладкими стенками, он шёл под уклон ровно и плавно, куда-то в таинственную черноту.

Через короткое время Балин пожелал Бильбо удачи и остался стоять посреди туннеля, откуда ещё виднелись неясные очертания двери и, из-за особого устройства туннеля, шелестящий шёпот гномов слышался совсем близко. Затем Бильбо надел кольцо и стал красться по туннелю вглубь и вниз. Напуганный преувеличенно громкими отголосками эха, он превзошёл себя самого в бесшумности и осторожности. Он дрожал от страха, но на физиономии у него были написаны решимость и суровость. Ведь он был далеко не тот хоббит, который выбежал когда-то без носового платка из Бэг-Энда. Он обходился без платка уже целую вечность. Проверив, на месте ли кинжал, он затянул кушак и продолжал путь.

«Вот оно, Бильбо Бэггинс, — сказал он себе. — Ты по собственной воле увяз в этом деле с головой, вот теперь и расплачивайся за свою глупость.

Какой же я идиот! — твердил в нём отнюдь не туковский голос. — На что мне сдались сокровища дракона? Если бы я мог проснуться и очутиться не в этом проклятом туннеле, а в своей прихожей! Да пускай бы сокровища оставались здесь на века вечные!»

Поскольку это был не сон, то он и не проснулся, а продолжал идти вперёд да вперёд. Наконец очертания двери исчезли, Бильбо остался совсем один. Вскоре сделалось жарковато. «Может, жар идёт из глубины? Я вижу впереди яркое зарево», — подумал он.

Так оно и было. Красный свет разгорался всё ярче, и в туннеле становилось положительно жарко. Над Бильбо начали проплывать клочья пара, окутывать его. Бильбо обливался потом, ему слышался какой-то булькающий, пульсирующий шум, похожий на клокотание большого котла, кипящего на огне, и одновременно на мурлыканье гигантской кошки. Вскоре Бильбо безошибочно узнал храп крупного зверя. Впереди, в красном зареве кто-то спал. Бильбо на момент приостановился. Но только на момент — и сразу двинулся дальше. Это был самый мужественный поступок в его жизни. Бильбо одержал настоящую победу над самим собой перед лицом неведомой

опасности, подстерегающей его впереди. Итак, после короткой остановки Бильбо двинулся дальше. Вообразите себе теперь такую картину: Бильбо доходит до конца туннеля, до отверстия приблизительно той же величины и формы, что наружная дверь, заглядывает туда; перед ним открывается сокровищница древних гномов — самая нижняя пещера у самого основания Горы. Там темно, границ огромной пещеры не видно, можно лишь догадываться о её величине; вблизи же на каменном полу огненная громада. И эта громада — Смог!



Исполинский золотисто-красный дракон лежал и крепко спал. Из пасти и из ноздрей вырывался дребезжащий звук и струйки дыма, но пламени он сейчас не извергал. Под его туловищем, под всеми лапами и толстым свёрнутым хвостом, со всех сторон от него, скрывая пол, высились груды драгоценностей: золото в слитках, золотые изделия, самоцветы, драгоценные камни в оправе, жемчуг и серебро, отливающее красным в этом багровом свете.

Смог спал на боку, сложив крылья, подобно громадной летучей мыши; хоббит видел снизу его длинный живот, в который вдавились драгоценные камни и золото от долгого лежания на богатом ложе. На ближайшей к нему стене смутно поблёскивали кольчуги, шлемы, топоры, мечи и копья, на полу рядами стояли большие кувшины и сосуды, вмещавшие несметные богатства.

Сказать, что у Бильбо захватило дух, будет слишком слабо. С тех пор как люди исказили язык эльфов, которому научились в эпоху, когда мир был несказанно прекрасен, не найдётся слов, чтобы выразить всё удивление и восхищение Бильбо. Он и раньше слыхал рассказы и песни про сокровищницы драконов, но не мог представить себе их великолепия, да и страсть гномов

к золоту была ему чужда. Но сейчас душа его прониклась восторгом; словно околдованный, он застыл на месте, забыв про страшного стража.

Он глядел и глядел и не мог оторваться, потом, словно его влекла какая-то сила, прокрался к куче сокровищ. Над его головой спал дракон, страшный и грозный даже во сне. Бильбо схватил большую чашу с двумя ручками, такую тяжёлую, что еле поднял её, и со страхом бросил взгляд наверх. Смог шевельнул крылом, расправил когти, храп зазвучал по-иному…

Бильбо ринулся к выходу. Но дракон пока не проснулся, просто теперь ему снился другой сон. Маленький хоббит мчался по длинному туннелю. Сердце его стучало, ноги тряслись, он сжимал чашу и мысленно твердил: «Ай да я! Теперь они увидят! Так, значит, я больше смахиваю на бакалейщика, чем на взломщика? Пусть-ка попробуют повторить это!»

Но никто и не думал этого повторять. Балин был счастлив видеть хоббита живым, изумлён и ничуть не меньше восхищён. Он взял Бильбо на руки и вынес наружу. Была ночь, облака застилали звёзды, Бильбо лежал с закрытыми глазами, переводил дух и наслаждался свежим воздухом, не замечая, как взволнованные гномы хвалят его,

хлопают по спине и обещают услуги всех членов своих семей из поколения в поколение.

Гномы всё ещё передавали из рук в руки чашу и с воодушевлением обсуждали, как обретут в недалёком будущем все свои сокровища.

Вдруг внутри Горы послышался глухой раскат грома, как будто рокотал потухший вулкан, надумавший опять извергаться. Они прикрыли дверь и заложили щель камнем, чтобы дверь не захлопнулась, но из глубины Горы доносились страшный грохот, рёв и топот, так что скала под ними сотрясалась.

Гномы сразу забыли своё самонадеянное бахвальство и съёжились от страха. Упускать из виду Смога было рано. Если живёшь бок о бок с драконом, изволь с ним считаться. Драконы не умеют найти применение своему богатству, зато, как правило, знают каждую вещь наперечёт. Смог не был исключением из правила. Беспокойный сон (в нём самым неприятным образом фигурировал какой-то мелкорослый воин невиданной отваги, обладатель страшного меча) сменился дремотой, потом дракон вдруг пробудился. В пещере пахло чем-то незнакомым. Может быть, запах принесло в ту дыру? Хоть и маленькая, она всегда слегка тревожила Смога.

Он уставился на неё с подозрением. Отчего он не завалил её давным-давно? В последнее время ему даже чудилось доносившееся оттуда слабое постукивание. Он поднял голову и втянул воздух. И тут заметил, что исчезла чаша.

Воры! Пожар! Убийство! Такого не случалось ещё ни разу с тех пор, как он поселился в Горе! Ярость его не поддаётся описанию; такую ярость испытывают лишь купающиеся в роскоши богачи, если у них внезапно пропадёт вещь, которой они обладают давно, но которая не понадобилась им ни разу в жизни. Смог изрыгнул пламя, пещера наполнилась дымом, гора зашаталась. Он попытался засунуть голову в дыру, потом заревел что было мочи и, втянув шею, помчался вон из логова по просторным туннелям горного дворца к Главным воротам. В голове у него сидела одна мысль: обшарить всю гору, изловить вора, растерзать и растоптать его! Смог вылетел из ворот, вода в реке зашипела, со свистом поднялся пар; разбрызгивая огонь, Смог взмыл в воздух и приземлился на вершине Горы, окружённый языками зелёного и алого пламени. Гномы услыхали страшный шум его крыльев и вжались в стену, надеясь спрятаться от драконьих глаз, высматривающих врага.

Все они неминуемо погибли бы, если бы опять-таки не Бильбо.

— Скорей! — шёпотом приказал он. — За дверь! В туннель! Здесь оставаться нельзя!

Только они хотели нырнуть внутрь горы, как вдруг Бифур закричал:

— Мои братья! Бомбур и Бофур! Мы забыли про них, они внизу в долине!

— Они погибнут, и наши пони тоже, мы останемся без припасов! — застонали остальные гномы. — Мы ничего не можем поделать!

— Вздор! — оборвал их Торин. К нему вернулось прежнее достоинство. — Мы не можем их бросить! Внутрь войдут мистер Бэггинс, Балин, а также Фили и Кили — все сразу дракону не достанутся. Остальные… где верёвки? Живей!

Вероятно, за всё время похода в такую передрягу они ещё не попадали. Наверху по горным ущельям гулко гремел рёв взбешённого дракона. В любой момент он мог слететь вниз, изрыгая пламя, или облететь Гору и застать их в тот момент, когда они бешено тянули верёвки на краю обрыва. Бофур успел подняться, всё было тихо. Потом показался Бомбур, он пыхтел и отдувался, верёвки скрипели, но вокруг было по-прежнему тихо. Потом втащили инструменты и мешки с

провизией… И тут разразилась гроза! Послышался резкий свист крыльев. Верхушки скал тронул красный отсвет. То был Смог.

Они едва успели нырнуть в туннель и втащить свои мешки, как из-за Горы вывернулся дракон; крылья его издавали дикий свист, подобный завыванию ветра, пламя лизало склон Горы. Огненное дыхание спалило траву перед дверью, проникло в приоткрытую дверь и обожгло гномов. Дрожащее пламя взметнулось вверх, чёрные тени скал заплясали. Потом снова воцарилась темнота. Внизу пони заржали от страха, разорвали верёвки и в панике ускакали. Дракон ринулся за ними вдогонку.

— Только мы их и видели! — проговорил Торин. — Если Смог заметит кого, спасения нет. Тут нам суждено и остаться, разве только у вас возникнет охота вернуться к реке по открытому пространству на глазах у Смога.

Такая перспектива никого не прельстила. Они отползли подальше от входа и лежали так, пока в приоткрытую дверь не заглянул бледный рассвет. Они дрожали всем телом, хотя внутри было тепло и душно. В течение ночи они несколько раз слышали то нарастающий, то затихающий рёв дракона, облетавшего Гору.

Увидев пони и следы лагеря, дракон, конечно, догадался, что с реки и озера кто-то приходил, и теперь раз за разом прочёсывал склон Горы с той стороны, где стояли пони. Но каменную дверь он не заметил, а укромная терраска не пропускала в туннель палящее пламя. Тщетно дракон обыскивал гору, наконец к рассвету злоба его остыла — и он отправился на своё золотое ложе спать и набираться сил. Грабежа он не забыл и не простил бы даже через тысячу лет, когда время обратило бы его самого в обуглившийся камень, но он мог позволить себе ждать. Неторопливо заполз он в своё логово и прикрыл глаза.

С наступлением утра страх у гномов немного рассеялся. Они поняли, что подобного рода происшествия неизбежны, когда имеешь дело с таким грозным и коварным хранителем сокровищ, и пока рано отказываться от задуманного. Всё равно им, как справедливо сказал Торин, пока не уйти отсюда. Пони их пропали или были съедены, требовалось выждать, пока Смог ослабит свою бдительность, а они наберутся смелости двинуться в обратный путь пешком. Хорошо ещё, что они спасли часть продуктов и могли протянуть некоторое время.

Они долго обсуждали, как быть, но не приду-

мали никакого способа избавиться от Смога. Бильбо так и подмывало упрекнуть гномов за то, что с самого начала эта проблема была слабым местом в их замыслах. Но тут, как свойственно попавшим в безвыходное положение, гномы принялись брюзжать и укорять хоббита за то, что поначалу им так понравилось — а именно, что он унёс чашу и слишком рано разозлил Смога.

— А что ещё прикажете делать взломщику? — сердито огрызнулся Бильбо. — Меня нанимали не драконов убивать — это дело воинов, а красть сокровища. Я положил такое начало, какое мог. А вы ожидали, что я приволоку на спине всё богатство Трора? Уж кому жаловаться, так это мне. Вам надо было захватить с собой пятьсот взломщиков, а не одного. Дедушка ваш, конечно, заслуживает всяческих похвал, но вы-то не подумали ознакомить меня с размерами его богатства. Чтобы вынести все сокровища наверх, мне понадобилась бы не одна сотня лет, и то если бы я был в пятьдесят раз больше, а Смог — кроткий, как ягнёнок.

После этого гномы извинились перед Бильбо.

— Что же вы предлагаете, мистер Бэггинс? — учтиво осведомился Торин.

— Если вы спрашиваете про то, как вынести

сокровища, то пока не представляю. Несомненно, это зависит от того, насколько удачный оборот примут наши дела и удастся ли избавиться от Смога. Вообще-то избавляться от драконов — не моя специальность, но я постараюсь сделать всё от меня зависящее. Лично я не надеюсь ни на что и хотел бы только добраться живым до дома.

— Ну, до этого ещё далеко. Что нам делать сегодня, сейчас?

— Хорошо, если хотите знать моё мнение, то мы должны сидеть, где сидим. Днём мы, вероятно, сможем выходить на воздух. А вскоре, возможно, рискнём послать кого-нибудь вниз к складу — пополнить наши запасы. Но помните: к ночи все должны возвращаться в туннель. А теперь я предлагаю вам следующее. У меня есть кольцо. Сегодня же днём, когда Смог, вернее всего, заснёт, я проберусь туда. Быть может, что-нибудь произойдёт новенькое. «У всякого дракона есть слабое место», — говаривал мои отец, но думаю, что он основывался не на личном опыте.

Гномы, само собой разумеется, с энтузиазмом приняли его предложение. Они уже очень уважали маленького Бильбо. К полудню он был готов ко второй вылазке в логово дракона. Если бы он знал побольше о драконах и их коварстве, то, может,

и не был бы так уверен в себе и не рассчитывал застать Смога спящим.

Снаружи сияло солнце, но в туннеле было темно, как ночью. Полоска света из прикрытой двери вскоре пропала. Столь бесшумны были шаги Бильбо, что беззвучнее мог быть лишь дымок на слабом ветру. Он уже поздравлял себя, подходя к дальнему концу туннеля. Оттуда еле виднелся свет.

«Старина Смог устал, спит, — подумал Бильбо. — Видеть он меня не может, слышать тоже. Не унывай, Бильбо!» Он не знал или же забыл об остром нюхе драконов. Кроме того, у них имеется весьма неудобное свойство — спать с приоткрытыми глазами, если что-то возбуждает их подозрение.

Бильбо заглянул в пещеру. Смог, казалось, крепко спал и лежал, как мёртвый, в темноте, потушив своё пламя, даже дымок не вырывался из ноздрей. Бильбо только хотел спустить ногу на пол, как вдруг из-под опущенного века драконова левого глаза блеснул тоненький красноватый луч. Смог только притворялся, что спит! Он наблюдал за входом! Бильбо отпрянул и ещё раз благословил судьбу за кольцо. И тут Смог заговорил:

— Ага, пожаловал вор! Я тебя чую, я слышу твоё

дыхание. Милости прошу, бери ещё, тут всего вдоволь, не стесняйся!

Однако Бильбо был не таким уж невеждой по части драконов. Если Смог думал заманить его внутрь, то он просчитался.

— Спасибо, о Смог Ужасный! — ответил он. — Я пришёл не за подарками. Я просто хотел взглянуть, так ли ты огромен и страшен, как рассказывают. Я не очень верил сказкам.

— И как ты меня находишь? — спросил дракон, невольно польщённый, хотя и не поверил ни одному слову Бильбо.

— Поистине песни и сказки далеки от действительности, о Смог, Приносящий погибель, — ответил Бильбо.

— Для вора и лжеца ты очень воспитан, — заметил дракон. — Ты, оказывается, знаешь моё имя, но мне твой запах что-то незнаком. Кто ты такой и откуда?

— Я из-под Холма; мой путь лежал через горы, под горами и по воздуху. Я тот, кого никто не видит.

— Это-то я и сам вижу, — ответил Смог. — Но вряд ли это твоё настоящее имя.

— Я — Разгадывающий загадки и Разрубающий паутину, я — Жалящая Муха. Меня избрали для

счастливого числа.

— Прелестные прозвища! — фыркнул дракон. — Но счастливое число не всегда выигрывает.

— Я тот, кто живыми хоронит друзей, топит их и достаёт живыми из воды. Я тот, кто невредимым выходит из костра, из воды, из-под земли.

— Что-то с трудом верится, — усмехнулся дракон.

— Я — друг медведей и гость орлов. Находящий кольца, Приносящий счастье, Ездок на бочках, — продолжал Бильбо, очень довольный своими загадками.

— Это уже лучше! — одобрил Смог. — Но не очень-то увлекайся! Придержи своё воображение.

Разговаривать с драконами нужно именно так, когда не хочешь раскрыть своё настоящее имя (что весьма благоразумно) и не хочешь разозлить их прямым отказом (что тоже весьма благоразумно). Никакой дракон не устоит перед соблазном поговорить загадками и потратить время на их разгадывание. Смог не всё понял (в отличие от вас, вам-то известны все приключения Бильбо), но кое-что сообразил и, довольный, посмеялся в своей гнусной душе.

«Так я и подозревал, — подумал он. — Ясно,

люди с озера задумали какую-то гадость. Презренные торговцы бочками, чтоб мне быть ящерицей! Я не заглядывал туда целую вечность, но теперь я ими займусь!»

— Отлично, Ездок на бочках! — сказал он вслух. — Может быть, Бочкой звали твоего пони? Он действительно был довольно жирный. Видно, ты не всю дорогу сюда проделал по воздуху и пешком. Должен тебе доложить, прошлой ночью я съел шестерых пони и скоро поймаю и съем остальных. В отплату за вкусный ужин я дам тебе полезный совет: не водись с гномами, тебе же лучше будет.

— С гномами? — переспросил Бильбо, притворяясь удивлённым.

— Нечего притворяться! — обрезал его Смог. — Кто кто, а уж я знаю запах и вкус гномов. Как будто я могу съесть пони из-под гнома и не учуять запаха! Ты плохо кончишь, Вор на бочках, если будешь знаться с гномами. Так им и передай от моего имени.

Он скрыл от Бильбо, что одного запаха — запаха хоббита — он не разобрал, так как никогда с ним раньше не сталкивался, и теперь был немало озадачен.

— Ну что, хорошие денежки получил вчера за

мою чашу? — продолжал дракон. — Ну, скажи честно? Как, ровно ничего?! Очень на них похоже. Они, стало быть, прячутся за твоей спиной, а ты за них отдувайся, тащи у меня всё, что плохо лежит? И чего ты из кожи лезешь? Тебе пообещали приличный куш? И не мечтай! Радуйся, если ноги унесёшь.

Бильбо стало очень и очень не по себе. Каждый раз, как луч драконова глаза, шаривший по пещере, попадал на него, он трясся от страха и его охватывало безотчётное желание выскочить на середину пещеры, снять кольцо и во всём признаться Смогу. Словом, драконовы чары начинали на него действовать. Собрав всё своё мужество, Бильбо ответил:

— Тебе известно не всё, о Смог Могущественный, не только золото привело нас сюда.

— Ха-ха-ха! — расхохотался Смог. — Вот и проговорился! Нас! Скажи уж прямо «нас четырнадцать», мистер Счастливое Число! Рад слышать, что у вас есть и другие дела в наших краях. Тогда, может быть, у вас ещё не всё потеряно. А тебе не приходило в голову, что украсть золото ты, может, и украл бы понемножку, лет этак за сто или больше, но далеко ли унёс бы его? К чему оно на горе? Или в лесу? Силы небесные! Ты ни разу

не задумался, прибыльное ли это дело? Четырнадцатая часть — столько тебе обещали? А как доставить её? А стоимость перевозки? А сколько уйдёт на вооружённую охрану и налоги?

И Смог громко захохотал. Душа у него была злобная и низкая; он знал, что его догадка недалека от истины. Но предполагал, что всё это затеи людей с озера и большая часть добычи осядет в Озёрном городе, который в дни его молодости назывался Эсгарот.

Трудно поверить, но бедный Бильбо действительно был огорошен. До сих пор все его помыслы и силы сосредоточивались на том, как бы добраться до Горы и найти вход. Он ни разу не задумался над тем, как вынести сокровища из Горы, а уж тем более, как доставить в Бэг-Энд Под Холмом свою долю. Сейчас у него возникло нехорошее подозрение: а что, если гномы знают об этом важном моменте и втихомолку посмеиваются над Бильбо? Вот какое действие оказывают на неопытных драконовы речи. Конечно, Бильбо следовало бы остеречься, но уж очень деспотичной натурой был Смог.

— Я тебе вот что скажу, — Бильбо сделал попытку не поддаваться дракону и остаться верным своим друзьям, — мысль о золоте пришла нам в

голову не сразу. Мы прибыли сюда над горами и под горами, по воде и по воздуху для МЕСТИ. Ведь не можешь же ты не сознавать, о Смог безмерно богатый, что твоё богатство создало тебе много врагов?

Тут Смог опять расхохотался, но как!.. От этого сокрушительного хохота Бильбо бросило на землю, а далеко наверху гномы прижались друг к другу, решив, что хоббиту пришёл безвременный и ужасный конец.

— Месть! — фыркнул Смог, и глаза его загорелись ярким огнём, озарившим пещеру от пола до потолка, словно молния. — Месть! Король Под Горой давно умер, а куда подевались его родственнички? Что-то я не вижу, чтобы они рвались в бой, чтобы свести со мной счёты. Властелин Дейла Гирион умер, его народ я пожрал, как волк овец, а где сыновья его сыновей? Они и близко не смеют подойти. Я убиваю, когда захочу, никто не дерзает сопротивляться. Всех воинов прошлого я уничтожил, а нынче такие не рождаются. Тогда я ещё был молод и слаб, теперь я стар и могуч, могуч! — злорадно торжествовал дракон. — Моя броня вдесятеро крепче щитов, мои зубы — мечи, когти — копья, удар хвоста подобен удару молнии, крылья несут с быстротой урагана, моё

дыхание — смерть!

— Я слыхал, — пискнул перепуганный Бильбо, — что драконы мягче снизу, а именно в области… в области груди. Но у особы, столь основательно защищённой, всё, конечно, продумано.

— Твои сведения устарели, Вор во тьме, — отрезал Смог. — Сверху и снизу я покрыт бронёй из железных чешуй и твёрдых драгоценных камней. Никакой клинок не пронзит меня.

— Я мог бы сам об этом догадаться, — ответил Бильбо. — Поистине не найдётся равного Смогу Непроницаемому. Кто ещё обладает столь великолепным жилетом из бриллиантов?!

— Да, такой жилет в самом деле большая редкость, — подтвердил Смог, как это ни глупо, весьма довольный. Откуда ему было знать, что хоббит уже в прошлый раз успел заметить его редкостный наряд и теперь мечтал рассмотреть его поближе, имея на то свои причины.

Дракон перекатился на спину.

— Смотри! — приказал он. — Что скажешь?

— Потрясающе! Восхитительно! Безупречно! Ослепительно! — восклицал Бильбо, думая про себя в то же время: «Старый болван! Да у тебя слева на груди дырка, голое тело торчит, как улитка из раковины!»

Высмотрев, что хотел, мистер Бэггинс решил поскорее убраться подобру-поздорову.

— Ну, не буду дольше задерживать Ваше Великолепие, — сказал он, — и лишать вас столь необходимого отдыха. Пони не так-то легко ловятся. И взломщики тоже, — съязвил он напоследок, стремглав удирая по туннелю.

Он напрасно не удержался от насмешки: как ни быстро бежал хоббит, дракон успел просунуть в отверстие свою ужасную морду и пустить ему вдогонку огненную струю. К счастью, вся голова целиком не пролезла, но пламя и пар из ноздрей обожгли Бильбо, так что он мчался, спотыкаясь, точно слепой, от страха и боли. Он так был доволен собой, доволен тем, как умно вёл беседу со Смогом, что увлёкся и допустил в конце ошибку. Этот случай отрезвил его. «Неразумно смеяться над живым драконом!» — сказал он себе, и впоследствии фраза стала его любимой поговоркой, а потом и известной пословицей. «Приключение ещё далеко не кончено», — добавил он. И это тоже была чистая правда.

День уже склонялся к вечеру, когда наконец хоббит выбрался из туннеля и свалился на «пороге» в обмороке. Гномы привели его в чувство и смазали ожоги особой мазью, хранившейся у То-

рина. Но долго ещё у него на затылке и на пятках не росла шерсть. Пока Бильбо приходил в себя, друзья всячески старались его ободрить. Они жаждали услышать рассказ о Смоге, особенно о том, почему тот устроил такой страшный шум и каким образом уцелел Бильбо.

Но хоббит впал в состояние нервное и озабоченное, и мало что удалось из него вытянуть. Пока они разговаривали, рядом на скале всё время сидел старый дрозд и, склонив голову набок, прислушивался. Можете себе представить, в каком дурном настроении был Бильбо, если он схватил камень и запустил в дрозда. Тот отлетел, но сразу же вернулся обратно.

— Противная птица! — в сердцах вскричал Бильбо. — Не нравится она мне, по-моему, она нас подслушивает.

— Оставьте его в покое, — остановил его Торин. — Дрозды — птицы порядочные и дружелюбные; этот дрозд очень стар, быть может, он — последний из старинной породы дроздов, которые жили в этих местах и ели из рук моего отца и деда. Порода их была долговечной и волшебной. А вдруг он тоже из тех, что жили тогда, лет двести тому назад? Жители Дейла научились понимать их язык и посылать как гонцов в Озёр-

ный город и в другие места.

— Ну, так у меня найдутся кое-какие новости для Озёрного города, — мрачно заметил Бильбо. — Только вряд ли там будет кому понимать язык дроздов.

— Как? Что случилось? — закричали наперебой гномы. — Рассказывай же!

И Бильбо пересказал разговор с драконом и признался, что его мучает ужасная мысль — что дракон сделал свои выводы из его загадок.

— По-моему, он догадался, что мы попали сюда через Озёрный город и пользовались помощью его жителей. У меня есть предчувствие, что следующую атаку он предпримет в том направлении. И дёрнуло меня сболтнуть про езду на бочках!

— Ничего, ничего! Что сделано, того не воротишь. Да и потом, я слыхал, что в разговорах с драконом трудно не допустить ошибки, — ободряюще сказал Балин, которому очень хотелось утешить хоббита. — Если хочешь знать, то, на мой взгляд, ты очень неплохо вышел из положения — выяснил кое-что очень полезное и остался жив, а этим мало кто может похвастаться, кому довелось перемолвиться с драконом. Нам, возможно, ещё очень пригодится прореха на бриллиантовом жилете старого ящера.

Его слова сообщили разговору новое направление, и все принялись обсуждать, как убивали драконов в жизни и в сказках, разного рода колющие и режущие удары, удары снизу, сбоку и сверху, всякие приёмы, уловки и военные хитрости.

В продолжение разговоров Бильбо глядел на удлиняющиеся тени, и его тоска и дурные предчувствия всё усиливались.

Наконец он прервал гномов:

— Я убеждён, что оставаться здесь весьма небезопасно, да и какой смысл сидеть тут? Свежую траву дракон сжёг, уже ночь, холодно. Я могу поклясться, что дракон налетит на наше укрытие ещё раз. Смог знает теперь, как я проник в его логово, и, уж будьте уверены, догадается, куда ведёт туннель. Он разнесёт вдребезги наш склон, чтобы отрезать нам доступ внутрь. А если при этом раздавит нас, что ж, тем больше порадуется.

— Какие мрачные мысли, мистер Бэггинс! — сказал Торин. — Почему же Смог не заделал ближний к себе конец туннеля, если не хочет нас допускать? Мы бы услышали, если бы он его закрыл.

— Не знаю, не знаю. Наверное, сперва хотел меня заманить туда во второй раз, а теперь отло-

жил на после ночной охоты или не хочет портить свою спальню. Не спорьте, прошу вас. Смог может вылететь в любую минуту. Единственное наше спасение — забраться поглубже в туннель и закрыть дверь.

Он говорил так горячо, что гномы послушались его, зашли внутрь, но медлили захлопнуть дверь. Им это казалось безрассудным: кто знает, удастся ли открыть её снова изнутри, а оказаться запертыми в помещении, откуда один выход — через логово дракона, им очень не хотелось. Тем более что и снаружи, и внутри всё было тихо. Они долго сидели недалеко от полуоткрытой двери и продолжали беседовать. Разговор зашёл о гадких намёках дракона относительно гномов. Лучше бы Бильбо никогда их не слышал! Как хотелось ему верить сейчас гномам, которые клялись, будто действительно не задумывались о том времени, когда отнимут у дракона сокровища.

— Мы знали раньше, что попытка наша будет рискованной, — объяснил Торин, — знаем и теперь. Но я уверен, что у нас будет достаточно времени обдумать, как поступить дальше, после того как мы завладеем богатствами. Что касается вашей доли, мистер Бэггинс, то, уверяю вас, мы бесконечно вам благодарны, и вы сами отберёте

для себя, что захотите, как только будет что делить. Я понимаю ваше беспокойство по поводу доставки, допускаю, что проблема сложна, ибо с течением времени здешние края не стали безопаснее, скорее наоборот, но мы вам непременно поможем и возьмём на себя часть расходов по перевозке золота. Хотите верьте, хотите нет!

Здесь разговор обратился на сами сокровища и на отдельные вещи, которые запомнили Торин и Балин. Сохранились ли в целости копья, изготовленные для армий великого короля Бледортина, давно уже умершего? Копья с трижды закалёнными наконечниками и древками, искусно украшенными золотом, — их так и не успели передать королю и получить за них плату. Щиты, выкованные для давно погибших воинов. Большой золотой кубок Трора, с двумя ручками, чеканкой и резьбой, изображавшими птиц и цветы; глаза у птиц и лепестки у цветов были из драгоценных камней. Кольчуги, позолоченные и посеребрённые и непробиваемые. Ожерелье властелина Дейла, Гириона, из пятисот ярко-зелёных изумрудов, которое он отдал гномам в уплату за сработанную ими кольчугу для старшего сына, — никогда никто не носил подобной кольчуги из мелких колец чистого серебра, крепостью втрое

превышающей стальную. Но прекраснее всего был громадный алмаз, который гномы когда-то нашли под Горой, в самой глубине, и назвали Сердце Горы, Аркенстон Трейна.

— Аркенстон, Аркенстон! — повторял Торин, задумчиво опершись подбородком о колени. — Словно шар с тысячью граней. При свете очага он сверкал, как вода на солнце, как снег в сиянии звёзд, как роса в лунную ночь.

Бильбо слушал все эти разговоры вполуха. Колдовская притягательная сила сокровищ уже не действовала на него. Он сидел ближе всех к двери и ловил малейшие звуки снаружи и из глубины туннеля.

По мере того как тьма сгущалась, Бильбо нервничал всё больше.

— Закройте дверь! — умолял он. — Мне всё время чудится дракон, мне страшно. Тишина пугает меня больше, чем вчерашний грохот. Закройте дверь, пока не поздно!

Что-то в его голосе заставило гномов внять его просьбе. Торин, очнувшись от грёз, встал и откинул ногой камень, не дававший двери закрыться. Что-то щёлкнуло. Скважина на двери исчезла. Они были заперты в Горе навсегда!

И как нельзя более вовремя! Едва успели они

отойти чуть подальше от входа, как страшный удар обрушился на склон Горы, точно в неё ударили стенобитные орудия из цельного дуба, раскачиваемые руками великанов. Скала загудела, стены в туннеле затрещали, камни посыпались им на головы. Что произошло бы, если бы дверь не закрыли, боюсь и вообразить. Они бросились в глубь туннеля, радуясь, что пока живы, слыша позади себя рёв и громыханье. В ярости Смог разносил скалы, дробил камни бешеными ударами своего огромного хвоста; терраска, опалённая трава, камень, где сидел дрозд, стены, покрытые улитками, узкий выступ превратились в кашу, на долину обрушилась лавина обломков.

Смог, оказывается, украдкой выбрался из логова, тихо поднялся в воздух и затем медленно и тяжело, как чудовищная ворона, полетел вокруг Горы, думая поймать врасплох кого-то или что-то на западной стороне и найти дыру, через которую пролез вор. Когда он никого не нашёл и не увидел дыры там, где рассчитывал, то впал в дикую ярость и начал крушить ненавистный склон.

Разрядив таким образом свою злобу, Смог немного утихомирился и решил, что с этой стороны беспокоить его больше не станут. Теперь оставалось осуществить ещё одну месть.

— Ездок на бочках! — фыркнул он. — Прибыл по воде — значит, приплыл по реке. Запах его мне незнаком, но если он и не с озера, то всё равно не обошёлся без их помощи. Они ещё меня увидят и запомнят, кто настоящий король Под Горой!

Дракон взмыл в пламени и дыму в небо и устремился на юг, к реке Быстротечной.



13. Пока хозяина не было дома



Тем временем гномы сидели в беспросветной темноте. Со всех сторон их обступила мёртвая тишина. Ели они мало и мало разговаривали. Время шло, но они не знали — день сейчас или ночь и сколько прошло суток. Они боялись шевельнуться, так как в туннеле громко отдавалось эхо от их возни и голосов. Они засыпали и просыпались в той же нескончаемой темноте и тишине. Просидев там, как им казалось, много дней, они начали задыхаться от недостатка воздуха, в голове у них

мутилось. Дольше выносить такую жизнь они не могли. Кажется, они обрадовались бы даже звукам, говорящим о возвращении дракона. В тишине им чудилось, будто Смог подстраивает какую-то новую каверзу. И потом, не могли же они сидеть так вечно.

Наконец Торин не выдержал:

— Попробуем открыть дверь. Я просто умру без свежего воздуха. Пусть лучше Смог меня уничтожит там наверху, чем задохнуться здесь.

Кто-то из гномов встал и ощупью добрался до того места, где прежде была дверь. Но выяснилось, что верхний конец туннеля завалило обломками скалы. Ключ и волшебство были отныне бессильны открыть её.

— Мы попались! — вырвался у них вопль. — Конец! Тут мы и умрём!

Почему-то как раз, когда отчаяние гномов достигло предела, Бильбо почувствовал, что у него стало легче на сердце, как будто какую-то тяжесть убрали у него из-под жилета.

— Ну, ну! — ободряюще сказал он. — «Пока жив — надейся!» — говорил мой отец. Помните, третий раз за всё платит. Я, так и быть, спущусь вниз. Дважды я побывал там, зная, что меня ждёт дракон, рискну и в третий. Во всяком случае,

единственный выход наружу ведёт вниз. И на этот раз вам придётся следовать за мной.

Они согласились — что им ещё оставалось? Торин первый шагнул к Бильбо.

— Теперь осторожней, — прошептал хоббит, — соблюдайте полную тишину! Может, там и нет Смога, а может, и есть. Не будем рисковать зря.

Они шли и шли. Гномы, естественно, не могли красться с беззвучностью хоббита, они всячески пыхтели, шаркали ногами, а эхо многократно усиливало пыхтенье и шарканье. Бильбо не раз замирал на месте и со страхом прислушивался, но снизу не доносилось ни звука. Когда до нижней дыры оставалось, насколько он мог судить, не очень далеко, он надел кольцо и обогнал гномов. В кольце не было большой необходимости — и без него все были невидимы, ибо чернота стояла сплошная. Настолько сплошная, что хоббит не заметил, как вышел из туннеля; он упёрся рукой о пустоту… и кубарем полетел в яму.

Он лежал лицом вниз, затаив дыхание, не смея шелохнуться. Ничего не произошло. Когда он медленно поднял голову, то далеко и высоко над собой увидел белёсое пятно, отнюдь не похожее на красный свет, исходивший от дракона. Однако в яме стоял густой тяжёлый драконий запах.

Наконец мистер Бильбо Бэггинс не мог дольше выносить неизвестность.

— Будь ты проклят, старый ящер! — пропищал он громко. — Хватит играть в прятки! Освети меня и потом сожри, если поймаешь!

В невидимом зале отозвалось лишь слабое эхо.

Бильбо поднялся и тогда сообразил, что не знает, в какую сторону шагнуть. «Интересно, чем занят Смог? — подумал он. — Сегодня днём (или вечером?) его явно нет дома. Если Ойн и Глойн не потеряли трут и кремень, можно выбить огня и оглядеться. А там, может быть, что-нибудь и произойдёт».

— Огня! — закричал он. — Кто даст огня?!

Гномы, разумеется, переполошились, когда Бильбо со стуком провалился в яму, и сбились в кучу недалеко от выхода.

— Ш-ш-ш!.. — зашипели они, услыхав его голос.

Хоббит таким образом обнаружил, в какой они стороне, но далеко не сразу ему удалось добиться от них толка. Только когда Бильбо затопал ногами и пронзительно закричал: «Огня! Огня!» — Торин сдался и послал Ойна и Глойна за трутом и кремнём на другой конец туннеля.

Через некоторое время замелькал огонь: пока-

зался Ойн с небольшим факелом в руке, Глойн нёс ещё несколько штук под мышкой. Бильбо проворно подбежал к дыре и схватил факел. Но не смог уговорить гномов зажечь остальные факелы и присоединиться к нему. Как обстоятельно пояснил Торин, мистер Бэггинс всё ещё оставался официальным Взломщиком и Разведчиком. Если он считал нужным с риском для своей жизни зажечь огонь — его дело. Они же подождут его доклада, не покидая туннеля. Гномы уселись около дыры и стали наблюдать за Бильбо.

Они увидели, как маленькая тёмная фигурка пересекла пещеру, держа над собой факел. Пока Бильбо был близко, они видели при свете факела поблёскивание золота и слышали позвякиванье, когда хоббит спотыкался о какой-нибудь золотой предмет. Потом огонёк стал удаляться, заплясал где-то выше, выше — это Бильбо карабкался на груду сокровищ. Вскоре он очутился на самой верхушке и продолжал бродить взад и вперёд. Они увидели, что он на мгновение наклонился, но не поняли зачем.

А наклонился он из-за Аркенстона, Сердца Горы! Бильбо сразу узнал его из описания Торина, да и не могло быть на всём свете двух таких алмазов, даже в другой такой же несравненной

сокровищнице. Это и был тот белый блеск, который притягивал Бильбо наверх. Постепенно пятно превратилось в светящийся белый шар. Сейчас шар мерцал разноцветными искрами, так как свет факела играл на его гранях. Наконец шар очутился прямо перед хоббитом, и у того перехватило дыхание. Величайшее из сокровищ светилось собственным светом, исходящим изнутри, и в то же время, гранённое и отшлифованное гномами, выкопавшими его в незапамятные времена, вбирало в себя свет извне и преломляло его десятками тысяч белых сверкающих граней, и это белое свечение переливалось всеми цветами радуги. Рука Бильбо, повинуясь таинственной силе, потянулась к Аркенстону и взяла его. Его коротеньким пальчикам было не сомкнуться вокруг большого и тяжёлого камня, но Бильбо ухитрился поднять его и, закрыв глаза, сунул в карман.

«Вот теперь я настоящий вор, — подумал он. — Разумеется, я скажу про него гномам… в своё время. Они ведь говорили, что я могу выбирать свою долю сам. Я бы выбрал Аркенстон, а они пускай забирают всё остальное». Но всё же на душе у него было как-то неспокойно, он словно чувствовал, что речь тогда шла не об Аркенстоне

и что из-за него у Бильбо ещё выйдут большие неприятности.

Он двинулся дальше, спустился с другой стороны кучи, свет его факела скрылся. Но вскоре гномы опять увидели его вдалеке: Бильбо пересекал пещеру. Наконец он дошёл до больших дверей, на него повеяло свежим воздухом, но струя воздуха чуть не загасила факел. Он робко выглянул за дверь и различил очертания просторных коридоров и начало широкой лестницы, уходящей вверх, во тьму. Но по-прежнему никаких признаков дракона не заметил. Только Бильбо хотел повернуть назад, как что-то чёрное пронеслось мимо его лица и даже слегка задело. Бильбо вскрикнул, споткнулся и шлёпнулся на землю. Факел упал и потух.

«Кажется, просто летучая мышь, — растерянно пробормотал Бильбо. — Что же теперь делать? Где тут восток, где юг, север или запад?»

— Торин, Балин! Ойн, Глойн! Фили, Кили! — заорал он во всё горло, но в чёрном необъятном пространстве голосок его прозвучал тоненько и еле слышно. — Свет погас! Кто-нибудь! Сюда, помогите!

Куда вдруг девалась его храбрость?

До гномов донеслись слабые возгласы хоббита,

но разобрали они только «помогите!»

— Что такое стряслось? — недоумённо произнёс Торин. — Дело, очевидно, не в драконе, а то бы хоббит перестал уже кричать.

Они подождали немножко и прислушались, но никаких звуков, кроме далёких воплей Бильбо, не услышали.

— Кто-нибудь, зажгите ещё факел! — приказал Торин. — Делать нечего, придётся идти на помощь нашему Взломщику.

— Пора наконец и нам помочь ему, — отозвался Балин. — Я пойду с удовольствием. Тем более что сейчас, по-моему, опасность нам не грозит.

Глойн зажёг несколько факелов, гномы один за другим вылезли из туннеля и, держась за стену, поспешили на крики. Очень скоро они наткнулись на Бильбо, который тоже пробирался им навстречу. Едва завидев мерцание факелов, он сразу взял себя в руки.

— Испугался летучей мыши, и погас факел, только и всего! — объяснил он.

Они вздохнули с облегчением, но тут же начали ворчать, недовольные тем, что испугались зря. Что бы они сказали, если бы он показал им в эту минуту Аркенстон, прямо и не знаю. Но достаточно им было, проходя мимо, мельком заметить

блеск сокровищ, как сердца у них запылали главной страстью. А когда в сердце гнома, пусть даже самого почтенного, зажигается страсть к золоту и драгоценным камням, он становится отважным, а иногда даже свирепым.

Поэтому дальше уговаривать гномов не пришлось. Они так и рвались осмотреть пещеру. Каждый схватил по горящему факелу, и они начали обходить зал вокруг, забыв про страх и осторожность. Они стали громко разговаривать, перекликаться, показывать друг другу разные вещи, которые выуживали из кучи или снимали со стены. Они подносили драгоценности к глазам, рассматривали на свет, ощупывали и ласкали, подбирали драгоценные камни и распихивали их по карманам, а что унести не могли, то со вздохом роняли обратно, пропуская сквозь пальцы. Торин в этом отношении мало чем отличался от остальных. Притом он метался из стороны в сторону и что-то искал, искал и не мог найти. Искал он Аркенстон, но пока никому ничего не говорил о нём.

Гномы поснимали со стен кольчуги и оружие и надели на себя. Как царственно выглядел сейчас Торин, облачённый в золотую чешуйчатую кольчугу, в поясе, затканном алыми рубинами,

держащий в руке топор с серебряной рукоятью!

— Мистер Бэггинс! — окликнул он. — Получайте первую награду в счёт вашей доли! Сбросьте старый плащ и наденьте вот это!

И он накинул на Бильбо небольшую кольчужку, сплетённую в давние времена для какого-нибудь принца эльфов. К этой кольчуге из серебряной стали, называемой у эльфов митрил, полагался пояс из жемчугов и хрусталя. На голову хоббиту надели лёгкий шлем из тиснёной кожи, укреплённый изнутри стальными обручами и усаженный по краю мелкими алмазами.

«Я чувствую себя великолепно, — подумал Бильбо. — Но вид у меня, должно быть, очень нелепый. То-то потешались бы надо мной дома, Под Холмом. А всё-таки жалко, что тут нет зеркала!»

Мистер Бэггинс в отличие от гномов не потерял головы при виде богатств и устоял перед их чарами. Гномы всё ещё рылись в сокровищнице, но Бильбо прискучило это занятие.

— Торин! — воскликнул он. — Что дальше? Мы вооружились, но разве оружие и доспехи помогали когда-либо против Смога Ужасного? Сокровища ещё не отвоёваны. Нам пока важно не золото, а выход отсюда. Мы и так слишком долго

испытываем судьбу!

— Вы правы! — отозвался Торин, опомнившись. — Идёмте. Теперь я поведу вас. И за тысячу лет я не забыл бы ходов во дворце.

Он созвал гномов, и, подняв факелы над головой, они вышли все вместе через высокие двери, с тоской оглядываясь назад.

Сверкающие кольчуги они опять прикрыли старыми плащами, а блестящие шлемы — истрёпанными капюшонами. Они шли за Торином, словно цепочка огоньков в темноте, то и дело настораживаясь — не слышно ли дракона. Хотя всё кругом пострадало от времени или было покорёжено, испорчено и перепачкано влетавшим и вылетавшим чудовищем, Торин узнавал каждый коридор, каждый поворот. Они карабкались по длинным лестницам, поворачивали, спускались по гулким переходам, снова делали поворот и снова взбирались по ступеням вверх. Ступени были гладкие, выбиты прямо в скале, широкие, удобные. Всё выше и выше поднимались гномы, но нигде не встречали ни единого признака живой души, лишь тени воровски разбегались в стороны с приближением факелов, трепетавших на сквозняке. Ступени при всём их удобстве не были приспособлены для хоббитовских коро-

теньких ног. Бильбо уже выдохся и чувствовал, что ещё немного — и он не сможет сделать ни шагу. И тут вдруг потолок взметнулся вверх, на недосягаемую для факелов высоту. Откуда-то сверху проглянул тусклый луч, воздух сделался чище. Впереди, в широких, наполовину обгоревших дверях, которые криво висели на петлях, забрезжил слабый свет.

— Это главный зал Трора, — промолвил Торин, — здесь устраивались пиршества и собирался королевский совет. Отсюда уже недалеко до Главных ворот.

Они прошли через бывший зал: там гнили столы, истлевали обугленные перевёрнутые стулья и скамейки; на полу вперемежку с бутылками, чашами, сломанными кубками из рогов валялись в пыли черепа и кости. Они прошли ещё одни двери и ещё одни, и вдруг ушей их коснулось журчание воды, и свет из тусклого сделался более ярким.

— Здесь берёт начало река Быстротечная, — сказал Торин. — Она приведёт нас к Главным воротам.

Из тёмной дыры в скале выбегал бурливый поток и струился по узкому стоку, выдолбленному в камне искусными руками старинных

мастеров. Рядом шла мощёная дорога, такая широкая, что по ней могло пройти много людей в ряд. Друзья бросились по ней, обогнули выступ, и — о чудо! — в глаза им хлынул дневной свет. Перед ними выросла высокая арка, почерневшая, ободранная, но со следами старинной резьбы. Туманное солнце посылало между отрогами Горы бледные лучи, которые золотили порог. Стайка летучих мышей, потревоженных дымом факелов, вихрем пронеслась у них над головой. Путники испуганно рванулись вперёд и поскользнулись на камнях, сглаженных и покрытых слизью оттого, что по ним постоянно проползал дракон. Река дальше бежала в сторону долины свободно, шумно пенясь. Они побросали ненужные теперь факелы на землю и застыли, глазам своим не веря: они вышли за Главные ворота и перед ними расстилалась долина, где прежде стоял Дейл.

— Да! — произнёс Бильбо. — Вот уж не ожидал, что доведётся глядеть из этих ворот. Никогда с большим удовольствием не любовался я солнцем и не ощущал на своём лице ветра. Бр-р-р! Однако и холодный же ветрище!

И в самом деле, дул резкий восточный ветер, безжалостно предвещая зиму. Обвивая отроги Горы, он влетал в долину и завывал между скал.

Путники так долго парились в глубине жарких драконовых пещер, что теперь на открытом воздухе их била дрожь.

Внезапно Бильбо ощутил помимо усталости ещё и зверский голод.

— Сейчас, судя по всему, позднее утро, — сказал он. — А значит, и время завтрака, если найдётся, что поесть. Но я не уверен, что главный вход в пещеру Смога — самое безопасное место для этой цели. Нельзя ли найти местечко поспокойней?

— Правильно! — подхватил Балин. — Я, пожалуй, знаю такое местечко: старый сторожевой пост на юго-западном конце Горы.

— А далеко ли оно? — осведомился хоббит.

— Часов пять ходьбы. Идти будет трудно, предупреждаю. Дорога от ворот по левому берегу реки вся разбита. Зато посмотрите сюда! Река перед руинами Дейла сворачивает к востоку. Там когда-то был мост, он вёл к лестнице, круто поднимавшейся на высокий правый берег. Оттуда мы попадём на дорогу к Вороньей Высоте. Там же есть, или была, тропа, ответвлявшаяся от дороги в сторону поста. Даже если сохранились ступеньки, взобраться туда — дело нелёгкое.

— Силы небесные! — простонал хоббит. — Опять идти, опять куда-то лезть, и даже позав-

тракать не дадут! Интересно, сколько завтраков, обедов и ужинов мы пропустили, пока сидели в этой мерзкой норе без часов и вне времени?

Вообще говоря, с той минуты, как дракон разгромил волшебную дверь, прошло две ночи и один день, и худо-бедно, а кое-какая еда была, но Бильбо совершенно потерял счёт времени, и для него что одна ночь, что целая неделя было всё едино.

— Да что вы! — засмеялся Торин (он опять повеселел и позвякивал драгоценными камешками в карманах). — Это мой-то дворец вы называете мерзкой норой! Погодите, вот ужо его приберут, почистят и отделают заново!

— Что произойдёт только после смерти Смога, — хмуро проворчал Бильбо. — Кстати, где он? Я бы отдал вкусный завтрак за то, чтобы знать это. Надеюсь, он не на вершине горы — сидит и любуется на нас сверху?

Идея эта вызвала большой переполох, и гномы быстро согласились с Бильбо и Балином.

— Надо уходить отсюда, — сказал Дори. — Я всё время спиной ощущаю его взгляд.

— Как здесь холодно и неприютно, — вставил Бомбур. — От жажды тут не умрёшь — вода рядом, а вот пищи я что-то не вижу. Дракону тут,

наверное, всегда голодно.

— Пошли! Пошли! — закричали остальные. — Скорее на тропу Балина!

Справа от скалы дороги не оказалось совсем. Они стали пробираться между валунами по левому берегу реки. Запустение, безлюдье снова отрезвили даже Торина. Мост, о котором вспоминал Балин, давно обвалился, камни его, точно простые валуны, загромождали мелкий шумный поток. Они без труда одолели брод и по старинным ступеням вскарабкались на высокий берег. Короткое время спустя они напали на старую дорогу и скоро пришли в глубокую лощину, укрытую среди скал. Там они немного передохнули, позавтракали сухарником и запили его водой. (Если хотите знать, что такое сухарник, то могу лишь сказать, что в основе его были сухари, не портился он фактически бесконечно, считался питательным, но отнюдь не замечательным, ибо представлял интерес только с точки зрения упражнения челюстей. Жители Озёрного города приготовляли его специально для длинных путешествий.)

Затем они двинулись дальше. Дорога ушла от реки в сторону, и теперь неуклонно стал приближаться южный отрог Горы. Наконец они ступили

на горную тропу, которая круто пошла вверх. Медленно и долго тащились путники друг за другом и вот во второй половине дня дотащились до вершины гребня и увидели, как на западе садится холодное осеннее солнце.

Они нашли площадку, обрывавшуюся с трёх сторон вниз, а с четвёртой ограниченную скалой, в которой имелась дыра наподобие двери. С площадки открывался широкий обзор на Восток, Юг и Запад.

— Здесь, — сказал Балин, — в былые времена всегда стояли часовые. Дверь эта ведёт в вырубленную в скале комнату, заменявшую караульное помещение. Вокруг Горы было несколько таких постов, но во времена нашего благоденствия в них не было особой надобности, и наши часовые, вероятно, распустились и утратили бдительность, в противном случае мы задолго до катастрофы услыхали бы о появлении в нашем краю дракона и всё могло обернуться по-другому. Мы можем укрыться здесь и видеть многое, оставаясь невидимыми.

— Какой смысл, коли нас уже заметили, когда мы поднимались, — возразил Дори, который беспрерывно бросал взгляды вверх, словно ожидал увидеть там Смога, взгромоздившегося на верши-

ну, как ворона на колокольню.

— Ничего другого не остаётся, — ответил Торин. — Больше мы сегодня пройти не сможем.

— Мудрые слова! — воскликнул Бильбо, бросаясь на землю.

В караульном помещении поместилось бы сколько угодно народу; в задней стене был выход в ещё одну комнатку, лучше защищённую от наружного холода. Видно, сюда не заглядывали за время владычества Смога даже дикие звери. Путники сложили там свою поклажу, одни сразу же легли и заснули, другие уселись около наружной двери и принялись обсуждать дальнейшие действия. О чём бы они ни заговаривали, каждый раз возвращались к одному и тому же вопросу: где Смог? Они обратили взор на Запад и не увидели там никого, на Востоке — тоже, на Юге не было никаких признаков дракона, но там роились стаи птиц. Путешественники глядели в ту сторону и гадали: что бы это значило? Уже появились первые мерцающие холодным блеском звёзды, а они так ни до чего и не додумались.



14. Огонь и вода



А теперь, если вы, как и гномы, хотите узнать новости о Смоге, вернёмся на два дня назад, когда он разнёс склон с потайной дверью и в бешенстве улетел.

Был вечер. Жители Озёрного города Эсгарота сидели по домам, испугавшись сильнейшего ветра и промозглого воздуха, но несколько человек всё же прогуливались по набережным и любовались звёздами, отражавшимися на глади озера. Одинокую Гору всегда заслоняли от глаз невысокие холмы на дальнем конце озера, между

которыми с севера сбегала Быстротечная. Лишь остроконечную вершину видели жители, и то в ясную погоду, но они редко глядели в ту сторону, потому что даже в утреннем свете Гора казалась зловещей и мрачной. Сейчас её скрывала ночная тьма.

Внезапно вершина озарилась каким-то светом. Но только на миг.

— Смотрите, — сказал один из прогуливавшихся. — Опять свет! И прошлой ночью караульные тоже видели там огни с полночи до рассвета; огни то появлялись, то гасли. Что-то там творится неладное.

— Может, король Под Горой куёт золото, — заметил другой. — Он уже давно отправился на Север. Пора уже начать песням сбываться.

— Какой ещё король? — пробурчал угрюмый голос. — Помяните моё слово, пламя изрыгает ворюга дракон, единственный король Под Горой, которого мы знаем.

— Вечно ты предсказываешь плохое, — возмутились соседи. — То наводнение, то мор на рыбу! Хоть бы раз придумал что-нибудь повеселее!

Вдруг между холмами мелькнул яркий свет и позолотил северный конец озера.

— Король Под Горой! — закричали все. — «Золо-

тые реки в долину побегут!» С гор течёт золотая река!

Всюду распахнулись окна, послышался топот бегущих ног. Опять поднялось всеобщее ликование, но обладатель угрюмого голоса бросился бегом к бургомистру.

— Дракон! Летит дракон! Провалиться мне на этом месте! — закричал он. — Рубите мосты! К оружию! К оружию!

Раздались звуки трубы, прозвучал военный сигнал, эхо разнеслось в скалистых берегах. Ликование прекратилось, радость сменилась страхом. Вот как получилось, что дракон не застал город врасплох.

Вскоре озёрные жители увидели красную искру, которая неслась в их сторону, разгораясь и увеличиваясь с каждой секундой, — так велика была скорость полёта дракона. Тут уж и самым глупым пришлось признать, что пророчества сбылись как-то не так. Времени у них оставалось немного. Все сосуды в городе наполнили водой, все воины вооружились, каждую стрелу и каждый дротик привели в готовность, мост разобрали и уничтожили. Едва успели закончить приготовления, как послышался нарастающий рёв, озеро, взбудораженное могучими взмахами

крыльев дракона, заходило красными волнами.

Под крики и возгласы людей Смог ринулся вниз, прямо на мост — и, озадаченный, приостановился. Мост исчез, люди сгрудились на острове, со всех сторон окружённые водой — чересчур глубокой, тёмной и холодной. Если бы Смог нырнул в озеро, поднялся бы такой дым и пар, что туман покрыл бы сушу на несколько дней. Но озеро было сильнее Смога, оно быстро затушило бы его. С рёвом устремился Смог к городу. Туча чёрных стрел взлетела кверху, стрелы застучали и защёлкали по его броне, подожжённые его дыханием древки с шипением падали в озеро. Никакой фейерверк не мог сравниться с этим ночным зрелищем. Услышав свист стрел, пронзительный звук труб, дракон совершенно обезумел от ярости. Уже давным-давно никто не осмеливался дать ему отпор. Никто и сейчас не посмел бы, если бы не человек с угрюмым голосом — Бэрд было его имя; он бегал взад и вперёд, подбадривая стрелков, уговаривая бургомистра сражаться до последней стрелы.

Пламя вырывалось из пасти дракона. Он кружил над городом, освещая озеро; деревья на берегах пламенели, как медь, как кровь, а у подножий их метались чёрные тени. Потом дракон упал вниз навстречу урагану стрел, не помня

себя от злобы, желая одного: поджечь город. Соломенные крыши, деревянные балки запылали сразу, хотя перед прилётом дракона их пропитали водой. Сотни рук всякий раз окатывали водой то место, куда падала искра. Опять закружил над городом дракон. Взмах хвоста — и крыша ратуши рассыпалась, в ночное небо запрыгали языки непокорного пламени. Ещё и ещё кидался вниз Смог — и дом за домом загорался и рушился. Ни одна стрела не могла остановить дракона, ни одна не причинила ему вреда больше, чем какая-нибудь болотная муха.

Со всех сторон люди прыгали в воду. Женщин и детей собрали на лодках посредине рыночной площади. В озеро побросали оружие. Плач и стон стояли в городе. Ещё недавно там раздавались весёлые песни про гномов, теперь гномов проклинали. Бургомистр уже направился украдкой к своей большой позолоченной лодке, намереваясь в суматохе скрыться. Вскоре опустевший город неизбежно должен был сгореть — и на поверхности озера не осталось бы никаких следов.

Об этом и мечтал дракон. Пусть они рассаживаются по лодкам, думал он, наплевать. Славно будет поохотиться за ними, когда они поплывут, а то и так перемрут с голоду. А попробуют

сунуться на сушу — он будет тут как тут. Теперь он подожжёт прибрежные леса, спалит посевы и пастбища. Давно он так не развлекался, как сейчас, устраивая травлю целого города.

Но среди горящих руин засела группа лучников. Капитаном их был Бэрд, тот самый воин с угрюмым голосом и угрюмым лицом, которого приятели обвиняли в том, что он вечно предсказывает наводнения и мор на рыбу. Но при этом они прекрасно знали, что он человек отважный и достойный. Он был дальним потомком Гириона, властителя Дейла, чьи жена и сын спаслись когда-то из руин Дейла по реке Быстротечной. Сейчас он стрелял из большого тисового лука до тех пор, пока не расстрелял все стрелы, кроме одной. К нему уже подбиралось пламя пожара. Товарищи оставили его одного. Он натянул лук в последний раз.

Внезапно из темноты выпорхнула и бесстрашно села ему на плечо птица. Бэрд вздрогнул от неожиданности, но то был всего лишь старый дрозд. Он нагнулся к уху Бэрда и застрекотал. Бэрд подивился тому, что понимает птичий язык, но ведь он был родом из старинного города Дейла.

— Погоди! — сказал ему дрозд. — Встаёт луна. Отыщи тёмное пятно на груди Смога, когда он

будет пролетать над тобой!

Бэрд молчал в изумлении, а дрозд тем временем рассказал ему о том, что увидел и услыхал на Горе.

Тогда Бэрд изо всех сил натянул лук. Дракон опять летал над городом, на этот раз очень низко; на востоке в это время поднялась луна и посеребрила широко раскинутые крылья дракона.

— Стрела моя! — сказал воин. — Чёрная стрела! Я берёг тебя до последней минуты. Ты никогда ещё меня не подводила, всегда я находил тебя и забирал обратно. Я получил тебя от отца, а он — от своих предков. Если ты в самом деле вышла из кузницы истинного короля Под Горой, то лети теперь вперёд и бей метко!

Дракон ринулся вниз, и в тот миг, когда он снижался, лунный свет заиграл на его брюхе, засверкал разноцветными лучами на драгоценных камнях. Но одно место оставалось тёмным. Запела тетива, чёрная стрела просвистела в воздухе и угодила прямо в тёмное пятно на груди дракона. Она вошла глубоко, вся целиком — зазубренный наконечник, древко и перья. С пронзительным рёвом, который оглушил людей, повалил деревья и расщепил камни, Смог подпрыгнул в воздухе, перевернулся и рухнул вниз.

Он рухнул прямо на город. Корчась в предсмертных судорогах, он разметал горящий город, искры и угли полетели во все стороны. Озеро закипело, густой пар внезапно забелел в темноте. Раздалось шипение, вихрем закрутилась воронка на поверхности озера — и всё стихло. Так пришёл конец Смогу и Эсгароту.

Но Бэрд уцелел.

Всё выше поднималась луна на небосводе, холодный ветер завывал всё громче. Он скрутил белый туман жгутами, погнал на запад и там разодрал в клочья и развеял над болотами вблизи Чёрного Леса. Тогда на поверхности озера стали видны многочисленные чёрные точки — лодки. Ветер донёс с озера голоса жителей Эсгарота, оплакивавших свой город, добро, разрушенные дома. Если бы в то время они способны были думать о чём-либо, кроме своих несчастий, то поняли бы, что должны благодарить судьбу: три четверти населения города всё-таки остались живы, леса, поля, пастбища, скот и большая часть лодок уцелели, а дракон был мёртв. Но до их сознания ещё не дошёл смысл последнего события.

Опечаленные, замёрзшие, собрались они вместе на берегу озера, и гнев их обратился на бургомистра, который сбежал из Эсгарота тогда,

когда другие были ещё готовы стойко защищать город.

— У него, может, и подходящая голова для торговых дел, особенно если речь идёт о его собственных, — ворчали они, — но в опасную минуту на него полагаться нельзя.

И они принялись восхвалять отвагу Бэрда, его последний замечательный выстрел.

— Был бы он жив, мы бы сделали его королём. Увы! Он погиб, Бэрд, потомок Гириона, застреливший дракона!

При этих словах из темноты возникла высокая фигура. С человека стекала вода, тёмные волосы свисали ему на лицо и на плечи, глаза горели неистовым огнём.

— Бэрд не погиб! — вскричал он. — Он нырнул глубоко в озеро, когда на Эсгарот упал бездыханный враг. Я Бэрд, потомок Гириона, победитель дракона!

— Король Бэрд! Король Бэрд! — раздались возгласы, а бургомистр заскрежетал зубами.



— Гирион был властителем Дейла, а не королём Эсгарота, — сказал он. — В Озёрном городе бургомистров всегда выбирали из числа старейших и мудрых, а не из простых воинов. Пусть Бэрд отправляется в своё королевство, Дейл теперь свободен благодаря его же доблести, ничто не мешает его возвращению. Кто хочет, может уходить с ним, если считает холодные камни под сенью Горы лучше зелёных берегов озера. Благоразумные останутся здесь и будут отстраивать свой город, а потом наслаждаться покоем и изобилием.

— Хотим короля Бэрда! — продолжал кричать народ. — Хватит с нас торговцев!

— Да здравствует стрелок, долой денежные мешки! — подхватили все, и эхо отозвалось на берегу.

— Кто я такой, чтобы недооценивать стрелка Бэрда, — вкрадчиво продолжал бургомистр (Бэрд стоял теперь рядом с ним). — Сегодня он заслужил выдающееся место в списке благодетелей нашего города. Он достоин того, чтобы о нём слагали бессмертные песни. Но почему же, мой народ, — бургомистр выпрямился во весь рост и возвысил голос, — почему вы обвиняете во всём меня? За какую вину хотите вы меня прогнать?

Кто пробудил дракона от спячки, я вас спрашиваю? Кто получил от нас дорогие дары и щедрую помощь и заставил нас поверить, будто старые предания начинают сбываться? Кто сыграл на нашей доверчивости и воспламенил наше воображение? И какое же золото прислали они по реке нам в награду? Огонь и погибель! С кого нам требовать возмещения наших убытков, помощи нашим вдовам и детям?

Как вы видите, бургомистр недаром занимал свой пост. В результате его слов народ забыл и думать про нового короля и обратил своё негодование на Торина с Компанией. Со всех сторон послышались гневные выкрики и угрозы, и многие из тех, кто прежде громче всех пел старинные песни, теперь громче всех кричали, что гномы нарочно наслали на них дракона.

— Неразумные люди! — проговорил Бэрд. — К чему тратить слова и гнев на тех несчастных? Они, без сомнения, погибли в огне первыми, ещё раньше, чем Смог напал на нас.

И в эту минуту ему вспомнилось то баснословное богатство, которое теперь никому не принадлежало и никем не охранялось, и он умолк. Бэрд задумался над словами бургомистра о восстановлении Дейла, представил, как снова

зазвонят золотые колокола. Только бы найти приверженцев и работников!

И тогда он снова заговорил:

— Сейчас не время ссориться, бургомистр, не время заниматься сменой власти. Надо делать дело. Пока ещё я служу вам, хотя настанет час — и я, быть может, и вправду подамся на Север с теми, кто захочет последовать за мной.

И он пошёл присмотреть за устройством лагеря и оказать помощь больным и раненым. Бургомистр же остался сидеть на земле и, нахмурившись, смотрел ему вслед. Он был себе на уме и поэтому больше не стал ничего говорить, только громко приказал принести огня и еды.

Куда ни подходил Бэрд, всюду он слышал пробегавший, точно огонь в лесу, разговор о безмерных сокровищах, которые никто теперь не охраняет. Говорили о том, что можно будет возместить все свои потери и, сверх того, разбогатеть и свободно покупать предметы роскоши на Юге. Мечты эти помогли им перенести бедственное положение, помогли коротать холодную горестную ночь. Кров удалось соорудить не для всех (у бургомистра он, конечно, был), еды не хватало (даже у бургомистра кончились запасы). Многие в эту ночь простудились или заболели с горя и вскоре

умерли. И в последующие месяцы многие болели и страдали от голода.

Тем временем Бэрд взялся руководить людьми, отдавал приказы по собственному усмотрению, но всегда от имени бургомистра. Нелегко было управлять людьми, строить им жильё, принимать меры для их защиты. Большинство, возможно, не перенесло бы зимы, если бы не подоспела подмога. Бэрд первым делом послал гонцов вверх по реке — просить помощи у короля лесных эльфов. Гонцы встретили войско эльфов на полдороге, хотя прошло всего три дня, как убили дракона.

Король лесных эльфов услышал о том, что случилось, от собственных гонцов и от птиц, дружески относившихся к эльфам. Великое волнение поднялось среди всего крылатого племени, обитавшего по соседству с Драконовым Запустением. Несметные стаи кружили в воздухе, быстрокрылые гонцы сновали по всему небу. Над лесом, где жили эльфы, стояли свист, щебет и стрекотанье. Новость распространилась и над Чёрным лесом: «Смог умер!» Листва шелестела, всюду настораживались уши. Весть докатилась до сосновых лесов Туманных Гор. Её услышал Беорн в своём бревенчатом доме, и гоблины засо-

вещались в пещерах.

— Боюсь, что больше мы не услышим о Торине Оукеншильде, — сказал король лесных эльфов. — Уж лучше бы он оставался моим пленником. Но, как говорится, и самый дурной ветер приносит добрую весть.

Ведь он тоже никогда не забывал легенды о богатствах Трора. Вот почему гонцы Бэрда встретили короля, когда тот со множеством копьеносцев и лучников двигался в их сторону. Над ними тучей летели вороны, думавшие, что надвигается война, какой в здешних краях не бывало вот уже много-много лет.

Услышав о просьбе Бэрда помочь ему, король сжалился над озёрными жителями, ибо эльфы — народ хороший и доброжелательный, и изменил свой маршрут, хотя сперва направлялся прямо к Горе. Он поспешил вниз по реке к Долгому Озеру. Поскольку эльфы не располагали достаточным числом лодок и плотов, войску пришлось избрать медленный путь пешком, но большой запас провианта король послал водой. Эльфы — народ быстроногий, и хотя они отвыкли от ненадёжных болотистых земель, лежавших между лесом и озером, переход совершили быстро. Уже через пять дней после смерти дракона они подошли

к берегам озера и увидели руины города. Как и следовало ожидать, их встретили с восторгом, жители и бургомистр согласились заключить любую сделку с королём эльфов в обмен на помощь.

Скоро план действий был готов. Вместе с женщинами и детьми, стариками и больными на озере остался бургомистр, а также некоторые мастеровые люди и искусные эльфы. Они остались валить деревья и вылавливать брёвна, спущенные из леса по реке. Потом они принялись строить вдоль берега хижины, чтобы расселить людей на зиму. По распоряжению бургомистра и под его надзором начали составлять план нового города, который должен был стать ещё красивее и больше прежнего, но не на старом участке озера, а дальше к северу.

Жители озера отныне испытывали страх перед местом, где лежал мёртвый дракон. Не вернуться ему было больше на своё золотое ложе, он застыл на дне, как страшное каменное изваяние. И сотни лет спустя громадные кости белели на мелководье в тихую погоду среди руин старого города. Редко кто осмеливался проплывать в лодке над этим проклятым местом, и уж никто не решался нырнуть там, чтобы подобрать драгоценные камни, выпавшие из его знаменитого панциря.

Остальные же мужчины, кто был ещё не стар и крепок, и почти всё войско эльфов отправились походом к горе.

Итак, на одиннадцатый день после гибели города головная часть войска прошла через каменные ворота в конце озера и ступила на безлюдную землю.



15. Тучи собираются



Вернёмся теперь к Бильбо и гномам. Они дежурили по очереди всю ночь до утра, однако не заметили и не услышали ничего подозрительного. Но днём пуще прежнего стали собираться птицы. Они летели стаями с юга, а вороньё, издавна жившее в окрестностях Горы, кружило над ней и не переставая кричало.

— Происходит что-то странное, — сказал Торин. — Время осенних перелётов уже прошло, да и птицы все местные — скворцы, зяблики. А

там вдали я вижу стервятников, питающихся мертвечиной, они словно ждут битвы.

Бильбо вдруг протянул руку.

— Смотрите, старый дрозд вернулся! Значит, он спасся, когда Смог расплющил наш склон. Но улитки вряд ли уцелели.

И в самом деле, дрозд подлетел к ним, уселся на камень, забил крылышками и застрекотал. Потом склонил голову набок и прислушался, потом снова застрекотал и снова склонил голову набок.

— По-моему, он что-то пытается нам сказать, — предположил Балин, — но я не могу разобрать — что. Дрозды тараторят чересчур быстро и непонятно. А ты разбираешь, что он говорит, Бэггинс?

— Н-не всё, — ответил Бильбо, который не понял ровно ничего. — По-моему, старичок очень взволнован.

— Что бы ему быть вороном! — заметил Балин.

— А мне казалось, ты ворон недолюбливаешь. В прошлый раз ты от них прямо шарахался.

— Так то воро́ны! И к тому же противные грубиянки подозрительного вида. Ты слышал, как они нас обзывали! Нет, во́роны совсем другое. Народ Трора когда-то очень дружил с ними, они приносили нам тайные сведения, а в награду

получали от нас всякие блестящие вещицы, которые с удовольствием прятали у себя в гнёздах. Они живут долго, память у них прекрасная, и всё, что знают и помнят, они передают своим детям. В молодости я знавал многих воронов. Ведь и эту высоту когда-то называли Вороньей потому, что здесь над караульным помещением жила знаменитая мудрая пара воронов — старый Карк и его жена. Не думаю, однако, чтобы кто-нибудь из этой древней породы остался в живых.

Едва он замолчал, старый дрозд издал громкий крик и немедленно улетел.

— Мы его не понимаем, — сказал Балин, — но он-то, уверен, понимает нас. Следи внимательно, сейчас что-то будет.

Немного погодя послышалось хлопанье крыльев, вернулся дрозд, и не один, а вместе с дряхлым-предряхлым вороном. Почти слепой, с лысой головой, огромный ворон еле передвигался. Опустившись на площадку, он медленно, с трудом скакнул к Торину.

— О Торин, сын Трейна, и Балин, сын Фандина, — прокаркал он (и на этот раз Бильбо всё понял, так как ворон говорил человечьим, а не птичьим языком). — Я — Роак, сын Карка. Карк умер, ты знал его когда-то. Сто пятьдесят три

года протекло с тех пор, как я вылупился из яйца, но я помню всё, что рассказывал отец. Ныне я предводитель больших воронов, живущих в окрестностях Горы. Нас мало, но зато мы помним прежнего короля Под Горой. Большинство моих подданных сейчас отсутствует, ибо с юга дошли великие новости — одни доставят тебе радость, другие огорчат. Смотри! Птицы собираются к Горе и к Дейлу со всех сторон, ибо распространилась весть, что Смог умер!

— Умер? Умер? — наперебой закричали гномы. — Так, значит, мы зря боялись, сокровища теперь наши! — Они вскочили и запрыгали от восторга.

— Да, он мёртв, — ответил Роак. — Дрозд, да не выпадут никогда его перья, видел, как погиб Смог, а ему можно верить. Смог пал в битве с жителями Эсгарота три ночи назад с восходом луны.

Не сразу удалось Торину успокоить гномов и убедить их выслушать ворона до конца. Описав битву, престарелый ворон продолжал:

— Такова радостная весть, Торин Оукеншильд. Возвращайся в свои чертоги без страха, сокровища до поры до времени твои. До поры до времени, потому что сюда стягиваются не только птицы. Слух о смерти стража сокровищ прокатился по-

всюду, а легенда о богатствах Трора не устарела от того, что её рассказывали без конца. Многие мечтают о том, что им тоже достанется часть добычи. Сюда уже движется войско эльфов, и с ними — стервятники, рассчитывающие на бой и кровопролитие. Озёрные жители ропщут и причину своих бедствий видят в гномах. Они остались без крова, многие умерли. Смог разрушил их город, поэтому они тоже думают возместить свои убытки за счёт ваших сокровищ, независимо от того — живы вы или погибли. Пусть ваша мудрость подскажет, какой выбрать путь. Послушайте моего совета: не доверяйте бургомистру Озёрного города, больше заслуживает доверия тот, кто застрелил дракона. Зовут его Бэрд, он из Дейла, потомок Гириона. Человек он угрюмый, но верный. Нам бы очень хотелось стать очевидцами мира между гномами, людьми и эльфами. Но мир будет стоить вам немало золота. Я кончил.

И тут Торин дал волю своему гневу:

— Спасибо тебе, Роак, сын Карка. Тебя и твоё племя мы, разумеется, не забудем. Но пока мы живы, никаким ворам и насильникам не отнять у нас золото. Если хочешь заслужить нашу благодарность, приноси нам известия о тех, кто будет

приближаться к Горе. И ещё будет у меня к тебе просьба: если есть среди вас молодые с сильными крыльями, пошли гонцов к моей родне в северные горы, пусть расскажут о наших бедах. Главное — добраться до моего двоюродного брата Дейна, что живёт в Железных Холмах, не так далеко отсюда, у него много опытных воинов. Пусть поспешит нам на помощь!

— Не знаю, к хорошему или плохому приведёт твоё решение, — прокаркал Роак, — но я сделаю, как ты просишь.

И он тяжело полетел прочь.

— Назад, в Гору! — воскликнул Торин. — Времени у нас в обрез!

— А еда нужна позарез! — подхватил Бильбо, всегда мыслящий практично. Он считал, что с гибелью дракона приключение их по существу закончено (в чём сильно ошибался). Он отдал бы почти всю свою часть добычи, лишь бы мирно уладить эту историю.

— Назад в Гору! — повторили хором гномы, как будто и не слыхали слов Бильбо. Пришлось последовать за ними.

У гномов оставалось в запасе несколько дней. Они ещё раз исследовали пещеры и установили, что войти можно только через Главные ворота,

все же остальные отверстия, ведущие в Гору (кроме потайной двери), давно завалены Смогом, и от них не осталось и следа. Поэтому гномы усердно взялись укреплять главный вход и прокладывать к нему новую тропу. Внутри нашлось сколько угодно лопат, топоров и молотков, оставшихся от старинных рудокопов и плотников, а во всех этих видах работ гномы по-прежнему не знали себе равных.

Пока они трудились, вороны постоянно приносили им вести. Так, гномы узнали, что король эльфов повернул к озеру, — значит, время ещё есть. Выяснилась ещё одна приятная новость: у эльфов убежали несколько пони и сейчас бродили сами по себе на берегах Быстротечной недалеко от бывшего лагеря гномов, где сохранились кое-какие запасы провизии. Ворон отвёл туда Фили и Кили, они поймали пони и привезли на них всё, что смогли.

Прошло четыре дня, и наконец гномы услыхали, что объединённые армии жителей Озёрного города и эльфов подходят к Горе. За эти дни надежды их укрепились: еды должно было хватить на несколько недель (главную пищу, разумеется, составлял сухарник, порядком им надоевший, но даже сухарник лучше, чем ничего); они успели

поставить перед воротами каменную стену сухой кладки, высокую и толстую. В стене они оставили смотровые дырки, через которые могли и стрелять, но входа не сделали. Они вылезали наружу и влезали внутрь по приставным лестницам, а материалы втаскивали на верёвках. Под новой стеной они прорезали низкую арку для выбегавшего потока, а дальше так раскопали узкое русло, что между горой и обрывом, с которого поток падал к Дейлу водопадом, образовался широкий водоём. Добраться до ворот теперь можно было только вплавь или по узкому выступу вдоль скалы. Пони они повели к ступеням, шедшим от старого моста вверх, сняли с них поклажу и отослали их без седоков на юг, к хозяевам.

Наконец однажды ночью в долине вспыхнули огни — множество огней, словно там зажгли костры и факелы.

— Они пришли! — воскликнул Балин. — Лагерь огромный. Должно быть, они вошли в долину в сумерках.

В ту ночь гномы спали мало. Едва рассвело, они увидели из-за стены группу воинов. Воины медленно взбирались наверх. Скоро гномы разглядели вооружённых людей у озера и стрелков-эльфов. Те влезли на обломки скал и оказались

на уровне водопада. И удивились же они, увидев перед собой водоём и вместо ворот — стену, сложенную из свежеобтёсанных камней!

Они остановились, переговариваясь, показывая руками, и в эту минуту их громким голосом окликнул Торин:

— Кто вы такие? Почему вы пришли к воротам короля Под Горой вооружённые, словно желая войны? Чего вы хотите?

Ему ничего не ответили. Одни повернули назад сразу, другие ещё некоторое время разглядывали укрепления, потом последовали за первыми. В тот же день они перенесли лагерь и укрыли его между отрогами Горы. Среди скал зазвучали голоса и песни, чего не бывало уже давно. Эльфы заиграли на арфах, послышались дивные мелодии. И со звуками музыки холодный воздух словно согрелся, и до гномов донёсся слабый аромат лесных цветов, как будто сейчас была не глубокая осень, а весна.

Бильбо нестерпимо захотелось сбежать из суровой крепости, спуститься вниз, присоединиться к весёлому пиру у костров. У гномов помоложе тоже дрогнули сердца: лучше бы, мол, всё шло по-иному, забормотали они, лучше бы дружить с этими весельчаками. Но Торин насупился и

бросил на них сердитый взгляд. Тогда гномы вынесли арфы и прочие музыкальные инструменты, найденные в сокровищнице, и заиграли и запели, желая умилостивить Торина. Но их песня была непохожа на песни эльфов и больше походила на ту первую, которую гномы пели когда-то в хоббичьей норке:

Король законный занял трон,
В суровой битве пал дракон,
И всякий враг погибнет так —
Об этом заявляет он.

Ковали чаши мастера
Из золота и серебра,
Граня алмаз, рубин, топаз,
Они трудились до утра.

Былого мастерства секрет:
В корону врезать самоцвет,
Всадить в эфес звезду с небес
И в ожерелье — лунный свет.

Свободны здешние края,
Еды здесь много и питья.
Вперёд, вперёд, Лесной Народ,

Ведь королю нужны друзья.

Во все края наш зов таков:
В пещеры прежние, домой!
Лесной Народ, король вас ждёт,
Воздаст вам щедрою рукой.

Король законный занял трон,
В суровой битве пал дракон,
И всякий враг погибнет так —
Об этом заявляет он.

Песня и впрямь понравилась Торину, он оттаял, повеселел и принялся прикидывать, через какое время Дейн достигнет Одинокой Горы, если выступил из Железных Холмов сразу же, как получил весть от брата. Бильбо расстроился, услыхав песню и последующий разговор, — уж очень они ему показались воинственными.

На другое утро гномы увидели отряд копьеносцев, пересекавших реку и поднимавшихся по долине. Они несли зелёное знамя короля эльфов и голубое знамя Озёрного города. Вскоре они очутились прямо перед стеной, закрывавшей ворота.

И снова их окликнул Торин громким голосом:

— Кто вы, пришедшие с оружием в руках к воротам Торина, сына Трейна, короля Под Горой?

На сей раз он получил ответ. Высокий темноволосый человек с хмурым лицом выступил вперёд.

— Приветствую тебя, Торин! Зачем ты укрылся там, точно разбойник в берлоге? Мы с тобой пока не враги, мы не чаяли видеть вас в живых и теперь радуемся. А раз уж вы живы, то у нас есть о чём потолковать и посовещаться.

— Кто ты и о чём нам совещаться?

— Я — Бэрд, от моей руки погиб дракон. Я освободил твоё богатство. Разве это тебя не касается? Кроме того, я — прямой наследник Гириона из Дейла, в твоей сокровищнице найдётся немало драгоценных украшений, украденных когда-то Смогом из этого города. Разве не стоит об этом потолковать? Далее, в последней битве Смог разрушил дома жителей Эсгарота, а я пока что служу их бургомистру. От его имени я спрошу тебя: неужели нет в тебе сочувствия к чужому горю и страданиям? Тебе помогли в трудную минуту, а ты в ответ навлёк на них погибель, хотя и не намеренно.

Что же, сказано было справедливо и честно, хотя тоном гордым и угрюмым. Бильбо думал, что Торин признает законность сказанного. (О том, что это он, он один обнаружил уязвимое

место дракона, никто никогда не вспомнил. Да он этого и не ждал.) Но Бильбо не принял во внимание власти золота и характера гномов. Долгие часы провёл Торин в сокровищнице, и алчность крепко завладела им. Главным образом он разыскивал Аркенстон, но при этом замечал и другие чудесные вещи, с которыми связаны были воспоминания о трудах и печалях его народа.

— Самый главный и каверзный вопрос ты приберёг на конец, — ответил Торин. — Никто не имеет права посягать на сокровища моего народа, ибо Смог, укравший их, лишил в своё время мой народ крова, а кого и жизни. Сокровища не принадлежали дракону, и теперь с их по мощью не искупить его злодеяний. Стоимость товаров и полученную от жителей озера помощь мы честно возместим. Но ничего, слышите, ничего не дадим, если нам будут угрожать силой. Пока у наших дверей стоит вооружённое войско, мы взираем на вас как на врагов и грабителей. Я тоже, в свою очередь, спрошу вас: а какую часть сокровищ отдали бы нашему клану вы, если бы нашли нас мёртвыми?

— Вопрос обоснованный, — ответил Бэрд, — но вы не погибли, а мы не грабители. И ведь кроме прав есть ещё просто жалость, которую богатый

может испытывать к нуждающимся, если те отнеслись к нему дружески, когда он бедствовал. Притом другие мои вопросы остались без ответа.

— Повторяю, я не намерен вести переговоры с вооружёнными воинами, осаждающими мои ворота. А тем более с эльфами, к которым я не питаю добрых чувств. Наши переговоры их не касаются. Ступайте отсюда, пока в вас не полетели стрелы! Захотите опять говорить со мной — сперва отошлите войско эльфов обратно в лес, где им место, тогда и возвращайтесь, но без оружия!

— Король эльфов — мой друг, он поддержал озёрных жителей в тяжёлое время и сделал это по чистой дружбе, бескорыстно, — возразил Бэрд. — Мы дадим вам срок одуматься. Образумьтесь к нашему приходу!

С этими словами Бэрд повернул назад, и отряд спустился в лагерь.

Не прошло и нескольких часов, как снова явился отряд, вперёд выступили трубачи, и один из них, протрубив, объявил:

— От имени Эсгарота и Леса мы взываем к Торину Оукеншильду, сыну Трейна, именующему себя королём Под Горой! Мы предлагаем ему выполнить представленные ему требования или же отныне считаем его своим заклятым врагом!

Он обязан передать одну двенадцатую часть богатств Бэрду как убийце дракона и наследнику Гириона. Из этой части Бэрд выделит в помощь Эсгароту, сколько найдёт нужным. Но если Торин ищет дружбы и уважения соседей, как было в обычае у его отцов в старину, то сам внесёт от себя долю для поддержки жителей озера.

В ответ Торин схватил лук и пустил стрелу в глашатая. Стрела вонзилась в щит и затрепетала.

— Если таков твой ответ, — прокричал глашатай, — то объявляю Гору осаждённой. Вы не покинете её до тех пор, пока не призовёте нас для перемирия и переговоров. Мы не поднимем на вас оружия, но и не выпустим оттуда. Сидите на своём золоте и ешьте его, коли охота!

На этом гонцы быстро удалились, и гномы остались обдумывать своё положение. Торин впал в такую мрачность, что никто не посмел бы ему перечить, если бы и захотел, но в том-то и горе, что большинство гномов держалось одного с ним мнения, за исключением разве толстяка Бомбура, Фили и Кили. Бильбо, разумеется, не одобрил нового поворота событий. Ему и так давно опостылела Гора, а тут ещё предстояло сидеть в осаде! Это было слишком!

«Вся Гора изнутри провоняла драконом, — вор-

чал он себе под нос, — тошнит от этого запаха. И сухарник уже не лезет в горло».



16. Ночной вор



Дни тянулись медленно и скучно. Гномы убивали время, раскладывая сокровища по кучкам и приводя их в порядок. Торин наконец завёл разговор об Аркенстоне Трейна и убедительно попросил своих спутников обшарить все углы.

— Аркенстон моего отца, — сказал он, — один дороже золотой реки, а для меня он и вовсе не имеет цены. Из всего богатства именно его я предназначаю для себя и жестоко отомщу всякому, кто найдёт его и утаит.

Бильбо слышал его слова и очень испугался: что будет, если камень найдут? Он спрятал его в узелок с тряпьём, который клал себе под голову вместо подушки. Но промолчал, потому что по мере того, как скука становилась всё невыносимее, в голове его постепенно зрел план.

Всё шло без изменений, как вдруг вороны принесли новость, что Дейн с пятью сотнями гномов вышел из Железных Холмов и дня через два будет в Дейле.

— Боюсь, им не подойти к Горе незамеченными, — закончил Роак. — Как бы не завязался бой в долине. Не нравится мне это. Народ они, конечно, решительный, но едва ли им под силу справиться с войском, которое вас осаждает. А если и справятся, то что ожидает вас? По пятам за ними идут зима и снег. Чем вы будете кормиться без поддержки и расположения соседей? Дракона не стало, но как бы сокровища не принесли вам смерть!

Но вразумить Торина было невозможно.

— Зима и мороз пощиплют людей и эльфов тоже, — возразил он. — Они, может быть, не вынесут жизни в необитаемом крае. Как навалятся на них мои родственники и нажмёт зима — так они поневоле заговорят по-другому.

В эту ночь Бильбо решился. Ночь была безлунная, небо чёрное. Как только полностью стемнело, Бильбо отошёл в угол задней комнаты и вытащил из узелка верёвку и Аркенстон, завёрнутый в тряпицу. Потом вылез на верхушку стены. Там дежурил Бомбур.

— Здорово холодно! — сказал Бомбур.

— А внутри довольно тепло, — заметил Бильбо.

— Ещё бы. Но мне ещё стоять до двенадцати ночи, пробурчал толстяк. — Скверная вышла история. Упаси бог, чтобы я осуждал Торина, да растёт его борода беспредельно, а только он всегда был упрямец и не отличался гибкостью.

— С гибкостью и у меня сейчас неважно, — заметил Бильбо. — Ноги совершенно одеревенели, я оттоптал их на каменных лестницах и в коридорах. Дорого я дал бы за то, чтобы походить по мягкой травке.

— А я бы дорого дал за глоток чего-нибудь крепкого, за сытный ужин да за мягкую постель!

— К сожалению, пока осада продолжается, не могу тебе этого предложить. Но зато могу предложить вот что: уже давно я не стоял на часах и с удовольствием за тебя подежурю, если хочешь. Всё равно мне сегодня не спится.

— Ты хороший товарищ, Бильбо Бэггинс, с радостью соглашаюсь. Если что заметишь, не забудь — сперва разбуди меня! Я лягу недалеко от двери, слева от входа.

— Ступай, ступай, — сказал Бильбо. — Я разбужу тебя в полночь, а ты разбудишь следующего часового.

Едва Бомбур ушёл, Бильбо надел кольцо, привязал верёвку, перелез через стену и начал спускаться вниз. Впереди у него было пять часов. Бомбур будет спать, он мог спать в любое время, после приключений в Чёрном Лесу он всё мечтал увидеть те же прекрасные сны. Остальные трудились, и вряд ли кому-то из гномов, даже Фили и Кили, могло прийти в голову выйти на стену не в своё дежурство.

Темнота стояла полная, дорога была незнакома. Наконец Бильбо умудрился добраться до излучины, и оставалось перейти вброд, чтобы выйти прямо к лагерю. Поток в этом месте был неглубокий, но широкий, и маленький хоббит с трудом перебрался в темноте на другую сторону. Он был почти уже на том берегу, как вдруг оступился на скользком камне и с шумом шлёпнулся в холодную воду. Только он выбрался на сушу, дрожа от холода и отплёвываясь, как подбежали эльфы с

фонарями и стали шарить между камнями.

— Нет, это не рыба! — сказал один. — Тут прячется шпион. Прикройте фонари, а то ему они помогут больше, чем нам, если он — забавное маленькое существо, слуга гномов.

— Слуга, вот ещё! — в негодовании фыркнул Бильбо — и тут же громко чихнул. Эльфы немедленно кинулись на звук.

— Светите сюда! — окликнул их Бильбо. — Тут я, тут! — Он стянул кольцо с пальца и выглянул из-за валуна.

Эльфы мигом оправились от изумления и схватили его.

— Кто ты? Гномовский хоббит? Что ты тут делаешь? Почему наши часовые тебя не заметили? — забросали они Бильбо вопросами.

— Я — мистер Бильбо Бэггинс, — ответил он с достоинством, — спутник Торина. Я хорошо знаю вашего короля в лицо, но он, вероятно, не знает, как выгляжу я. Меня наверняка помнит Бэрд, и его-то я и хочу видеть.

— Вот как! — сказали эльфы. — А какое у вас к нему дело?

— Какое бы ни было, любезные эльфы, оно касается только меня. Если есть у вас желание вернуться в родные леса, а не сидеть вечно в этом

унылом холодном месте, ведите меня поскорее к костру, чтобы я обсох, а потом дайте поговорить с начальниками. Только скорее. Я могу провести здесь не больше двух часов.

Вот как случилось, что часа через два после побега Бильбо сидел у жаркого костра перед большой палаткой, а рядом, с любопытством глядя на него, сидели король лесных эльфов и Бэрд. Хоббит в доспехах, сделанных руками эльфов, завёрнутый в старое одеяло, — такое зрелище увидишь не каждый день.

— Знаете, право, — Бильбо говорил самым своим деловым тоном, — создалось совершенно невыносимое положение. Я лично крайне устал от всей этой истории. Я хочу домой, на запад, там жители гораздо благоразумнее. Но, понимаете, у меня в этом деле свой интерес — четырнадцатая доля, как гласит письмо, к счастью, я его сохранил. — И он достал из кармана своей старой куртки, надетой поверх кольчуги, смятое, сложенное во много раз письмо Торина, найденное им на каминной полочке под часами. — Четырнадцатая часть общего дохода, — продолжал он. — Лично я готов внимательно рассмотреть ваши притязания и вычесть из целого справедливо причитающуюся вам сумму и только потом

заявить право на свою долю. Но вы не знаете Торина Оукеншильда. Уверяю вас, он так и будет сидеть на куче золота, пока не умрёт с голоду, если вы отсюда не уйдёте.

— Ну и пусть! — отозвался Бэрд. — Такому безмозглому упрямцу туда и дорога.

— Совершенно верно, — продолжал Бильбо. — Я вас понимаю. Но, с другой стороны, зима приближается, скоро тут будет и снег, и мороз. Продовольствия будет не хватать, даже эльфам придётся туго. Возникнут и другие трудности. Вы не слыхали про Дейна и гномов с Железных Холмов?

— Слыхали когда-то. А какое они имеют к нам отношение? — спросил король.

— Так я и думал. Значит, у меня есть кое-какие сведения, которых нет у вас. Дейн, должен вам сообщить, находится в двух днях перехода отсюда, с ним по крайней мере пятьсот свирепых гномов; многие из них опытные воины, участвовали в ужасной войне гномов с гоблинами, вы несомненно о ней слыхали. Когда они дойдут сюда, начнутся большие неприятности.

— Зачем ты нам всё это рассказываешь? — сурово спросил Бэрд. — Ты предаёшь твоих друзей или запугиваешь нас?

— Дорогой Бэрд! — пропищал Бильбо. — Не спеши с выводами! В жизни не встречал таких подозрительных людей! Просто я пытаюсь избавить от неприятностей всех заинтересованных лиц. Теперь я сделаю вам предложение.

— Послушаем! — отозвались король и Бэрд.

— Вернее, посмотрим! — поправил хоббит. — Вот! — И он вынул из тряпицы Аркенстон.

Сам король эльфов, чьи глаза привыкли взирать на красивые вещи, был поражён. Даже Бэрд молча дивился камню. Словно шар, наполненный лунным светом, висел он перед ними в сети, сотканной из сверкания снежинок.

— Это Аркенстон Трейна, — пояснил Бильбо, — Сердце Горы. И сердце Торина. Для него камень ценнее золотой реки. Отдаю его вам. Он поможет вам вести переговоры. — И Бильбо не без сожаления протянул чудесный камень Бэрду. Тот, как зачарованный, уставился на Аркенстон в своей руке.

— Но как он достался тебе и почему ты отдаёшь его, как свой? — спросил он, оторвав с усилием взор от камня.

— Н-ну, — смущённо ответил хоббит, — он не совсем мой, но я… понимаете, я готов не требовать своей доли. Может, я и Взломщик, со стороны

виднее, я лично себя таковым никогда не считал, но Взломщик более или менее честный. Сейчас я возвращаюсь назад, и пусть гномы делают со мной, что хотят. Надеюсь, камень принесёт вам пользу.

Король эльфов посмотрел на Бильбо, как на диковину.

— Бильбо Бэггинс! — сказал он. — Ты более достоин носить королевские доспехи эльфов, чем многие из тех, на ком они сидят лучше. Но что-то я сомневаюсь, чтобы Торин Оукеншильд думал так же! Пожалуй, я всё-таки лучше знаком с гномами, чем ты. Вот мой совет: оставайся с нами, тут тебе будут оказаны почёт и гостеприимство.

— Спасибо, спасибо большое, — ответил Бильбо и поклонился. — Я думаю, негоже было бы покинуть друзей сейчас, после того как мы столько пережили вместе. Да и я обещал старине Бомбуру разбудить его в двенадцать ночи!

Сколько ни уговаривали его, он не остался, тогда с ним послали провожатых, и король с Бэрдом на прощанье отдали ему честь.

Когда Бильбо проходил через лагерь, какой-то старик, сидевший у дверей одной из палаток, закутавшись в тёмный плащ, встал и подошёл к нему.

— Отличный поступок, мистер Бэггинс! — сказал он, хлопая Бильбо по спине. — Прост-прост, а всегда выкинет что-нибудь неожиданное!

Это был Гэндальф!

Впервые за много дней Бильбо пришёл в восторг. Но когда он тут же хотел расспросить волшебника, тот остановил его:

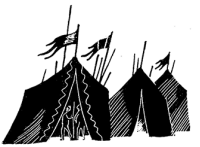
— Всё в своё время! Если не ошибаюсь, события идут к концу. Тебе сейчас придётся солоно, но не унывай! Может, ты и выкрутишься. Вас всех ожидают такие новости, о которых даже вороны не слыхали. Доброй ночи!

Озадаченный, но в то же время приободрённый, Бильбо поспешил дальше. Его привели к безопасному броду и благополучно доставили сухим на другой берег; тут он распростился с эльфами и стал карабкаться вверх к воротам. Им вдруг овладела безмерная усталость, но всё-таки он влез по верёвке на стену ещё до полуночи. Верёвка, слава богу, висела там, где он её оставил. Он отвязал её, спрятал, а потом уселся на стене и задумался: что же произойдёт дальше? На душе у него было тревожно.

В двенадцать он разбудил Бомбура, потом свернулся в уголке калачиком и, не слушая благодарностей толстяка (он сознавал, что не очень-то

их заслужил), крепко заснул, выбросив из головы все заботы. И, скажем по секрету, он видел во сне яичницу с беконом.







17. Гроза разразилась



На другое утро спозаранку в лагере раздались звуки труб. Вскоре на узкой тропе показался гонец. На некотором расстоянии от стены он остановился, окликнул гномов и спросил, согласен ли Торин выслушать новых послов, — есть новости, и обстоятельства переменились.

— Вероятно, подходит Дейн! — сказал Торин своим сподвижникам. — Они прослышали о его приближении. Я так и думал, что настроение у них живо переменится. Пусть придут в небольшом количестве, без оружия, и я выслушаю

их! — крикнул он посланцу.

Около полудня снова заколыхались знамёна Леса и Озера. Приближалось двадцать человек. В начале узкой тропы они положили мечи и копья и приблизились к воротам. Гномы с удивлением увидели Бэрда и короля эльфов, впереди которых выступал какой-то старик в плаще и капюшоне, нёсший в руках деревянную шкатулку, окованную железом.

— Приветствую тебя, Торин, — произнёс Бэрд. — Ты не передумал?

— Моё решение не меняется оттого, что несколько раз взошло и село солнце, — ответил Торин. — Ты пришёл задавать мне пустые вопросы? Я вижу, войско эльфов не отослано домой, как я велел! Ты пришёл зря. Пока они тут, я отказываюсь вести переговоры.

— Так, значит, не существует ничего, за что бы ты отдал часть твоего золота?

— Ничего такого, что можешь предложить ты.

— А что скажешь об Аркенстоне Трейна? — спросил Бэрд, и в тот же миг старик откинул крышку шкатулки и поднял вверх драгоценный камень. Камень сверкнул ярким белым блеском. От изумления у Торина отнялся язык. Долгое время все молчали.

Наконец Торин заговорил, и голос его звучал хрипло от сдерживаемой злобы:

— Этот камень принадлежал моему отцу, он мой. Почему я должен выкупать свою собственность? — Любопытство взяло верх, и он, не удержавшись, спросил: — Как попала к вам в руки святыня нашего королевского рода? Правда, ворам не задают таких вопросов.

— Мы не воры, — возразил Бэрд. — То, что принадлежит тебе, мы отдадим в обмен на наше.

— Как он попал к вам, я спрашиваю? — с нарастающим гневом закричал Торин.

— Я дал! — пискнул до смерти перепуганный Бильбо, выглядывая из-за стены.

— Ты? Ты? — завопил Торин, поворачиваясь к хоббиту и хватая его обеими руками. — Жалкий хоббит! Ах ты… Взломщик паршивый! — От возмущения Торин не находил слов и тряхнул бедного Бильбо, как щенка. — Клянусь бородой Дьюрина! Хотел бы я увидеть сейчас Гэндальфа! Будь он проклят за то, что подсунул нам тебя! Пусть отсохнет его борода! А тебя я сброшу со скалы! — И Торин поднял Бильбо кверху.

— Остановись! Твоё желание исполнилось! — произнёс чей-то голос. Старик со шкатулкой скинул плащ и капюшон. — Гэндальф тут! И

кажется, как раз вовремя. Вам не нравится мой Взломщик — что делать, но, пожалуйста, не калечьте его! Поставьте его и послушайте сперва, что он скажет.

— Да вы все тут в заговоре! — зарычал Торин и неохотно поставил Бильбо на стену. — Никогда больше не буду иметь дело с волшебниками и их приятелями. Что ты можешь сказать в своё оправдание, ты, крысиное отродье?

— Ай-ай-ай, как всё это неприятно! — сказал Бильбо. — Может быть, вы помните, что разрешили мне самому выбрать свою четырнадцатую часть? Возможно, я принял ваше разрешение чересчур буквально, мне говорили, что гномы порой любезнее на словах, чем на деле. Правда, было время, когда вы, смею думать, считали, что я вам принёс кое-какую пользу. Крысиное отродье… Нет, вы слыхали? Так это и есть благодарность за услуги, которую вы мне обещали, Торин, от себя и от вашей семьи? Считайте, что я распорядился своей долей, как хотел, и покончим с этим!

— Так я и сделаю, — мрачно отозвался Торин. — Я покончу с тобой все отношения. Смотри не попадайся мне больше! — Он повернулся и крикнул вниз через стену: — Меня предали! Расчёт был верный: я не могу не выкупить Аркенстон,

сокровище нашего рода. За него я отдаю четырнадцатую часть богатства серебром и золотом. На это уйдёт доля изменника, пусть он убирается с этой наградой, а вы там делите её, как знаете. Ему перепадёт немного, не сомневаюсь. Забирайте его, коли хотите, чтобы он остался жив. Я расстаюсь с ним без сожалений.

— Спускайся к своим друзьям, — буркнул он, обращаясь к Бильбо, — а не то я тебя сброшу.

— А как же золото и серебро? — спросил Бильбо.

— Отдадим своим чередом, когда управимся. Спускайся!

— Пока не будет выкупа, камень останется у нас! — воскликнул Бэрд.

— Для короля Под Горой вы ведёте себя не слишком красиво, — проговорил Гэндальф. — Но всё ещё может перемениться.

— Вот именно, — подтвердил угрожающе Торин; и так велика была власть богатства над его душой, что он уже прикидывал, как бы с помощью Дейна захватить Аркенстон и не уплатить обещанный выкуп.

Бильбо спустился по верёвке со стены, и в награду за все труды ему досталась лишь кольчуга, подаренная раньше Торином. Многие гномы не

могли смотреть ему в глаза от стыда и искренне жалели, что Бильбо изгнан с позором.

— До свиданья! — крикнул им Бильбо. — Может, мы ещё встретимся как друзья.

— Прочь! — рявкнул Торин. — На тебе кольчуга, сделанная руками гномов, она слишком хороша для тебя. Стрелой её не пробьёшь, но если ты сейчас же не уберёшься, я тебе ноги прострелю, жалкая тварь! Скорей!

— Не торопись! — сказал Бэрд. — Мы даём вам время до завтрашнего утра. В полдень мы вернёмся и проверим, приготовлен ли выкуп за камень. Если всё будет без обмана, уйдём мы и уйдёт войско эльфов. А теперь до свиданья!

Они ушли к себе в лагерь, а Торин немедленно послал гонцов Роака к Дейну, велел пересказать, что здесь произошло, и поторопить его.

Прошёл день, миновала ночь. Наутро ветер переменился, было пасмурно и мрачно. На рассвете в лагере людей и эльфов поднялся переполох: скороходы донесли, что из-за восточного отрога показалось войско. То был Дейн. Он шёл без привала всю ночь и потому прибыл раньше, чем ожидали. На каждом его воине была длинная стальная кольчуга до колен, на ногах — поножи из тонкой и гибкой металлической сетки;

только подданные Дейна владели секретом её выделки. Гномы вообще необычайно сильны и выносливы для своего роста, но воины Дейна выделялись особенной силой. В руках они держали тяжёлые двуручные боевые мотыги, сверх того у каждого на боку висел короткий широкий меч, а за спиной — круглый щит. Бороды у них были расчёсаны надвое, заплетены и заткнуты за пояс. Шлемы были железные, башмаки тоже железные, а лица — суровые.

Затрубили трубы, призывая к оружию людей и эльфов. Армия гномов приближалась с поразительной быстротой; они остановились между рекой и восточным отрогом, после чего несколько воинов перешли реку и, не доходя до лагеря, положили на землю оружие и подняли кверху руки в знак мирных намерений. Бэрд сам вышел им навстречу, и Бильбо с ним.

— Нас послал Дейн, сын Нейна, — сказали гномы. — Услыхав, что возродилось прежнее королевство, мы поторопились соединиться с нашими родственниками. А кто вы такие? Зачем вы стоите под укреплёнными стенами, словно враги?

Если передать эти приличествующие случаю старомодно учтивые слова простым языком, то

они означали: «Вам тут делать нечего. Мы всё равно пройдём дальше, так что посторонитесь, или будем драться». Гномы хотели протиснуться между Горой и излучиной реки, так как этот узкий перешеек выглядел наименее защищённым.

Бэрд, естественно, отказался пропустить гномов к Горе. Он твёрдо решил сперва дождаться золота и серебра в обмен на Аркенстон; он не верил, чтобы Торин исполнил своё обещание после того, как получит столь значительное и воинственное подкрепление. Новоприбывшие доставили бы в крепость большой запас продовольствия, ибо воины Дейна, несмотря на быстроту перехода, несли на спинах громадные тюки. Тогда осаждённые выдержали бы многонедельную осаду, а тем временем подоспели бы новые и новые гномы, так как родственников у Торина сохранилось много. Гномы могли также открыть другие входы и поставить там охрану, и тогда осаждающим пришлось бы буквально окружить Гору со всех сторон, а на это у них не хватило бы народу.

Бэрд совершенно правильно угадал замыслы гномов (недаром летали взад-вперёд между Торином и Дейном вороны). Но путь гномам был пока преграждён, поэтому как они ни горячились, а пришлось послам удалиться, бранясь себе в боро-

ды. Бэрд сразу же послал к воротам своих гонцов, но никакого выкупа они там не обнаружили. Более того, в них полетели из-за стены стрелы и они в испуге повернули обратно. В лагере у людей и эльфов поднялась суматоха, как перед боем. Гномы Дейна уже наступали вдоль восточного берега реки.

— Простофили, — усмехнулся Бэрд, — так близко подойти под самую Гору! Они ничего не смыслят в надземной войне, привыкли воевать в рудниках. С их правого фланга у нас спрятано в скалах много лучников и копьеносцев. Говорят, кольчуги у гномов хороши, но мы это проверим. Мы нападём на них сейчас, сразу с обеих сторон, пока они не опомнились.

Но король эльфов промолвил:

— Нет, ради золота я не стану торопиться начинать битву. Гномы всё равно не минуют нас, и что бы они ни затеяли, мы сразу заметим. Будем надеяться, что примирение ещё возможно. Если же, к несчастью, дело дойдёт до схватки, что ж, на нашей стороне численный перевес.

Король, однако, не принял в расчёт характера гномов. Сознание, что Аркенстон в руках у осаждающих, лишало их покоя. Они уловили колебания Бэрда и его друзей и решили нанести

удар немедля. Внезапно, без всякого предупреждения они молча пошли в атаку. Запели луки, засвистели стрелы. Бой начался!

И вдруг, ещё внезапнее, наступила тьма! Небо закрыла чёрная туча. Поднялся ураган и принёс раскаты грома (и это накануне зимы!), молния осветила вершину Горы. А ниже грозовой тучи появилась ещё одна — чёрный вихрь, мчавшийся к Горе не по ветру, а с севера, будто туча из птиц, настолько сплошная, что просвета между крыльями не было.

— Стойте! — закричал вдруг Гэндальф, он встал между наступающими гномами и рядами людей и эльфов и поднял руки. — Стойте! — повторил он громовым и грозным голосом, и посох его сверкнул, как молния. — Грядёт ужас! Увы, скорее, чем я думал. Близятся гоблины! С ними Больг, чьего отца Азога ты убил в рудниках Морайи, о Дейн! Смотрите! Над армией гоблинов несутся летучие мыши. Гоблины скачут на варгах, и варги у них в свите!

Смятение охватило изумлённых воинов. Тьма всё сгущалась. Гномы с ужасом глядели в небо. У эльфов из груди вырвался стон.

— Сюда! — закричал Гэндальф. — Мы ещё успеем держать совет. Пусть Дейн, сын Нейна, придёт

к нам.

Так началась битва, которой никто не ожидал, её назвали потом битвой пяти армий. Страшно вспомнить о ней! На одной стороне были гоблины и чудовищные варги, на другой — эльфы, люди и гномы.

История этой битвы такова. С момента смерти Верховного Гоблина враждебность его племени к гномам переросла в смертельную ненависть. Гонцы засновали между их городами, колониями, крепостями; гоблины решили овладеть всем Севером. Тайным образом собирали они сведения; под всеми горами ковалось оружие, вооружались армии. Потом гоблины двинулись в поход. Они шли под землёй, туннелями, либо под покровом ночи. И наконец в глубине большой горы Ганабад, где была их столица, собралось невиданное войско. Гоблины задумали дождаться грозы и напасть на гномов врасплох. Здесь они услыхали весть о гибели Смога и обрадовались. Ночь за ночью бежали они между гор по пятам за Дейном и внезапно появились у Горы. Никто, даже вороны не ведали об их нашествии. Что было известно Гэндальфу, нельзя сказать, но, во всяком случае, столь внезапное нападение явилось и для него неожиданностью. На совете Гэндальф, король

эльфов, Бэрд и Дейн выработали следующий план: гоблины — всеобщие враги, с их приходом распри должны быть забыты. Единственный способ — заманить гоблинов в долину между отрогами Горы, а самим засесть наверху. Но если часть войска гоблины перебросят через Гору, окружив её со всех сторон, то союзники пропали, так как тогда гоблины атакуют их и с тыла и сверху. Гроза пронеслась, гром укатился на юго-восток, но туча летучих мышей опускалась всё ниже, кружилась у них над головой, закрывая свет и наполняя сердца страхом.



— К Горе! — закричал Бэрд. — Займём места, пока есть время!

На южном отроге по всему склону стояли эльфы, на восточном — люди и гномы. Бэрд с отрядом наиболее проворных людей и эльфов взобрался на гребень восточного отрога, чтобы обозревать северную сторону. О ужас! Окрестности Горы почернели от полчищ врагов. Через минуту передние гоблины обогнули отрог и хлынули в долину. То были лучшие наездники среди гоблинов, их вой и визг раздирали уши. Отряд храбрецов из войска Бэрда встал у них на пути, пытаясь отвлечь их. Потом люди разбежались в стороны, но многие были убиты. Как и надеялся Гэндальф, гоблины, разозлённые нежданным сопротивлением, сосредоточились позади авангарда и теперь в ярости кинулись в долину. Их багрово-чёрных знамён было не сосчитать, гоблины неслись беспорядочным и буйным потоком.

Страшная то была битва. Самое опасное из приключений Бильбо, которым впоследствии он больше всего гордился и которое с удовольствием вспоминал, хотя роль его тогда была весьма незначительна. Собственно говоря, он с самого начала надел кольцо и исчез из виду, не избавившись, однако, полностью от опасности.

Волшебное кольцо не спасает в полной мере в случае нападения гоблинов и не отвращает летящие стрелы и копья. Зато оно всё-таки помогает выскальзывать из-под ног, и голова ваша не становится избранной мишенью какого-нибудь ретивого гоблина, желающего снести своим мечом именно её. Снести её могут только случайно.

Первыми бросились в атаку эльфы. Их воодушевляла ожесточённая холодная ненависть к гоблинам. Так сильна была их злоба, что копья и мечи в их руках светились во тьме холодным сиянием. Когда вражеское войско столпилось в долине, эльфы выпустили в них ливень стрел. Вслед за стрелами полетели тысячи копий. Гоблины оглушающе выли. Скалы почернели от гоблинской крови.

Едва гоблины оправились от натиска эльфов, в долине прокатился рокочущий рёв. С возгласами «Морайя!» и «Дейн!» выскочили с другой стороны гномы Железных Холмов, потрясая боевыми мотыгами, а за ними выбежали воины Озёрного города с длинными мечами.

Паника охватила гоблинов. Они повернулись навстречу новому врагу, и тогда эльфы снова бросились в атаку в удесятерённом количестве. Многие гоблины уже ударились в бегство вдоль

реки, чтобы избежать ловушки, варги уже стали кидаться на своих седоков, разрывая трупы и раненых. Уже победа, казалось, близка, как вдруг сверху раздались новые клики. Гоблины действительно взобрались на Гору с обратной стороны и теперь бешеным потоком струились по склонам вниз, не обращая внимания на тех из своих, кто с воем срывался в пропасть. Гоблины хотели атаковать отроги сверху, от ворот. На каждый отрог вели тропы с главной Горы; людей, эльфов и гномов Дейна не хватало, они не могли перерезать каждую тропу. Надежда на победу померкла. Удалось отразить лишь первый натиск чёрной лавины.

День давно перевалил за половину. Гоблины снова собрались в долине. Туда уже примчались хищные варги и с ними гвардия Больга — гоблины громадных размеров со стальными кривыми саблями. Грозовое небо всё темнело. По-прежнему большие летучие мыши кружили над головами эльфов и людей и впивались в раненых, как вампиры. Бэрд изо всех сил защищал восточный отрог, но постепенно и он начал отступать. А эльфов вместе с королём загнали к самому сторожевому посту на Вороньей Высоте.

Вдруг послышался громкий клич, из ворот раз-

дался звук трубы. Они забыли про Торина! Часть стены, разбитая ломом, свалилась в водоём. Из пролома выскочили король Под Горой и его соратники. Куда девались их плащи и капюшоны?! Их заменили сверкающие доспехи. Глаза гномов горели красным огнём. В сумерках золотые доспехи Торина светились как будто раскалённый металл на углях.

Гоблины, засевшие на Горе, начали сбрасывать на них камни, но гномы продолжали спускаться, прыгая с уступа на уступ. Так они сбежали по склону в долину и вступили в бой. Варги и всадники падали мёртвыми или обращались в бегство под их натиском. Торин с бешеной силой размахивал мечом, и казалось, что он неуязвим.

— Ко мне! Ко мне, эльфы и люди! Ко мне, мои родичи! — взывал он, и голос его гудел в долине, как рог.

К нему на помощь бросились гномы Дейна. Туда же вниз сбежали с отрогов многие люди, и Бэрд не смог удержать их. С другой стороны появились копьеносцы эльфов. Гоблинов опять разбили, долина покрылась чёрными грудами отвратительных трупов. Варгов отогнали, Торин теснил мечом гвардию Больга, но не мог же он пронзить все ряды сразу. Уже много полегло

людей, и гномов, и прекрасных эльфов, которые могли бы жить да жить в своих лесах. По мере того как долина расширялась, атака Торина ослабевала. Соратников его было слишком мало, фланги не защищены. Скоро варги перешли в атаку, и гномам Торина пришлось образовать кольцо, ибо со всех сторон их окружили гоблины и волки. Гвардия Больга с воем устремилась на наших гномов, точно волны на песчаный остров. Друзья уже не могли им помочь, так как с Горы сыпались всё новые полчища гоблинов, и повсюду людей и эльфов медленно одолевали.

На эту картину с горестью взирал Бильбо. Он занял позицию на Вороньей Высоте вместе с эльфами, отчасти потому, что оттуда было больше шансов спастись, а отчасти (как подсказывала ему туковская часть его сознания) потому, что в неизбежной последней схватке он предпочитал защищать короля эльфов. Гэндальф, кстати сказать, тоже сидел рядышком на земле, погружённый в глубокое раздумье, очевидно собираясь устроить под конец какой-то последний волшебный взрыв.

«Теперь уже недолго осталось, — думал Бильбо. — Как только гоблины захватят ворота, так мы все будем перебиты или взяты в плен. Как

подумаешь, сколько пришлось всего перенести зря, так, право, плакать хочется. По мне, лучше бы старина Смог продолжал лежать на проклятых сокровищах, всё равно они теперь достанутся этим гнусным тварям. Бедный толстяк Бомбур, бедные Балин, Фили и Кили, и Бэрд тоже, и озёрные жители, и весёлые эльфы — все они погибнут! Горе мне! Много я слыхал песен про битвы, и так выходило, будто и поражение может приносить славу. А на самом деле всё это очень неприятно, чтобы не сказать печально. Как бы мне хотелось очутиться где-нибудь подальше!» Ветер вдруг разогнал тучи, запад перерезала красная полоса заката. Бильбо обернулся на свет, у него вырвался громкий возглас, сердце часто забилось — на фоне светлой полосы он увидел тёмные летящие тени.

— Орлы! Орлы! — закричал он. — Приближаются орлы!

Глаза редко подводили Бильбо. В самом деле, это летели орлы, ряд за рядом, несчётное войско, должно быть, собранное со всех гнёзд Севера.

— Орлы! Орлы! — Бильбо прыгал и размахивал руками. Видеть его эльфы не могли, но услышали. Они подхватили крик, и голоса их разнеслись по всей долине. — Орлы! — ещё раз крикнул Бильбо,

но тут камень, брошенный сверху, ударил его по шлему, Бильбо рухнул на землю и больше ничего не видел и не слышал.





18. Обратный путь



Когда Бильбо пришёл в себя, вокруг не было буквально ни души. Он лежал на плоских камнях Вороньей Высоты. Стоял безоблачный холодный день. Бильбо окоченел, весь дрожал, но голова у него горела.

— Что произошло? — спросил он себя. — К числу павших героев меня как будто пока не отнесёшь. Хотя ещё не всё потеряно.

С трудом, превозмогая боль, он приподнялся и сел. Поглядев вниз, он не увидел в долине живых гоблинов. Голова его начала понемножку про-

ясняться, ему показалось, что там ходят эльфы. Он протёр глаза. Лагерь людей и эльфов стоял на прежнем месте. Около Главных ворот было заметно какое-то шевеление — кажется, гномы разбирали стену. Но тишина стояла мёртвая — ни песен, ни весело перекликающихся голосов. В воздухе нависла скорбь.

— Всё-таки, пожалуй, это победа! — сказал Бильбо, ощупывая ноющую голову. — И унылая, однако, это вещь.

Вдруг из-за края обрыва показалась голова карабкающегося вверх человека; тот направлялся в сторону Бильбо.

— Эй! — закричал Бильбо слабым голосом. — Эй, что нового?

— Что за голос раздаётся среди камней? — Человек остановился, озираясь вокруг.

И тут Бильбо вспомнил про кольцо! «Тьфу ты, — подумал он. — Быть невидимкой, оказывается, тоже не всегда выгодно. Если бы не кольцо, я, наверное, провёл бы ночь в тепле и уюте».

— Это я, Бильбо Бэггинс, спутник Торина! — закричал он, срывая кольцо.

— Удачно, что я тебя нашёл! — сказал человек, шагнув к нему. — Я уже давно тебя ищу. Тебя причислили бы к убитым, если бы не волшебник:

он уверял, будто в последний раз слышал твой голос именно тут. Ты сильно ранен?

— Кажется, только садануло по голове, — ответил Бильбо. — Хорошо, на мне шлем и череп у меня крепкий. Но всё равно я чувствую слабость, и ноги как соломенные.

— Я отнесу тебя в лагерь, — сказал человек и с лёгкостью поднял его на руки.

Человек шёл уверенно и быстро. Спустя короткое время он уже поставил Бильбо на землю перед палаткой. В дверях стоял Гэндальф с рукой на перевязи! Даже волшебник и тот был ранен, а что говорить о других — в войске почти не осталось не пострадавших.

Увидев Бильбо, старик очень обрадовался.

— Бэггинс! — воскликнул он. — Вот так сюрприз! Всё-таки жив! Ну и рад же я! Я уж боялся, что даже тебе изменило счастье. Страшная вышла история, чуть всё не кончилось крахом. Но о конце я тебе потом расскажу. Сейчас идём! — Тон его вдруг сделался серьёзным. — Тебя ждут, — добавил он и ввёл хоббита в палатку.

— Торин! — сказал он, входя. — Я привёл его.

Да, там лежал Торин Оукеншильд, весь израненный; пробитая кольчуга и зазубренный топор валялись рядом на полу. Торин поднял голову.

— Прощай, добрый вор, — сказал он. — Я ухожу в чертоги ожидания к моим праотцам до той поры, когда мир изменится к лучшему. Я оставляю всё золото и серебро, так как там, куда я ухожу, оно мало ценится. Я хочу проститься с тобой по-хорошему и взять обратно свои слова, произнесённые тогда у ворот, и загладить свои поступки.

Бильбо, опечаленный, преклонил колено.

— Прощай, король Под Горой! — сказал он. — Никакие горы золота не заменят нам тебя и не возместят этой утраты. Но я всё-таки рад, что разделял с тобой опасности, — не всякому Бэггинсу доставалась честь участвовать в таком приключении.

— Это не так! — возразил Торин. — В тебе хорошего больше, чем ты думаешь, недаром ты родился в доброжелательном краю. Доля отваги, доля мудрости, сочетающихся в меру. Если бы наш брат побольше ценил вкусную пищу, застолье и песни и поменьше золото, то в мире было бы куда веселее. Но какой этот мир ни есть — печальный или весёлый — а я его покидаю. Прощай!

И Бильбо пошёл прочь, сел один в уголке, завернулся в одеяло и, верите или нет, заплакал. Он плакал так, что глаза покраснели и голос охрип.

У него была добрая душа, у Бильбо Бэггинса. Прошло немало времени, пока он решился отпустить самую пустячную шутку. «Какая удача, — сказал он себе, — что я очнулся тогда, когда очнулся. Лучше бы, конечно, Торин остался жить, но я рад, что мы расстались добрыми друзьями. Ты олух, Бильбо Бэггинс, такую ты заварил кашу с этим камнем — и всё зря: тебе так и не удалось купить мир и спокойствие, всё равно битва состоялась. Но уж в этом ты не виноват».

Обо всём, что происходило после того, как его оглушили, он узнал позднее от волшебника. Услыхав рассказ Гэндальфа, он огорчился больше, чем порадовался. Он устал, ему отчаянно хотелось домой. Но с этим приходилось подождать, поэтому пока что я расскажу о свершившихся событиях.

Орлы давно заподозрили, что гоблины сколачивают войско. Передвижение гоблинов в горах не ускользнуло от их зорких глаз. Тогда и они тоже собрались во главе с предводителем орлов в Туманных горах. Наконец, почуяв, что идёт битва, они в мгновение ока перенеслись вместе с ураганом в долину. Именно они прогнали гоблинов со склонов горы вниз прямо в гущу их врагов или посбрасывали в пропасть. Орлы быстро очистили

Одинокую Гору, и тогда эльфы и люди спустились с отрогов в долину и вступили в бой.

Но даже и вместе с орлами их всё равно было меньше, чем гоблинов. И тут, когда уже отчаяние овладело защитниками Горы, появился сам Беорн — никто не знал, откуда он взялся. Он пришёл один, в обличье медведя, такой свирепый, что казался громаднее обычного. Рёв его был громче грохота барабанов и пушек, он расшвырял волков и гоблинов направо и налево, точно пёрышки. Он напал на них с тыла и прорвался сквозь их заслон. Гномы всё ещё бились на круглом невысоком холме. Там Беорн остановился, подобрал Торина, пронзённого вражескими копьями, и вынес его из боя.

Потом быстро вернулся и с удвоенной яростью напал на врагов; никто не мог ему сопротивляться, никакое оружие его не брало. Он разметал гвардию Больга, повалил его самого и растоптал. Ужас охватил гоблинов, и они бросились врассыпную. Люди, эльфы и гномы, воодушевлённые поддержкой Беорна, воспрянули духом и погнались за гоблинами. Не давая им скрыться, они одних загнали в реку Быстротечную, других — в болота у реки Лесной. В болотах и погибла большая часть гоблинского войска, а те, кто успел

добраться до царства лесных эльфов, были убиты там же или затащены в Чёрный Лес, где и затерялись в дебрях. В песнях потом пелось, что в тот день погибло три четверти всех гоблинов Севера и что горы много лет подряд наслаждались покоем.

Победа была закреплена ещё до наступления ночи, но, когда Бильбо вернулся в лагерь, погоня продолжалась, и в долине оставались главным образом тяжелораненые.

— А где орлы? — спросил Бильбо у Гэндальфа вечером, лёжа под несколькими одеялами.

— Одни участвуют в погоне, большинство вернулись в свои гнёзда. Они не захотели оставаться здесь и улетели с рассветом. Дейн одарил их предводителя золотом и поклялся им в вечной дружбе.

— Жалко. То есть жалко, что они улетели, я бы их с удовольствием повидал, — сонным голосом произнёс Бильбо. — Может, я увижу их на обратном пути? Скоро мне можно будет отправиться домой?

— Когда пожелаешь, — ответил Гэндальф.

Но в действительности прошло ещё несколько дней, прежде чем Бильбо пустился в обратный путь. Сперва они похоронили Торина. Его зако-

пали глубоко под Горой, и Бэрд положил ему на грудь Аркенстон.

— Пусть камень хранится здесь, пока стоит Гора! — произнёс он. — Да принесёт он счастье его народу, который будет жить здесь отныне!

На могиле король эльфов оставил Оркрист, меч эльфов, отобранный у Торина в плену. В песнях говорится, будто меч светился в темноте, если приближались враги, поэтому на крепость гномов никто не мог напасть врасплох. Теперь здесь поселился Дейн, сын Нейна, и теперь он стал королём Под Горой, и со временем ещё много гномов собралось у его трона. Из двенадцати спутников Торина осталось десять: храбрые и верные Фили и Кили погибли, прикрывая своими щитами и телами Торина, ибо он приходился им родным дядей. Десятеро остались с Дейном, и Дейн распорядился богатством по совести.

Само собой разумеется, уже речи не было о том, чтобы разделить сокровища, как было задумано, поровну между Балином, Двалином, Дори, Нори и Ори, Ойном и Глойном, Бифуром, Бофуром и Бомбуром и Бильбо. Но Бэрд получил четырнадцатую часть всего серебра и золота в слитках и в изделиях. Дейн сказал при этом:

— Мы сдержим обещание, данное покойным,

ведь и он теперь владеет своим Аркенстоном.

Даже и четырнадцатая часть оказалась баснословным богатством, больше богатств любого из смертных королей. Из этой части Бэрд послал много золота бургомистру Озёрного города и щедро одарил своих друзей и сподвижников. Королю эльфов он подарил изумруды Гириона, самую любимую свою драгоценность, которая только что вернулась к нему.

А Бильбо он сказал:

— Золото и серебро столько же твоё, сколько моё, хотя старый договор и утратил силу, — столь многие принимали участие в завоевании и спасении сокровищ. Ты отказался от права на свою долю, однако я бы не хотел, чтобы сбылись прежние слова Торина, в которых он потом раскаялся. Если помнишь, он сказал, будто бы мы поскупимся. Тебя я бы как раз вознаградил щедрее, чем других.

— Ты очень добр, — ответил Бильбо, — но, честное слово, мне так легче. Ведь если бы я повёз домой кучу золота, дорогой не обойтись бы без войн и смертоубийств. А что бы я стал делать с золотом дома? Нет, пусть уж лучше остаётся в твоих руках.

В конце концов Бильбо согласился взять две

небольшие шкатулки, одну с серебром, другую с золотом — сколько мог увезти пони.

— Может, с этим я кое-как и управлюсь, — добавил Бильбо.

Настало наконец время проститься с друзьями.

— Прощай, Балин! — сказал он. — Прощай, Двалин, прощайте, Дори, Нори, Ори, Ойн, Глойн, Бифур, Бофур и Бомбур! Пусть никогда не поредеют ваши бороды! — И, обернувшись к Горе, добавил: — Прощай, Торин Оукеншильд! Прощайте, Фили и Кили! Пусть никогда не изгладится память о вас!

Гномы, провожавшие его за ворота, низко поклонились, но не могли вымолвить ни слова от волнения.

— До свидания, счастливый путь, куда бы он ни лежал, — выговорил наконец Балин. — Если вздумаешь навестить нас, когда дворец наш снова станет прекрасным, то какой мы грандиозный пир устроим!

— Если вы когда-нибудь будете проходить мимо моего дома, — сказал Бильбо, — входите не стучась. Чай подаётся в четыре, но милости прошу во всякое время.

И он отвернулся.

Войско эльфов пустилось в обратный путь.

Оно, как ни грустно, сильно уменьшилось, но оставшиеся всё равно радовались: дракон был мёртв, гоблины разбиты; эльфы мечтали о весне, которая шла на смену зиме.

Гэндальф и Бильбо ехали позади короля эльфов, а рядом с ними шагал Беорн в облике человека, всю дорогу смеялся и громко пел. Так они ехали, пока не доехали до границ Чёрного Леса. Тут пришлось сделать привал, так как волшебник и Бильбо не захотели входить в лес, как ни уговаривал их король погостить у него во дворце. Гэндальф и Бильбо решили обогнуть лес с севера, пройдя по пустынной местности, лежавшей между лесом и Серыми горами. Дорога была, конечно, длинной и скучной, но теперь, без гоблинов, здесь казалось безопасней, чем на тёмных тропах в гуще Чёрного Леса. К тому же с ними шёл Беорн.

— Прощай, король эльфов! — сказал Гэндальф. — Да будет весел ваш зелёный лес, мир ещё достаточно молод! Желаю веселья всему вашему народу!

— Прощай, Гэндальф! — ответил король. — Желаю тебе и впредь сваливаться как снег на голову, когда ты нужнее всего. Чем чаще ты будешь гостем в моём дворце, тем мне приятнее!

— Прошу вас, — проговорил Бильбо, запинаясь

и переминаясь с ноги на ногу, примите от меня подарок! — И он протянул королю серебряное с жемчугом ожерелье, которое поднёс ему на прощанье Дейн.

— Чем же я заслужил такой дар, о хоббит? — спросил король.

— Э-э-э, я думаю… мне кажется… — промямлил в смущении Бильбо, — я… э-э-э… обязан вам за ваше… м-м-м… гостеприимство. И Взломщикам свойственно чувство благодарности. Я выпил много вашего вина и съел много вашего хлеба.

— Я принимаю твой дар, о Бильбо Щедрый! — торжественно произнёс король. — Причисляю тебя к друзьям эльфов и благословляю. Да не укоротится твоя тень, иначе воровство станет слишком лёгким делом. Прощай!

Эльфы повернули к лесу, а Бильбо тронулся в долгий обратный путь. В пути им встретилось немало трудностей и разных приключений. Всё-таки дикая местность осталась дикой. В те дни кроме гоблинов там водилось много всякой нечисти. Но на этот раз Бильбо хорошо охраняли и вели правильной дорогой; с ним шли волшебник и Беорн, и Бильбо ни разу не подвергался настоящей опасности. Понемножку, в середине зимы, они добрались до дома Беорна и остались

погостить. Святки прошли весело, отовсюду по приглашению Беорна сошлось множество гостей. Гоблины Туманных Гор больше их не беспокоили: после поражения они притихли и попрятались в глубочайшие норы. Варги покинули леса, и люди теперь путешествовали без опаски. Беорн стал предводителем в тех местах и управлял Диким Краем. Говорят, что его потомки в течение многих поколений владели умением превращаться в медведей. Попадались среди них и нехорошие, злые люди, но большинство душой походили на Беорна, хотя были меньше ростом и не такие сильные. При них последних гоблинов выгнали из Туманных Гор, и по соседству с Диким Краем воцарились мир и покой.

Уже настала прекрасная и тёплая весна, светило яркое солнце, когда Бильбо и Гэндальф простились с Беорном. Как ни скучал Бильбо по родному дому, но дом Беорна покидал с сожалением, ибо цветы в саду Беорна весной не уступали чудесным цветам в разгар лета.

Они вышли на дорогу и скоро достигли того перевала, где когда-то попали в лапы гоблинов. На сей раз на перевал они взошли утром и, оглянувшись, увидели землю, освещённую неярким утренним солнцем. Там, далеко на горизонте, еле

виднелась Одинокая Гора. На её главной вершине поблёскивал нерастаявший снег.

— Вот и снег после огня, — проговорил Бильбо, — и даже драконам приходит конец. — И он повернулся спиной к Горе, как бы ставя точку в конце своего путешествия. Туковское в нём выдыхалось с каждым днём, а бэггинсовское брало верх. — Сейчас я хочу одного: как можно скорее очутиться в собственном кресле!



19. Последняя глава



Было первое мая, когда наши путешественники добрались до края долины Ривенделл, где стоял Последний (а с этой стороны — первый) Домашний Приют. Опять был вечер, пони устали, особенно тот, что вёз поклажу. Оба всадника нуждались в отдыхе. Спускаясь по крутой тропинке, Бильбо услыхал пение эльфов среди деревьев, как будто они так и не переставали петь с их отъезда. Едва всадники очутились на нижней прогалине, эльфы запели песню, очень похожую

на прежнюю:

Нет больше дракона,
Нет огненной пасти,
Низвергнут он с трона,
Конец его власти.
Оружье ржавеет,
И рушатся троны,
Богатство скудеет,
Тускнеют короны —
А листья порхают,
Укрытые тенью,
А воды сверкают,
И слышится пенье:
Тра-та, тра-та-та-та,
В долину, ребя-та!

Алмазов светлее
Горят в небе звёзды,
На лунной аллее
Серебряный воздух.
Огонь пышет, братцы,
Как золота слитки!
Зачем же скитаться?

От странствий — убытки.
Тра-та, тра-та-та-та!
Останьтесь, ребя-та!
В какие вы дали
Спешите так поздно?
Брести вы устали,
Мигают вам звёзды,
Уймитесь отныне,
Кончайте скитаться!
Ведь зльфы в долине
Вас просят остаться.
Тра-та, тра-та-та-та,
Останьтесь, ребя-та,
Тра-та! Тра-та-та-та!
Ха-ха!

Потом эльфы выступили из-за деревьев, поздоровались и провели Бильбо с волшебником через мост к дому Элронда. Там путников приняли радушно и попросили рассказать об их приключениях. Рассказывал Гэндальф, так как сонный Бильбо помалкивал. В большинстве приключений он участвовал сам, и он-то и сообщил волшебнику многое, пока они ехали. Но время

от времени, услыхав что-нибудь новое, Бильбо открывал глаза и прислушивался.

Так он узнал, почему Гэндальф отсутствовал: он принимал участие в большом совете добрых волшебников, занимающихся белой магией и в этой области весьма сведущих. Им наконец удалось выгнать Некроманта из его мрачного пристанища на южной окраине Чёрного Леса.

— Отныне, — добавил Гэндальф, — лес сделается менее опасным, а Север надолго освободится от его злой власти. Но было бы спокойнее, если бы его совсем изгнали из мира, в котором мы живём.

— Лучшего и желать нельзя, — подтвердил Элронд, — но боюсь, что произойдёт это ещё не в наше время, да и вообще не скоро.

За рассказом о путешествии последовали другие рассказы, потом ещё и ещё — о былом и о новых событиях, и о том, чего вовсе не бывало, и наконец голова Бильбо свесилась на грудь, и он сладко уснул.

Проснулся он в белоснежной постели, луна глядела прямо в открытое окно. Снизу, от ручья доносились звонкие голоса эльфов:

Эй, песенку эту затянем мы хором,

Пусть ветер порхает по травам дозором,
Пускай в лунном свете все тени короче,
Пусть звёзды сверкают на куполе ночи.

Пляшите, пляшите, гоните тревоги,
В траве шелестите, крылатые ноги.
Пусть воды речные звеня протекают,
Мы праздник весёлый отпразднуем в мае.

Одарим усталого путника снами,
Пускай себе дремлет в лесу рядом с нами,
Под голову — травы, пусть спит он, счастливый,
Баюкай его, серебристая Ива.

Умолкни, Сосна, не буди его, Ясень,
Пусть сон его будет спокоен и ясен,
Пусть в светлые сны не врываются звуки,
Дубы, не скрипите, умолкните, Буки!

— Одно слово — Весёлый Народ! — сказал Бильбо, высовывая голову в окно. — Какой же час

ночи? Право, ваша колыбельная и пьяного гоблина разбудит! Впрочем, благодарю вас за неё.

— А твой храп разбудит и дракона за тридевять земель! — возразили ему со смехом. — Но мы тоже тебя благодарим. Приближается рассвет, а спишь ты с вечера.

— Поспать в доме Элронда — великое дело, — отозвался Бильбо, но я бы хотел ещё и выспаться в нём. Доброй ночи ещё раз, мои прекрасные друзья! — И Бильбо опять бросился на постель и проснулся лишь поздним утром.

Усталость его скоро прошла, и он не раз плясал и перекидывался шутками с эльфами рано утром и поздно ночью. Но даже жизнь в долине эльфов не могла его удержать, его всё время тянуло домой. Поэтому через неделю он простился с Элрондом, с великим трудом уговорил его принять подарки и поехал с Гэндальфом дальше.

Как только они выехали из долины, небо потемнело, поднялся ветер и полил дождь.

— В мае не соскучишься! — сказал Бильбо, пряча лицо от хлеставшего дождя. — Что же, легенды остались позади, мы возвращаемся домой. Наверное, это первая весточка о доме.

— Дорога впереди ещё длинная, — заметил Гэндальф.

— Но зато она ведёт только к дому и никуда больше, — ответил Бильбо.

Они доехали до реки, отмечавшей границу Дикого Края, и спустились с крутого берега к знакомому броду. Вода в реке поднялась, так как снега таяли и дождь лил день-деньской. Они кое-как переправились на другую сторону и поспешили вперёд, ибо уже вечерело. Путешествие повторялось в обратном порядке за тем исключением, что компания была меньше, настроение грустнее и не было троллей.

По дороге Бильбо то и дело узнавал места и вспоминал, что тут или там произошло год назад и что при этом говорилось (ему казалось, что прошло десять лет). Конечно же, он сразу заметил место, где пони убежал в реку, а они свернули с дороги и пережили пренеприятные приключения с Томом, Бертом и Биллом.

Невдалеке от дороги Гэндальф и Бильбо откопали спрятанное ими год назад золото троллей.

— Мне и так до конца жизни хватит, — сказал Бильбо. — Лучше ты возьми его, Гэндальф. Уж кто-кто, а ты найдёшь ему применение.

— Найти-то найду! — ответил Гэндальф. — Но я за справедливый делёж. Кто знает, может быть, тебе понадобится золота гораздо больше, чем ты

думаешь.

Они положили золото в мешки и взвалили на пони, чем те остались очень недовольны. После этого продвижение их сильно замедлилось, так как большую часть пути пришлось брести пешком. Но зато как приятно было ступать по мягкой зелёной траве! Хоббит шёл и наслаждался и утирал пот красным шёлковым платком. Но не своим — из его запаса ни один не уцелел, и этот платок дал ему взаймы Элронд, ибо с июнем пришло лето, а с ним — зной.

Поскольку всё на свете имеет конец, и наша повесть тоже, то настал день, когда они завидели местность, где Бильбо родился и вырос, где каждый холмик и каждое дерево были знакомы ему как свои пять пальцев. С бугра он увидел вдалеке родной Холм и вдруг остановился и произнёс.

Дорога вдаль и вдаль ведёт,
Через вершины серых скал —
К норе, где солнце не сверкнёт,
К ручью, что моря не видал.
По снегу зимних холодов
И по цветам июньских дней,
По шёлку травяных ковров

И по суровости камней.

Дорога вдаль и вдаль ведёт,
Под солнцем или под луной,
Но голос сердца позовёт —
И возвращаешься домой.
Молчишь, глядишь, глядишь кругом,
И на лугу увидишь ты
Знакомый с детства отчий дом,
Холмы, деревья и цветы.

Гэндальф покосился на него.

— Бильбо, дорогой! — сказал он. — Что с тобой? Я тебя не узнаю!

Они перешли через мост, миновали мельницу на реке и оказались у дома мистера Бэггинса.

— Боже милостивый! Что происходит?! — воскликнул он в изумлении.

У дверей толпилась масса народу, самого разного — солидного и несолидного; все входили и выходили и, как с досадой отметил Бильбо, даже ног не вытирали о коврик.

Впрочем, его удивление нельзя сравнить с их удивлением. Дело в том, что он вернулся в разгар аукциона. На калитке висело большое объявление, чёрным по белому гласившее, что 22 июня

господа Грабб, Грабб и Бэрроуз будут продавать с аукциона имущество покойного Бильбо Бэггинса, эсквайра, из Бэг-Энда Под Холмом, графство Хоббитон; распродажа состоится ровно в десять утра. Сейчас почти подошло время ленча, и большая часть вещей была распродана за различную цену, а вернее сказать, за бесценок, как нередко водится на аукционах. Родственники Бильбо, Саквиль-Бэггинсы, как раз занимались тем, что измеряли комнаты, желая проверить, уместится ли тут их собственная мебель. Словом, Бильбо был признан пропавшим без вести, и не все обрадовались, когда оказалось, что он жив и здоров.

Возвращение мистера Бильбо Бэггинса вызвало большой переполох как Под Холмом, так и За Холмом и По Ту Сторону Реки. Интерес к этому событию спал далеко не сразу. Юридическая волокита продолжалась ещё несколько лет. Много утекло воды, прежде чем мистера Бэггинса признали живым. Тех, кто на распродаже купил вещи по дешёвке, пришлось убеждать в этом особенно долго. В конце концов, чтобы сэкономить время, Бильбо откупил обратно большую часть собственной мебели. Но его серебряные ложечки так и пропали безвозвратно. Откровенно говоря, он подозревал, что это дело рук Саквиль-Бэггин-

сов. Что касается этих родственников, то они так и не согласились считать вернувшегося Бэггинса подлинным и относились к нему недружелюбно. Уж очень им хотелось жить в его славной норке.

Кроме того, Бильбо обнаружил, что потерял не только серебряные ложечки — он потерял репутацию. Правда, всю свою жизнь он оставался другом эльфов, его посещали гномы, волшебники и тому подобные личности, но он перестал считаться почтенным хоббитом. В Хоббитоне он слыл «тронутым», другого мнения придерживались только его племянники и племянницы по туковской линии, но и то взрослые не одобряли их дружбы с Бильбо.

Должен честно сказать, что его это ни капли не волновало. Он был вполне доволен жизнью, чайник у него на очаге пел ещё музыкальнее, чем прежде, в безмятежные дни, до эры Незваных Гостей. Кинжал он повесил над камином. Кольчугу растянул в прихожей, а впоследствии подарил музею. Золото и серебро разошлись главным образом на подарки (что до некоторой степени объясняет привязанность к нему племянников и племянниц). Волшебное кольцо он хранил в глубокой тайне и пользовался им, когда приходили неприятные посетители.

Он пристрастился писать стихи и ходить в гости к эльфам. Многие соседи покачивали головами, вертели пальцами у лба и говорили: «Бедняга Бэггинс!» Мало кто верил рассказам о его приключениях. Но Бильбо, несмотря ни на что, чувствовал себя счастливым до конца жизни, а жизнь его была на редкость долгой.

Однажды осенним вечером несколько лет спустя после путешествия Бильбо сидел в кабинете и писал мемуары. Он думал назвать их «Туда и обратно. Странствия хоббита». Вдруг в дверь позвонили, вошёл Гэндальф и с ним гном не кто иной, как Балин!

— Входите! Входите! — закричал Бильбо. Они уселись в кресла у камина. Балин заметил, что жилет на мистере Бэггинсе стал не в пример богаче, чем раньше, с на стоящими золотыми пуговицами. А Бильбо заметил, что борода у Балина удлинилась ещё на несколько дюймов. И на нём роскошный пояс, расшитый драгоценными камнями.

Они, естественно, предались воспоминаниям. Бильбо спросил, как поживают Под Горой и вокруг неё. Выяснилось, что живут все как нельзя лучше. Бэрд выстроил город Дейл заново, и туда собрались люди с озера, с юга и запада;

долину возделывают, и она опять сделалась плодородной. Места Запустения весной изобилуют цветами и птицами, осенью славятся плодами и праздничными пирами. Озёрный город тоже восстановили, и теперь он опять разбогател, и по реке Быстротечной вверх и вниз снуют лодки с товарами. Эльфы, гномы и люди живут в большой дружбе.

Старый бургомистр кончил плохо. Бэрд дал ему много золота для жителей Озёрного города. Но так как бургомистр принадлежал к тому сорту людей, кто легко подхватывает заразу, то он и заболел драконовой болезнью, забрал почти всё золото, сбежал в Дикий Край и там умер от голода.

— Новый бургомистр ведёт себя умнее, — закончил Балин, и пользуется большой популярностью. Ему, естественно, вменяется в заслугу нынешнее процветание. В новых песнях уже поётся про то, как при нём наконец потекли золотые реки.

— Так, значит, в каком-то смысле старинные пророчества сбылись? — заметил Бильбо.

— Конечно! — ответил Гэндальф. — Почему бы им не сбыться? Ты, надеюсь, не утратил веры в пророчества оттого, что сам помогал их осуществлять? Не думаешь же ты всерьёз, будто всякий раз ты выходил сухим из воды просто так,

благодаря твоей счастливой звезде? Право же, всё складывалось так удачно не только ради твоего спасения. Спору нет, мистер Бэггинс, личность вы превосходная, и я вас очень люблю, — тут он добродушно улыбнулся маленькому хоббиту, — но не забывайте, пожалуйста, что мир огромен, а вы персона не столь уж крупная!

— Ну и прекрасно! — засмеялся Бильбо. — Зато у меня отличный табачок! — И протянул волшебнику табакерку.



* * *



Автор этой книги — Джон Рональд Руэл Толкин (1892–1973) — известный учёный, профессор литературы из Оксфорда, специалист по средневековому фольклору и мифологии. Сказочную

повесть об удивительном и трогательном народце хоббитах профессор Толкин написал в 1936 году. После «Хоббита» Дж. Р. Р. — так называют Толкина во всём мире — создал трилогию «Властелин Колец» о дальнейшей судьбу Волшебного кольца и персонажах «Хоббита» и этим навечно вписал своё имя в историю английской фантастической литературы.

